

№ 50/4

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАНЫМЪ

ПО ВЪСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНІЮ



ОТДѢЛЕНІЕ 1.

№ 50
7

ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I. — 3

71150
7

**ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,**

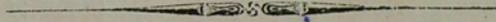
ИЗДАНЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.



ОТДѢЛЕНІЕ I.-3

СВ. ИКОНЫ. КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.



71150-7640

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1849.

Печатано по опредѣленію В Ы С О Ч А Й Ш Е учрежденнаго Комитета для изданія
Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

| | |
|--|-------------------|
| ПРЕДИСЛОВІЕ отъ Комитета изданія. | страницъ I—IV. |
| ВВЕДЕНІЕ къ описанію художественныхъ памятниковъ церковной древности въ Россіи. | V—VIII. |

СВ. ИКОНЫ.

| | |
|---|----------|
| 1. Икона Владимірскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 1.</i> | 3 |
| 2. Образъ Юсафовской Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 2.</i> | 8 |
| 3. Св. Икона Одигитрии Смоленскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 3.</i> | 10 |
| 4. Новгородскіе резные образа. <i>Рисунокъ Отд. I. N 4.</i> | 12 |
| 5. Новгородскій Образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. <i>Рисунки Отд. I. N 5,</i> <i>6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.</i> | 15 |
| 6. Стѣнной Образъ Спаса Смоленскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 14.</i> | 21 |
| 7. Образъ Св. Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 15.</i> <i>Рисунокъ Отд. I. N 16.</i> | 23 26 |
| <i>Рисунки Отд. I. N 17, 18, 19.</i> | 27 |
| ней. <i>Рисунокъ Отд. I. N 20.</i> | 29 |
| къ образу св. Георгія. <i>Рисунокъ Отд. I. N 21.</i> | 32 |
| са съ гербомъ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 22.</i> | 40 |
| <i>Рисунки Отд. I. N 23.</i> | 42 |

КНИГА ИМЕЕТ

| | | | | | | | | |
|----------------------|---------|---------------------------------------|---------|-------|----------|----------------|-----------------------------|-------|
| Листовъ печатныхъ | Выпускъ | В перепл. един. соедин. №№ вып. | Таблицъ | Картъ | Иллюстр. | Служебн. №№ | №№ списка и порядковъ | 2002. |
| | | 1848-53 | | | | 2 | 12 | |
| | | Дмг-1-3 | | | | | | |

Печатано по опредѣленію В Ы С О Ч А Й Ш Е учрежденнаго Комитета для изданія
Древностей Россійскаго Государства.

1854

| КНИЖКА | | | | | |
|--------|-----------|---------|---------|------|-------------------|
| № | Имя | Фамилия | Возраст | Пол | Занятіе |
| 1 | Иван | Иванов | 25 | Муж. | Учитель |
| 2 | Петр | Петров | 30 | Муж. | Доктор |
| 3 | Александр | Сидоров | 20 | Муж. | Студент |
| 4 | Марія | Иванова | 18 | Жен. | Учительница |
| 5 | Екатерина | Петрова | 22 | Жен. | Сестра милосердія |

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

| | |
|--|---------------|
| ПРЕДИСЛОВІЕ отъ Комитета изданія. | стр. I—IV. |
| ВВЕДЕНІЕ къ описанію художественныхъ памятниковъ церковной древности въ Россіи. | V—VIII. |

СВ. ИКОНЫ.

| | |
|---|----|
| 1. Икона Владимірскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 1.</i> | 3 |
| 2. Образъ Юсафовской Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 2.</i> | 8 |
| 3. Св. Икона Одигитрии Смоленскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 3.</i> | 10 |
| 4. Новгородскіе рѣзные образа. <i>Рисунокъ Отд. I. N 4.</i> | 12 |
| 5. Новгородскій Образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. <i>Рисунки Отд. I. N 5,</i> <i>6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.</i> | 13 |
| 6. Стѣнной Образъ Спаса Смоленскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 14.</i> | 21 |
| 7. Образъ Св. Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 15.</i> | 23 |
| 8. Образъ Свирской Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 16.</i> | 26 |
| 9. Образъ Донскія Богоматери. <i>Рисунки Отд. I. N 17, 18, 19.</i> | 27 |
| 10. Образъ Положенія Ризы Господней. <i>Рисунокъ Отд. I. N 20.</i> | 29 |
| 11. Барельефъ, извѣстный подъ именемъ Образа св. Георгія. <i>Рисунокъ Отд. I. N 21.</i> | 32 |
| 12. Древніе складни, тѣльничъ и бляха съ гербомъ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 22.</i> | 40 |
| 13. Древнія гривны и образки. <i>Рисунокъ Отд. I. N 23.</i> | 42 |

КРЕСТЫ.

| | страниц. |
|---|----------|
| 14. Новгородские наперсные кресты. <i>Рисунокъ Отд. I. N 24.</i> | 46 |
| 15. Антониевъ крестъ воздвизальный. <i>Рисунки Отд. I. N 25, 26.</i> | 47 |
| 16. Корсунские кресты. <i>Рисунки Отд. I. N 27, 28.</i> | 49 |
| 17. Напрестольный крестъ Царя Юанна Васильевича. <i>Рисунки Отд. I. N 29, 30, 31, 32.</i> | 51 |
| 18. Рѣзные кресты. <i>Рисунки Отд. I. N 33, 34</i> | 53 |
| 19. Измайловские крестъ и братина. <i>Рисунокъ Отд. I. N 35.</i> | 58 |

УТВАРЬ ХРАМОВАЯ.

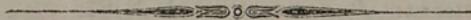
| | |
|---|----|
| 20. Царские брачные вѣнцы и Митрополичья панагия. <i>Рисунки Отд. I. N 36, 37,</i> | 60 |
| 21. Золотое кадило въ Архангельскомъ соборѣ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 33.</i> | 63 |
| 22. Древняя кадила. <i>Рисунокъ Отд. I. N 39.</i> | 64 |
| 23. Алавастръ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 40.</i> | 66 |
| 24. Коронка на гвоздь Господень. <i>Рисунокъ Отд. I. N 41.</i> | 67 |
| 25. Яшмовый сосудъ для Царскаго муропомазанія. <i>Рисунки Отд. I. N 42, 43.</i> | 69 |
| 26. Новгородская братина. <i>Рисунки Отд. I. N 44, 45.</i> | 74 |
| 27. Новгородская лампада. <i>Рисунки Отд. I. N 46, 47.</i> | 77 |
| 28. Железное Новгородское паникадило. <i>Рисунокъ Отд. I. N 48.</i> | 80 |
| 29. Серебряная дарохранительница. <i>Рисунки Отд. I. N 49, 50, 51, 52.</i> | 81 |
| 30. Дарохранительница. <i>Рисунокъ Отд. I. N 53.</i> | 83 |
| 31. Панагия артосная. <i>Рисунки Отд. I. N 54, 55, 56, 57, 58.</i> | 84 |
| 32. Старинныя лампады, калита и труба Царя Ивана Васильевича. <i>Рисунокъ Отд. I. N 59.</i> | 88 |
| 33. Слюны. <i>Рисунокъ Отд. I. N 60.</i> | 89 |
| 34. Ковчегъ серебряный въ Архангельскомъ соборѣ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 61.</i> | 92 |
| 35. Старинная ладанница. <i>Рисунки Отд. I. N 62, 63.</i> | 93 |
| 36. Ладанница. <i>Рисунки Отд. I. N 64, 65.</i> | 94 |
| 37. Золотой потиръ Царя Θεодора Алексѣевича. <i>Рисунокъ Отд. I. N 66.</i> | 95 |
| 38. Звѣздница и тарелочка золотыя и ложка костяная. <i>Рисунокъ Отд. I. N 67.</i> | 96 |
| 39. Антониевы сосуды. <i>Рисунокъ Отд. I. N. 68.</i> | 98 |

| | | |
|-----|--|-----|
| 40. | Старинное панникадило теремной церкви. <i>Рисунокъ Отд. I. N 69.</i> | 161 |
| 41. | Старинное медное панникадило. <i>Рисунокъ Отд. I. N 70.</i> | 102 |
| 42. | Три старинные подсвѣчника. <i>Рисунокъ Отд. I. N 71.</i> | 104 |
| 43. | Древняя вощаницы. <i>Рисунки Отд. I. N 72, 73.</i> | 105 |
| 44. | Старинный фонарь. <i>Рисунокъ Отд. I. N 74.</i> | 108 |
| 45. | Чаша времянь Царя Юанна IV, шандалъ времянь Царя Михаила Θεодоровича и старинное кадило. <i>Рисунокъ Отд. I. N 75.</i> | 109 |
| 46. | Било, рипида и крестики. <i>Рисунокъ Отд. I. N 76.</i> | 110 |
| 47. | Евангелие, писанное Алексоемъ въ XII вѣкѣ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 77.</i> | 112 |
| 48. | Напрестольное Евангелие начала XIV вѣка. <i>Рисунокъ Отд. I. N 78.</i> | 114 |
| 49. | Напрестольное Евангелие конца XIV вѣка. <i>Рисунки Отд. I. N 79, 80, 81.</i> | 116 |
| 50. | Царское напрестольное Евангелие 1693 года. <i>Рисунки Отд. I. N 82, 83, 84.</i> | 118 |

ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

| | | |
|-----|--|-----|
| 51. | Митры Юва и Никона, Патриарховъ всея Россіи. <i>Рисунки Отд. I. N 85, 90.</i> | 120 |
| 52. | Патриаршая митра. <i>Рисунокъ Отд. I. N 86.</i> | 126 |
| 53. | Митра Никона Патриарха. <i>Рисунокъ Отд. I. N 87.</i> | 127 |
| 54. | Митра пожалованная Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ Никону Патриарху. <i>Рисунокъ Отд. I. N 88.</i> | 129 |
| 55. | Греческая митра. <i>Рисунокъ Отд. I. N 89.</i> | 130 |
| 56. | Митра, присланная изъ Греціи къ Патриарху Никону. <i>Рисунокъ Отд. I. N 91.</i> | 131 |
| 57. | Патриаршіе клобуки. <i>Рисунки Отд. I. N 92, 93.</i> | 133 |
| 58. | Патриархъ Никонъ съ своимъ клиромъ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 94.</i> | 140 |
| 59. | Патриаршая ходильная одежда. <i>Рисунки Отд. I. N 95, 103.</i> | 145 |
| 60. | Древнѣйшія облаченія Новгородскихъ Святителей. <i>Рисунки Отд. I. N 96, 97 98, 99, 100.</i> | 149 |
| 61. | Риза Преподобнаго Сергія и его ложка. <i>Рисунокъ Отд. I. N 101.</i> | 151 |
| 62. | Ножъ, ножны съ кошелькомъ и старинная деревянная чаша Преподобнаго Сергія. <i>Рисунокъ Отд. I. N 102.</i> | 153 |
| 63. | Клобукъ, трость, четки, шляпа, сапогъ, сандалии и брусокъ Никона Патриарха. <i>Рисунокъ Отд. I. N 103.</i> | 155 |

| | стран |
|--|-------|
| 64. Архирейскій посохъ и Царская чарочка. <i>Рисунокъ Отд. I N 104.</i> | 156 |
| 65. Посохъ св. Епископа Никиты и Святительская панагия. <i>Рисунокъ Отд. I. N 105.</i> | 157 |
| 66. Янтарный посохъ Патриарха Филарета Никитича. <i>Рисунокъ Отд. I. N 106.</i> | 161 |
| 67. Парамандъ, поясъ и чашечки, найденныя въ гробъ въ церкви Спаса на Бору. <i>Рисунокъ Отд. I. N 107</i> | 162 |
| 68. Панагия Патриарха Юасафа. <i>Рисунокъ Отд. I. N 108.</i> | 167 |
| 69. Панагии Патриаршия. <i>Рисунки Отд. I. N 109. 111.</i> | 168 |
| 70. Панагия въ Архирейской ризницѣ Владимирскаго Рождествена монастыря. <i>Рисунокъ Отд. I. N 110.</i> | 173 |
| 71. Четки, кресла и столъ Никона Патриарха. <i>Рисунокъ Отд. I. 112.</i> | 175 |



Сохраненіе памяти о временахъ прошедшихъ проявляется искони въ обычаяхъ Русскихъ Святителей, Великихъ князей, Боярѣ и всего народа полагать въ храмы, на вѣчную память себѣ, иконы, одежды, утварь и различныя взносы на украшеніе церквей. Въ лѣтописи, въ годъ нашествія Монголовъ на Владимиръ, упоминается объ одеждахъ первыхъ Великихъ Князей « еже бяху повѣшали въ Церквахъ на память собѣ. » Храмы и были первыя хранилища сокровищъ Русской древности.

Гражданская Археологія, какъ наука, образовалась въ Россіи вмѣстѣ съ водвореніемъ понятія объ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, какъ основателя существеннаго единства Царства и единства духа народнаго. При Императрицѣ Екатерины положено начало своду лѣтописей; но Археологія, въ то время, занималась еще изученіемъ памятниковъ Греціи и Рима. Мысль объ образованіи отечественнаго хранилища древностей принадлежитъ Императору Александру; по его повелѣнію, основана Оружейная Палата, для помѣщенія и охраненія остатковъ древней Царской Большой Казны, которая нѣкогда приводила въ изумленіе пословъ Европейскихъ, горами золота, жемчугу и драгоценныхъ камней въ одеждахъ и утваряхъ царскихъ.

Но кромѣ этого богатства, сокровища древности разсыяны были по всей Россіи, въ ризницахъ храмовъ и монастырей, въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, истребляясь, изтлѣвая и постепенно теряя свое

значение въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ и всеобъемлющею заботливостію благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Павловича.

Повелѣвая свято хранить памятники и остатки древностей Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ соизволилъ, чтобъ все, что заслуживаетъ вниманіе и составляетъ матеріалъ Исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостію, описано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайше возложено было на Г. Президента Императорской Академіи Художествъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Оленина, а изображеніе памятниковъ Русской старины поручено Г. Академику Солнцеву.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, совершая ежегодныя поѣздки по Россіи, Г. Солнцевъ срисовалъ значительное количество Русскихъ древностей — храмовыхъ, великокняжескихъ и царскихъ, ратныхъ и вообще напоминающихъ старину быта Русскаго и древняго Русскаго искусства.

Начатые многотрудные опыты изданія этихъ рисунковъ посредствомъ раскрашиванія гравированныхъ и литографическихъ очерковъ, были прерваны смертію ученаго и трудолюбиваго руководителя этого археографическаго изданія, Г. Президента Оленина. Государь Императоръ, съ благоотворною попечительностію, соблаговолилъ принять подъ личную заботу собраніе драгоценныхъ рисунковъ древностей и непрерывную дѣятельность по этому предмету, и повелѣлъ учредить въ Москвѣ Комитетъ изданія Древностей Россійскаго Государства.

Предположенія и начала изданія Древностей Россійскаго Государства А. Н. Оленина, составляли личный его трудъ и опыты этнографическаго описанія Славяно-Руссовъ со временъ историческихъ. « Главная цѣль сочиненія Древностей Россійскаго Государства, говоритъ Г. Оленинъ въ очеркѣ предисловія, будетъ состоять въ точнѣйшемъ изслѣдованіи нравовъ, обычаевъ и одежды или костюма Русскаго народа отъ VI до XVIII вѣка по Р. Х., особенно для художниковъ.... Въ этомъ собраніи самыхъ отчетливыхъ рисунковъ показаны будутъ настоящіе виды одѣяній, оружія, первобытныхъ жилищъ, храмовъ, зданій, скарба, однимъ словомъ, всѣхъ предметовъ, которые могутъ входить въ составъ этнографическихъ описаній племенъ Славянскихъ и особенно Русскаго народа. Къ сему своду историческихъ доказательствъ въ лицахъ, присовокуплено будетъ все, что

« у насъ въ Россіи имѣется изъ числа произведеній другихъ народовъ и все, « что можетъ служить яснымъ доводомъ къ подтвержденію сказаннаго о « многолюдныхъ племенахъ Славянъ въ письменныхъ преданіяхъ древнихъ « и новѣйшихъ авторовъ. »

Обширность этого предположенія и сравнительная метода описанія, имѣя свое великое значеніе для науки, какъ плодъ долговременнаго труда изыскателя, не могли быть приняты Комитетомъ въ основаніе; ибо главной, предназначенной цѣлью его было собственно изданіе собранныхъ рисунковъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности Русской, съ соответственнымъ описаніемъ; но не ученныя изысканія и не сравнительный, чисто этнографическій сводъ древностей Славянскихъ племенъ въ соприкосновеніи съ прочими народами.

Основываясь на этомъ, и приступая къ исполненію Высочайшей воли, Комитетъ распорядился о составленіи новаго проекта изданія и опыта о возможности печатанія акварельныхъ рисунковъ Г. Академика Солнцева посредствомъ литохроміи или печатанія масляными красками, въ Москвѣ.

Получивъ Высочайшее утвержденіе на проектъ изданія, а равно дарованныя щедротами Государя Императора средства къ безотлагательному и успѣшному исполненію, Комитетъ приступилъ къ изданію.

Первый отдѣлъ огромнаго и великолѣпнаго изданія « Древностей Россійскаго Государства » состоитъ изъ 500 большаго формата рисунковъ, распределенныхъ, по содержанію своему, на 6 отдѣленій, съ соответственнымъ описаніемъ.

Первое отдѣленіе Древностей Россійскаго Государства заключаетъ въ себѣ священные памятники: а) Образа и кресты, замѣчательные какъ по историческому значенію въ отношеніи отечественныхъ событій, такъ и въ художественномъ отношеніи разныхъ родовъ и школъ священной живописи. б) Утварь храмовую разныхъ временъ, избранную по древности, красотѣ формъ, драгоцѣнности, или сродству съ священными преданіями. в) Облаченіе сана духовнаго — одежды древнихъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, Патріарховъ и Святыхъ Отцовъ — сакосы, фелони, митры и проч.

Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древній Царскій чинъ, или священное облаченіе Русскихъ Великихъ Князей и Царей при поставленіи на царство: наслѣдственный вѣнецъ Россіи, св. бармы, скипетръ, державу, наперсный крестъ, присланные въ даръ Греческимъ Императоромъ, и из-

вѣстные подь названіемъ Мономаховыхъ. Царскія шапки большого и меньшаго наряда, шапки алмазныя, короны, державы, бармы, скипетры, жезлы и посохи, цѣпи, становые кафтаны и троны.

Третье отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю броню, и оружіе: шлемы, шишаки, или ерихонскія шапки, между которыми первое мѣсто занимаютъ шлемы Ярослава Всеволодовича и Александра Невского; мисюрки, или оглавія съ кольчужными полами, бахтерцы, зерцалы, кольчуги, наручи, бутурлики, юшманы; древнія знамена, щиты, торчи, шестоперы, пернаты и булавы; сабли, палаши, кончары, мечи, кинжалы, сѣкиры, чеканы, рогатины, протазаны, пищали, самострѣлы, налучи и колчаны; древніе экипажи и конскую сбрую.

Четвертое отдѣленіе составляютъ древнія Великокняжескія, Царскія, Боярскія и мѣстныя народныя одежды въ изображеніяхъ и портретахъ, въ числѣ которыхъ изображеніе семейства Святослава Ярославича, портреты Филарета Никитича, Царя Θεодора Алексѣевича и проч и проч.

Пятое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю Царскую столовую утварь: блюда, братины, кубки, чаши, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулеи, воронки, крошники, рукомойники и лохани, серебряныя бочки и ведры, ро- сольники, стоянцы и проч.

Шестое отдѣленіе состоитъ изъ памятниковъ древняго Русскаго Зодчества.

Предсѣдатель Комитета Генералъ Адъютантъ Графъ Сергій Строгановъ.

Членъ Комитета Д. С. С. Михаилъ Загоскинъ.

Членъ Комитета С. С. Иванъ Снегиревъ.

Членъ Комитета Н. С. Александръ Вельтманъ.

МОСКВА,
Декабря 1848 года.

ВВЕДЕНІЕ

къ

ОПИСАНІЮ ХУДОЖНИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

ЦЕРКОВНОЙ ДРЕВНОСТИ

ВЪ РОССІИ.

Представляя въ этомъ отдѣлѣ описаніе разныхъ предметовъ церковной Археологіи, преимущественно Ангиографіи т. е. описанія сосудовъ, и иконографіи, (1) почитаемъ за необходимое представить въ краткомъ очеркѣ художественную дѣятельность старобытной Руси. Въ ней древнѣйшіе и драгоценнѣйшіе памятники иконописи и торевтики, или чеканной работы обязаны своимъ происхожденіемъ Религіи, которая, давая имъ направленіе, сообразно духу своему и цѣли, опредѣляла не только ихъ форму и назначеніе, но и самое вещество. Освященныя ею художества сдѣлались служебными для Церкви, а произведенія ихъ были столько же памятниками благочестія, сколько искусства.

(1) Памятники церковнаго зодчества не вошли въ составъ сего изданія.

И такъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ искусства на Русь, единственнымъ его началомъ и средоточіемъ была Христіанская Вѣра. Оживотворяя явленія художествъ, развивая художественную силу въ народѣ, она употребила зодчество для сооруженія святольпныхъ храмовъ, торептику и живопись для украшенія ихъ св. утварями и образами. Хотя, согласно съ правилами своими, Церковь отвергла ваяніе, какъ изконное и обычное орудіе идолопоклонства; но допускала рѣзбу, изображавшую обронно (рельефно) на деревѣ, кости и камнѣ, кресты, панагіи и св. иконы, позволяла изваянія на внѣшности храмовъ, каковы во Владимирѣ Кляземскомъ и Юрьевѣ Польскомъ.

Какъ первымъ разсадникомъ Христіанства, такъ и церковныхъ художествъ, былъ Кіевъ, потомъ Новгородъ, откуда онѣ проникли на сѣверо-востокъ Руси. Въ стольномъ городѣ Византійскіе Греки сооружали церкви, украшали ихъ иконописью, стѣнописью и Цареградскою мусією, произведеніями чеканной работы и литейнаго искусства. Перенесенный ими Византійскій церковный стиль усвоенъ былъ подражавшими имъ Русскими художниками. Отъ него произошелъ стиль *Корсуискій*, въ какомъ производили художники и ремесленники Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. (2) Въ послѣдствіи, слова *Греческій* и *Корсуискій* обратились въ нарицательныя, въ значеніи *отличный* и *превосходный*; онѣ даже придавались и произведеніямъ Русскихъ художниковъ, подражавшихъ этому стилю. Лѣтописи наши не рѣдко упоминаютъ о *Корсуискихъ колоколахъ, иконахъ и утваряхъ*. Художники въ Россіи, такъ какъ въ Греціи, Италіи, Германіи и Англии, составляли товарищества или братства; почему лѣтописи наши, упоминая объ ихъ произведеніяхъ, прибавляютъ, что такой-то работалъ съ *други, съ братією, съ товарищи, съ ученики*. Такъ какъ нерѣдко художество съ его тайнами передавалось отъ отца къ сыновьямъ и внучатамъ: то и у Русскихъ, встрѣчаемъ нѣчто подобное такъ называемымъ у Нѣмцевъ *Künstlerfamilien*.

(2) Гор. Корсунъ въ Кіевской гб. въ Богуславскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Росѣ, вѣроятно, заселенный въ древности выходцами изъ Херсона Таврическаго. см. *Книга, глаголемая Большой Чертежъ*, М. 1846, въ 8.

Не соединяя съ художествомъ высокаго понятія о творчествѣ, а съ ремесломъ или *ремесломъ* унизительнаго, Русскіе въ древности еще не различали свободнаго художества отъ служебнаго, раболѣпнаго ремесла (3); но въ смыслѣ, отчасти близкомъ къ тому какой нынѣ даемъ художнику, они называли его *хитрецомъ*, *мастеромъ*, а художественность—*хитростію*. Вся хитрость состояла не столько въ изобрѣтеніи, сколько въ исполненіи, отдѣлкѣ.

Послѣ столькихъ разгромовъ, уцѣлѣвшіе остатки памятниковъ искусства видимъ въ открытыхъ недавно фрескахъ и мозаическихъ образахъ Софійскаго Кіевскаго собора и Десятинной церкви. Сохранившіяся въ церквахъ Кіева и время отъ времени выкапываемыя изъ земли разныя древнія утвари и узорочья свидѣтельствуютъ намъ о состояніи иконописи и торевтики до-Монгольскаго періода. (3) Золото и серебро, добываемое войною и торговлею, посвящалось на украшеніе св. иконъ и на устройство св. утварей. Торевтика выдѣлывала изъ серебра и золота рѣзные, чеканные и сканные вѣнцы, ризы, оплечья, гривны и дробницы на св. иконы, къ коимъ присоединялись украшенія изъ мусіи, финифти и черни. По видимому, съ особенною роскошью убранства *испещряемъ* былъ образъ Богоматери, которую псалмопѣвецъ такъ предъизображаетъ: « рясны златыми одѣяну и преиспещренну. » (4) На ея иконахъ, прославленныхъ чудесами, были въ числѣ привѣсокъ рясны, серги, ожерелья, цаты, гривны. Такъ изъ описанія образа Владимирскія Богоматери мы уже видѣли, сколько золота, серебра, жемчугу и дорогихъ камней употребилъ на ея убранство В. К. Андрей Боголюбскій. Какъ одно изъ главныхъ украшеній не только въ церквахъ, но и въ теремахъ, gridняхъ, хоромахъ и палатахъ составляли св. иконы; то благоговѣйное усердіе Князей, бояръ и богатыхъ купцовъ облакало ихъ драгоценными окладами.

Издревле также главнымъ предметомъ художественной дѣятельности на Руси были и *утвари* (*utensilia*) церковныя, кои не только значатъ сосуды и орудія, но и самыя одежды. По правиламъ Церкви, утвари сіи должны быть, сколько

(3) Въ Русской Правдѣ за голову ремесленника взималось 12 гривенъ, вдвое противъ холопа.

(4) Очеркъ исторіи города Кіева, *Н. Закревскаго*. Ревель, 1836, въ 8.

(5) *Псал.* XLIV. 14.

возможно, « правильного устройства и лучшаго вещества. » (6) Всѣ сосуды и орудія, употребительныя при Богослуженіи, въ юридическомъ языкѣ гес *sacra*, вещи священныя, для церковнаго употребленія были благословенныя и освященныя. (7) Между ними первое мѣсто занимають, какъ въ высшей степени священныя: *потиръ съ дискосомъ, звѣздницею и лжицею, ковчегъ или кивотъ для храненія божественныхъ даровъ, потомъ напрестольные крестъ и Евангеліе, рипиды, митры, наперсные кресты и панакіи* артосныя, трапезныя и столовыя, и прочая утварь, необходимая при богослуженіи, *водосвятныя чаши, укропники, или ковши для теплоты, сосудцы виноводные, (кукумы) достоканы, анафорныя блюда* и пр. Наконецъ священныя облаченія, покровы, судари, (8) убрусы и пелены, кои тореvetica нерѣдко украшала чеканными, сканными и рѣзными дробницами и плащами. Въ нашей церковной древности встрѣчаются утвари, нынѣ или мало употребительныя, или уже вышедшія изъ употребленія. Таковы: *Іерусалимы, или Сіоны, кацеи, или ручныя кадилницы, артосныя панакіи, чаши Пречистыя, кратиры, фелони*, коихъ знаменованіе объяснено нами въ отдѣльныхъ статьяхъ. Утвари сіи составляютъ предметъ священной Ангіографіи.

Сколь важно историческое и догматико-символическое ихъ значеніе, столь занимательно ихъ отношеніе къ художествамъ, къ вѣку и мѣстности художниковъ. Проявляя въ нихъ свое *замышленіе, преизмечтательность* и искусство, они нерѣдко присоединяли свое имя къ имени доброохотнаго дателя въ подписи на утвари. Иногда въ этихъ памятникахъ церковной древности поражаетъ насъ переходъ отъ скудости и простоты къ богатству и великолѣпію матеріаловъ, отъ деревянныхъ сосудовъ Препод. Сергія и Никона къ золотымъ потирамъ Патріарховъ Филарета и Никона. Бывали случаи, что древнія сіи утвари представлялись на отечественныхъ соборахъ въ утверженіе православія и въ улику раскола. Такъ въ Москвѣ 1682 г. Патріархъ Іоа-

(6) Записки по церковному Закономѣдѣнію. Кіевъ, 1848, въ 8.

(7) Требникъ М. Петра Могилы, ч. II, о различныхъ освященіяхъ о благословеніяхъ церковныхъ.

(8) Такъ читаемъ о сударяхъ (*sudaria*) въ описи Московск. Усп. собора, въ началѣ XVII вѣка. «Сударь, на немъ шиты святыя золотомъ и серебромъ по зеленой камгѣ, подложены тафтою красною.»

кимъ на соборѣ предложилъ въ свидѣтельство четвероконечнаго креста Корсунскій крестъ и Антоніевъ потиръ.

Такъ какъ св. иконы и утвари составляли необходимую принадлежность и святыню церквей : то Греческіе, Корсунскіе и вмѣстѣ съ ними Русскіе художники и ремесленники трудились надъ украшеніемъ первыхъ и надъ выдѣлкою послѣднихъ. Сего требовало множество церквей въ Кіевѣ, особенное усердіе Князей и сановниковъ къ ихъ благолѣпію. Если справедливо сказаніе Епископа Мерзебургскаго Дитмара: то около 1018 г. въ Кіевѣ было болѣе 400 церквей ; а Лаврентьевская и Новгородская лѣтописи свидѣлствуютъ, что 1124 года, тамъ сгорѣло однѣхъ церквей до шести сотъ. (9)

На сооруженіе великолѣпнѣйшей Софійской церкви Ярославъ I призвалъ почти всѣ образовательныя искусства, зодчество, ваяніе, торевтику, также мозаику и живопись, коихъ остатки пережили до нашего времени всѣ опустошенія и расхищенія. Кромѣ Греческихъ художниковъ, украшавшихъ своими произведеніями, какъ этотъ, такъ и другіе храмы Кіевскіе, были и Русскіе, замѣчательнѣйшій изъ нихъ св. Алимпій Печерскій, мозаистъ и иконописецъ, о которомъ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. (10) Внутренность святилища блистала серебромъ и золотомъ, искусно отработаннымъ, красовалась мозаикой и мраморомъ, которые покрывали стѣны и помость : здѣсь соединялись хитрости Иерусалимскія и мудрости Цареградскія ; а инокъ Феодоръ видѣлъ въ Варяжской пещерѣ множество сосудовъ Латинскихъ. Батій послѣ себя оставилъ въ Кіевѣ однѣ пожарища и развалины, гдѣ уцѣлѣли скудныя остатки древняго великолѣпія. Но, кажется, неистошмы были церковныя сокровища Русскаго Иерусалима, какими надѣляло его святилища благочестивое усердіе богомольцевъ, стекавшихся туда изъ всей Россіи на поклоненіе; ибо св. Фотій Митрополитъ вывезъ оттуда въ Москву « все узорочіе церковное и сосуды » а Менгли-Гирей въ 1482 году, по взятіи сего священнаго града, прислалъ къ союзнику своему Іоанну III, похищенный тамъ золотой сосудъ съ дискомъ.

(9) Очеркъ Исторіи города Кіева, сост. *Н. Закревскимъ*. Ревель, 1836, въ 8.—Обозрѣніе Кіева, въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1831 г. въ 4.

(10) *Патерикъ Печер.* ч. 153.

Художественная сила, проявлявшаяся въ матери градовъ Русскихъ, подъ вліяніемъ Византійцевъ, разпространилась и на сѣверъ Россіи, когда уже Кіевъ утратилъ прежнее свое значеніе. Такъ лѣтописецъ передаетъ намъ о святолѣпности Владимирскаго собора, обогащеннаго В. К. Андреемъ Боголюбскимъ; онъ говоритъ о погибшихъ въ пожарѣ драгоцѣнныхъ его узорочьяхъ, серебряныхъ паникадилахъ, золотыхъ сосудахъ, чудныхъ иконахъ, кованыхъ золотомъ съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, объ одеждахъ, шитыхъ золотомъ.» Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, которую сравниваетъ лѣтописецъ съ храмомъ Соломоновымъ, сынъ Юрія Долгорукаго « устрои различными цатами, украси ю и златомъ и финифтомъ и всякою добродѣтелю.» По комарамъ храма поставлены были золотыя птицы (потки), кубки и вѣтрила. (11) Этотъ же ревнитель церковнаго благолѣпія устроилъ въ соборную церковь три золотыхъ двери, такой же амвонъ, освѣтилъ ее золотыми и серебряными паникадилами, принесъ ей въ даръ изъ чистаго золота сосуды служебныя, три Іерусалима и рипиды, усѣянныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Пожары и Батый лишили Владимиръ этихъ памятниковъ древняго художества. Соборныя церкви въ Новгородѣ, Суздальѣ и Ростовѣ славились драгоцѣнными утварями; въ двухъ послѣднихъ помость былъ изъ разноцвѣтнаго краснаго мрамора. Вольнскій лѣтописецъ рассказываетъ намъ о великолѣпнѣйшей церкви св. Іоанна, которую украсилъ Кн. Данилъ Галицкій, призвавшій « кузнецовъ желѣзу, мѣди и серебру изъ Нѣмцовъ, Ляховъ и Татаръ. » На этомъ храмѣ изваяны были головы человѣческія « нѣкіимъ хитрецомъ; окна украшены Римскими стеклами, верхъ звѣздами золотыми по лазури, внутренній помость слить изъ мѣди и олова, блестящъ яко зеркало.» Двои двери изъ Галицкаго и Холмскаго камня « изрыты нѣкіимъ хитрецомъ Авдеемъ. » (12) Также Владимиръ Васильковичъ Вольнскій надѣлялъ церкви коваными изъ серебра сосудами, иконами золотыми съ финифтью, слилъ мѣдныя двери. Все это не доказываетъ ли ревности державцевъ Русской земли къ благолѣпію храмовъ Божіихъ!

(11) *Карамз.* II. Г. Р. III, пр. 27. въ Кіевской лѣтоп.

(12) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II. 112.

Подобныя украшенія требовали дѣятельности художниковъ, которыхъ доставляла Россіи не одна Византія, но и Германія: уже въ Суздалѣ появляются и Русскіе мастера, которые замѣняли Нѣмцевъ. Для возобновленія тамъ соборной церкви 1193 г. Епископъ Іоаннъ искалъ художниковъ отъ Нѣмцевъ, «и обрѣте ихъ отъ работныхъ людей своей Епископии.» (13) Торговья сношенія Новгорода съ Ганзейскими городами привлекали изъ Германіи художниковъ въ Россію, гдѣ они находили себѣ обширное поприще для дѣятельности. Нельзя не предполагать сочувствія имъ въ народѣ и художественной силы у Русскихъ, которая время отъ времени обнаруживалась въ произведеніяхъ отечественнаго искусства, даже среди разгромовъ Монголо-татарскаго періода. Были и Русскіе мастера, которые славились своимъ мастерствомъ даже въ Ордѣ, обильной сокровищами. Въ XIII вѣкѣ Плано-Карпини встрѣтилъ при Ханскомъ дворѣ любимаго Ханомъ Русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Козьму, который устроилъ для Куине Царскій престолъ и печать. (14)

Въ то время, какъ самосудный Новгородъ цвѣлъ торговлею, изобиловалъ дорогими металлами, когда его храмы красовались богатыми утварями, искусно сдѣланными, тогда Великокняжескій и Святительскій престолы начали привлекать художниковъ въ юную Москву для сооруженія въ ней теремовъ Княжескихъ и храмовъ Божіихъ, для украшенія ихъ утварями подъ вліяніемъ Византійскаго завѣтнаго стиля. Вмѣстѣ съ зодчествомъ, литейнымъ и живописнымъ искусствомъ появляются въ Московскомъ мірѣ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, славившіеся въ XIV вѣкѣ своими издѣліями. Таковы Парамша, Шышка и Макарь, упоминаемые духовными грамотами Московскихъ Великихъ Князей. (15) Начиная отъ сына Калиты Іоанна, всѣ Великіе Князья благословляли дѣтей своихъ иконами и крестами Парамшина дѣла; В. К. Димитрій Донской завѣщевалъ своимъ наслѣдникамъ золотые пояса Макарова и Шышкина дѣла. Оклады Евангелій, устроенныхъ при В. К. Симеонѣ Гордомъ

(13) Никон. лѣтоп. II, 258.

(14) Собраніе путешествій къ Татарамъ. изд. Д. Языковымъ. Спб. 1828, вѣ 4.

(15) Собраніе Государствен. грамотъ, I, N 25 и 34.

и Василии Димитріевичѣ, показываютъ, на какой степени была у Москвичей торевтика. Между тѣмъ какъ Москва славилась произведеніями искусствъ, по выраженію лѣтописца, *кипѣла богатствомъ*, нашествіе Тохтамыша обнажило ея храмы отъ драгоценныхъ утварей, чудныхъ памятниковъ отечественнаго, Византійскаго и Корсунскаго художествъ. Хотя Столица потерпѣла невознаградимыя утраты, хотя въ этотъ разгромъ лишилась многихъ св. драгоценностей; но она скоро вознаграждена была новыми приобрѣтеніями. Въ началѣ XV вѣка, когда Москва еще боролась съ Ордою и Литвой, была жертвою междоусобій Княжескихъ, тогда союзникъ Ганзы, Новгородъ славился богатствами, питавшими художественность; Нѣмецкіе и отечественные мастера посвящали свое искусство на благолѣпіе многочисленныхъ храмовъ добровольнаго города, гдѣ духовные Владыки были первыми покровителями художествъ. Съ освобожденіемъ Россіи отъ Монголо-татарскаго ярма и съ утвержденіемъ единодержавія въ Москвѣ, настала новая эпоха для художниковъ, когда дѣло Греческое замѣнилось Фряжскимъ, когда свежие изъ Новгорода въ Москву сокровища давали средства къ художественной дѣятельности. Выѣхавшіе съ Греческою Царевной Софіею Греческіе и Римскіе художники, вызванные изъ Италіи, Германіи, и Далмаціи, Фряжскіе мастера съ дружинами и учениками, не только воздвигли Кремлевскія стѣны, палаты и храмы, но украшали послѣднія стѣнописью и драгоценными св. утварями. Венеціанскій посольскій Контарини 1476 года видѣлъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера изъ Катаро, который дѣлалъ для Великаго Князя много прекрасныхъ сосудовъ. (16)

Собиратель отечества, дальновидный Іоаннъ III заботился о приобрѣтеніи мастеровъ, которые умѣли бы «раздѣлять золото и серебро,» чеканить его. Фряжскіе и Русскіе художники употреблены были имъ для произведенія драгоценныхъ утварей, изъ коихъ не многія здѣсь описаны. Въ духовной грамотѣ Іоанна III упомянуты сосуды или суды разнаго рода, кои имѣли въ домашнемъ обиходѣ свое особенное назначеніе.

(16) Библіотека иностранныхъ писателей въ Россіи, отд. I. Спб. 1836, вл. 8.

Набожность внука его, Иоанна IV, доставляла занятіе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые выковывали и чеканили изъ серебра и золота священныя утвари, украшая ихъ сканью, финифтью, мусією и чернью, жемчугами и драгоценными камнями. При немъ и при сынѣ его Θεодорѣ, сколько сдѣлано богатыхъ окладовъ серебряныхъ и золотыхъ на св. иконы и Евангелія, сколько гробницъ и ковчеговъ для св. мощей! Въ этихъ памятникахъ мусія, чернь, финифть и драгоценные камни соединены были съ обронною, рѣзною и сканною работою, такъ что искусство мастера, по видимому, соперничало съ драгоценностью матеріала. Расходная книга Оружейной Палаты 1584 г. сохранила намъ самыя имена мастеровъ серебрянаго и золотого дѣла, которые трудились для Двора и Церкви. Между ими, какъ видно, были и Русскіе и чужеземцы: Клеусъ Савостьяновъ, Борисъ Томосовъ, Булгакъ Лисицынъ, Третьякъ Остафьевъ, Григоръ Романовъ, Никита Макаровъ, Василій Бѣлой, Иванъ Лисицынъ, Романъ Степановъ, Нечай Ильинъ, Лашукъ и Иванъ Лопухины, Гость Дмитрій, Некрасъ Михайловъ. (17) Венеціанскій ювелиръ Аспентини въ Москвѣ выигралъ Борису Годунову большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ Распятіе на агатѣ.

Чужестранные путешественники, съ удивленіемъ описывая намъ богатство и красоту Царской посуды, коею, по вкусу того времени, художники давали форму разныхъ птицъ и звѣрей, прославляютъ великолѣпіе церковныхъ утварей и образовъ, блиставшихъ золотомъ и драгоценными камнями. Во дворцѣ Годунова Арсеній Архіепископъ Елассонскій видѣлъ мозаическіе образа отличнаго искусства. Если вѣрить Пясецкому, то Поляки 1611 г. нашли въ Москвѣ изваяніе І. Христа изъ чистаго золота въ мѣру возраста совершеннаго человѣка, вѣсомъ въ 350 фунтовъ. (18)

Василій Шуйскій, по недостатку въ деньгахъ, обратилъ въ монету изображенія вылитыхъ изъ золота XII Апостоловъ. Маржеретъ, описавшій намъ драгоценныя и огромныя сосуды изъ серебра и золота въ Царскомъ дво-

(17) Книга расходи. маст. Оруж. Палаты, 1584 и 85 г. N 1236, въ 4.

(18) *Pauli Piasecii chronica gestorum in Europa memorabilium*. Cracoviae, 1645, in-f.

рѣ, утверждаетъ, что « все было дѣлано руками Русскихъ. » (19) Это свидѣтельствуемъ намъ объ успѣхахъ ваянія и литейнаго искусства въ Московскомъ мѣрѣ и вмѣстѣ о чрезвычайномъ обилии благородныхъ металловъ.

Такая дѣятельность художествъ болѣе ограничивалась Церковью и Царскимъ дворомъ; но еще мало проникала въ народъ, хотя и находила въ немъ нѣкоторое сочувствіе; ибо, по свидѣтельству Принца Буххавскаго, « у боярѣ на столахъ, по большой части, ставились блюда и бокалы деревянные, искусно сдѣланные монахами въ нѣкоторыхъ обителяхъ; одни « задравные кубки были серебряные. » Еслижъ они и позволяли себѣ роскошь и великолѣпіе, то преимущественно въ однѣхъ иконахъ (Божіемъ милосердіи), которыя, какъ мы замѣтили выше, составляли главное украшеніе ихъ хоромъ и теремовъ.

Въ началѣ XVII вѣка Россія утратила многіе памятники древняго искусства; нѣкоторые изъ нихъ сохранились только въ Сергіевой лаврѣ. Подобно Псковопечерскому монастырю, св. обитель не поддалась врагамъ и подержала святуя Русь.

По освобожденіи отъ Поляковъ и возобновленіи Москвы, начали въ нее стекаться отечественные и чужестранные художники, которые тамъ нашли себѣ обильную жатву для дѣятельности; Государи дома Романовыхъ призывая изъ Голландіи и Англіи рудокоповъ для отысканія мѣдной, серебряной и золотой руды въ Россіи, также поощряли искусства, необходимыя для снабженія разграбленныхъ церквей св. иконами и утварями. Въ вѣдомствѣ Царскаго и Патріаршаго дворовъ тогда были мастера серебрянаго, золотого и сканнаго дѣлъ, басемщики, которые посвящали свое досужество на Государевы и церковныя потребности: въ дѣлахъ Патріаршаго приказа 1668 г. они называются: *Государевы серебряныя палаты чеканнаго серебрянаго дѣла мастера*. Для Государевыхъ рабочихъ устроены были мѣста вверху Кремлевскихъ палатъ. (20) Царскіе мастера подвѣдомы были Приказу золотого и серебрянаго дѣла, который бралъ въ вѣчную службу добрыхъ мастеровъ

(19) *Estat de l'Empire de Russie*. Paris, 1607, p 20.

(20) *Истор. акты археогр. Комм.* II, N 355.

изъ другихъ городовъ съ назначеніемъ имъ погоднаго жалованья : « а дѣлаютъ они, по свидѣтельству Кошихина, про Царскій обиходъ суды всякіе и церковныя утвари; а на заводъ того дѣла серебро и золото емлютъ изъ Приказа Большія Казны.» Суды, или ковши, стопы, блюда и т. п. не только имѣли значеніе въ дворцовомъ обиходѣ, какъ домашняя столовая утварь, но какъ знаки отличія, кои жалуютъ были Государемъ за вѣрную и усердную службу. Кромѣ иногородныхъ и Московскихъ мастеровъ, вызываемы были искусные изъ Швеціи, Германіи и Англіи. Въ книгахъ Оружейной Палаты XVII столѣтія упомянуты : сканнаго дѣла мастеръ Англичанинъ Фридрихъ Маружинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Яковъ Сифретъ, серебряники Яковъ Рамздесъ и Андрей Тирманъ, два брата Кисели, Шемяка Васильевъ, Гаврила Евдокимовъ, Кирилль Пестриковъ, Иванъ Поповъ, Ѳедоръ Исаковъ, Кирилль Ѳедуловъ, Иванъ Юрьевъ. Не только изъ западной Европы, но даже изъ Индіи и Персіи чрезъ Испаганскую торговую компанію Цари Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ выписывали золотописцевъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и гранильщикова. (21) Въ выѣздахъ иностранцевъ въ Россію встрѣчаются 1642 г. изъ Англіи золотыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Адвудъ, 1690 г. Гансъ Келлеръ съ ученикомъ своимъ Дитмеромъ, золотари Цесарецъ Францъ Карникъ и Гамбурчанинъ Ефимъ Копертъ. (22) Мастера сіи, способствовавшіе къ усовершенію торевтики въ Московскомъ мірѣ, оставили намъ памятники своего искусства, кои принадлежатъ къ драгоценностямъ Оружейной Палаты и церквей Московскихъ и иногородныхъ. Не останавливаясь на изученіи этихъ произведеній, не можемъ здѣсь не указать на превосходный въ своемъ родѣ памятникъ литейнаго и чеканнаго художества XVII вѣка—огромнѣйшее серебряное паникадило боярина Морозова, во 113 пудъ, которое до 1812 года украшало Московскій Успенскій соборъ. Для убранства и освѣщенія церквей паникадилами и лампадами были въ Москвѣ паникадильные мастера, изъ которыхъ особенно извѣстны по дѣ-

(21) Историч. описаніе древняго Росс. музея. ч. I. М. 1807, вѣ л.

(22) Реестръ дѣламъ, содержащимъ въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 по 1763 г. N 61. Въ Главн. Московск. Арх. М. И. Д.

ламъ Патріаршаго Приказа и мастерской Палаты : Дмитрій Сверчковъ, Иванъ Госомъ, Иванъ Григорьевъ съ товарищи. Замѣчательные памятники перваго уцѣлѣли до нашего времени : мѣдные шатеръ на ризу Господню и сѣнь надъ престоломъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа 1644 году упоминаются Патріаршіе серебряные мастера : Богданъ Максимовъ, Ѳеодоръ Тимоѳеевъ, Ѳеодоръ Евсигнѣевъ, Богданъ Бовыкинъ. По указу Никона Патріарха, 1658 г. устроена на чудотворный образъ Владимирскія Богоматери золотая риза золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ. (23) На форму, типъ, исправность и доброту устройства священныхъ утварей обращали вниманіе не только духовенство, но и свѣтская власть. Примѣры тому видимъ въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа и Оружейной Палаты. Указомъ 1751 года, Сентября 20, « предоставляется право купцу Кункину дѣлать сосуды, изображенія Евангелистовъ, кресты и оклады изъ золота и серебра самаго лучшаго и исправнаго въ изображеніи св. лицъ и прочаго благолѣпія работою. » (24)

Вообще въ произведеніяхъ древней нашей торевтики замѣчательна техническая часть, какъ по самому механизму, такъ и по вѣрности глазомѣра. Не многими, простыми, еще тогда неусовершенствованными орудіями, ловко и отчетливо художники работали многосложныя вещи отъ руки безъ помощи машинъ: въ дѣлѣ своемъ умѣли соединять прочность и удобство съ мелкою узорочностью. Узоры чеканились на самомъ корпусѣ сосуда. Въ исполненіи рисунка обнаруживается у нихъ вкусъ и симметричность, съ какою они располагали разнообразныя части цѣлаго, размѣщая въ приличныхъ мѣстахъ орнаменты, то припаянные, то привинченные, то накладные на корпусъ, поддонѣ, вѣнчикахъ, переймахъ, веревочкахъ, огибахъ, личинахъ, дугахъ, проводкахъ, мишеняхъ, клеймахъ и т. д.

Механическая у нихъ техника не менѣе достойна вниманія, какъ и оптическая. Для той и другой у нихъ были особенные приемы, смѣтливость, ловкость и бойкой ударъ чекана.

(23) Книга Патріарш. казеннаго приказа 7166 г. N 64.

(24) Полное собр. Законовъ, XIII, ст. 9885.

Такъ все кованое, чеканное и обронное называлось въ древней Руси *кузиею*, а *кузнецъ*, ковачь (*cusor*) тоже почти значилъ, что серебряникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ лѣтописяхъ *кузиею церковною* именуется церковная казна, сокровище, состоящее преимущественно изъ утварей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ. Всякая ковань представляется въ разныхъ видахъ: *чеканная*, производившаяся на бляхахъ обронно посредствомъ чекановъ, рѣзцовъ или бородковъ разнаго рода, или *басменная*, *басебная*, *басмою* отъ Татарскаго слова *басма*, выбойка, когда на самыхъ тонкихъ плющенныхъ листахъ изъ золота, серебра и мѣди выбивались разные узоры. Изъ такой басмы дѣлали оклады и вѣнцы на св. иконы, также панагii, кресты, цаты, гривны, дробницы, плащи, которыми украшались образа и св. утвари. Фигуры были *вальишья*, или литыя, массивныя и *тощя*, или выбивныя; что теперь называемъ рельежами, то прежде извѣстно было подъ именемъ *обронной работы*, которая дѣлалась *прорѣзная*, *чешуйчатая*, *ячейчатая*, *грановитая*, *дорожчатая*, *ложчатая*. Поверхность или земля сосуда наводилась *чернью* и *финифтью*, или украшалась сканью, или была *канфарешая*. (25)

Чернь, *черный финифтъ*, *черневая работа* (*niello*), извѣстная Византійцамъ, весьма была употребительна въ орнаментахъ торевики; ею наводили травы, цвѣтки, личины и письма. Великій Устюгъ издревле славится черневою работою.

Финифтъ, въ старину называемая вообще *ценною*, наводилась на золотъ, серебръ и мѣди. (26) Посредствомъ ея изображали на посудѣ травы, цвѣты, разные узоры, личины и надписи.

Чтожъ касается до *сканнаго дѣла*, *скани* или *филограни*, (*opera venetica ad filum*) она извѣстна была Венеціанцамъ уже въ XIII столѣтiи; но употреблялась едва ли не прежде Византійскими и Русскими художниками болѣе

(25) Канфаркою называется переводъ съ рисунка на металлъ.

(26) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора съ 1632 по 1682 г. изд. П. Стросва. М. 1844, въ 4.

въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ утваряхъ. Сканныя сѣти дѣлались изъ выжиги, на подобіе кружевъ; наложенныя на корпусъ, или *пузо* сосуда, назывались *кожухами*.

Кромѣ этого, мастера украшали св. утвари самоцвѣтными и драгоценными камнями и разнаго рода жемчугомъ скатнымъ, гурмыцкимъ или бурмицкимъ (ормуздскимъ), кафимскимъ, цѣлымъ и половинчатымъ. Изъ первыхъ наиболѣе употребительны были въ древности: винисы, или бечеты, рубины, хризопразы, лалы, достоканы, лазоревые и зеленые яхонты, перелифты, или ониксы, бирюзы и пр. кои вставлялись на спняхъ и въ гнѣздахъ; на древнѣйшихъ утваряхъ они были неграненые, на позднѣйшихъ граненые. На этихъ утваряхъ встрѣчаемъ иногда камеи, геммы и жуковины съ изображеніями лицъ Святыхъ, или аллегорическихъ фигуръ. Но бывали служебные потиры, высѣченные изъ сосурита, яшмы, сердолика и горнаго хрусталя съ золотыми и серебряными переймами, вѣнчиками и огибами, какъ напр: Новгородскіе въ Москов. Успенскомъ соборѣ.

Употребляя всѣ доступныя средства на то, чтобы придать своему издѣлію болѣе достоинства и лѣпоты, художники строго держались своего Византійскаго первообраза въ служебныхъ сосудахъ и другихъ св. утваряхъ. Если и позволяли они себѣ нѣкоторыя отступленія въ этихъ святыхъ и посвященныхъ утваряхъ, то болѣе въ частяхъ и подробностяхъ, не нарушавшихъ формы цѣлаго, напр: чаши у потировъ устраивались, то цилиндрическія, то съ разваломъ на подобіе лиліи, въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ, смотря по надобности. Художники, проникнутые религіознымъ чувствомъ, старались самыми формами пластическихъ произведеній выразить ихъ церковное значеніе. Такъ напр: Сіоны, кадилы, кацеи, ладоницы и ковчеги устраивали въ видѣ одноглаваго и пятиглаваго храма. Ковчегъ для храненія св. даровъ дѣлаемъ былъ иногда на подобіе голубя, который у Грековъ также назывался *περιπτεροειν* и просто *περιπτερά*, голубь. Слѣды такихъ золотыхъ и серебряныхъ голубей открываются въ Христіанскихъ церквахъ V и VI столѣтій. Св. Андрей Боголюбскій принесъ въ даръ Владимирской церкви золотаго голубя; въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ до 1812 года висѣлъ надъ престоломъ золо-

той голубь. (27) Кресты на главахъ церковныхъ украшалъ также золотой голубь въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ. Рисунокъ (форма) крестовъ воздвизальныхъ, запрестольныхъ былъ не одинаковъ: они дѣлались безъ различія четвероконечные, шестиконечные и осмиконечные, съ литымъ, рѣзнымъ, черневымъ, финифтянымъ, или чеканнымъ Распятіемъ.

По образу Византійскихъ и западныхъ художниковъ, и отечественные наши заимствовали орнаменты изъ области символики не только церковной, но и придуманной, завѣщанной художниками. Такъ на Ярославовой гробницѣ въ Кіевѣ находимъ древніе церковные символы, кои встрѣчаются на гробницахъ въ Римскихъ катакомбахъ: рыба, означающая І. Христа (*ἰχθῦς*, *Iesus Christus Dei filius salvator*) и пальмы, знаменующія побѣду надъ смертію. (28) На нѣкоторыхъ священныхъ утваряхъ и церковныхъ вратахъ изображены крылатые пентавры, единороги, драконы, напр: на Новгородской лампадѣ, Корсунскихъ и Васильевскихъ воротахъ, подобно какъ на бронзовыхъ дверяхъ Аугсбургскаго собора, XI вѣка, на орнаментахъ Мюнстера въ Фрейбургѣ. (29)

Хотя этотъ символизмъ въ Русскомъ художествѣ, по видимому, былъ заимствованный и употреблялся не всегда съ яснымъ сознаниемъ подлиннаго значенія символовъ; но достоинъ точнѣйшаго изслѣдованія касательно его источниковъ и знаменованія. Такъ напр. изображеніе пентавра на утваряхъ и вратахъ, вѣроятно, основано на явленіи въ пустыни св. Антонію сего чудовища, которое указало ему путь къ св. Павлу Оивейскому; (30) также въ представленіи единорога опирались на сказаніе Варлаама Индійскаго. (31) Не рѣдко символичес-

(27) Дюканжъ такъ объясняетъ сію утварь: *Vas in columbae speciem effectum, in quo puxis ubi Domicum corpus ad infirmorum viaticum asservare solet, includitur* « Въ Треодионѣ 1668 г. такъ значитъ: Ключари сывъ золотой голубь, съ тѣломъ Христовымъ и относятъ на жертвенникъ для того, чтобы послѣ литургіи отпустить въ потиръ къ потребленію. » *Древн. Росс. Вивлиоика*. XI, 181.

(28) *Roma subterranea novissima*, op. *P. Aringhi*, t. II, 1659. Lutet. Par. in-f.

(29) *Mythologie u. Symbolik der christlichen Kunst*, von *F. Piper*, I. B. Weimar. 1847, in-12.

(30) *Чети Минеи* Январь 15. Житіе св. Павла Оивейскаго. « Узрѣ человека коню подобна, его же стихотворцы Иппокентавромъ нарицають. »

(31) *Исторія, или повѣсть о житіи Препод. Варлаама пустынножителя и о Асаѣ Царевичѣ Индійскомъ*, напис. *Іоанномъ Дамаскинымъ*. Москва, 1681, въ л.

кимъ фигурамъ художникъ давалъ различное значеніе согласно съ Св. Писаніемъ и отеческими книгами.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что въ средневѣковое художество вмѣстѣ съ религіознымъ направленіемъ проникалъ и языческій элементъ древняго міра, не болѣе, какъ мертвая форма, служившая орнаментомъ.

Хотя въ древнемъ Русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтственнаго техническому въ художествѣ названію *стиль* и *типъ*; но отчасти сходенъ съ значеніемъ ихъ въ иконописи *пошибъ*, а въ пластическихъ искусствахъ *дѣло*, или работа, которая заимствовала свое названіе или отъ мѣстности или отъ лица, какъ то: *дѣло Цареградское, Греческое, Корсунское, Фряжское, Турское, Кизилбашское* или *Персидское, Нѣмецкое, Московское*; (32) *дѣло Шишкино, Парамшино, Макарово*.

Положимъ, что въ этихъ памятникахъ не преобладаетъ и не выказывается сила творчества, дающаго высокое значеніе произведеніямъ искусства; но они не чужды того живаго начала художественности, которое простой механизмъ технической работы сочетало съ важностью и значеніемъ, церковнаго искусства. Самое множество и богатство св. утварей служитъ доказательствомъ обилія драгоценныхъ металловъ и камней въ древней Руси, свидѣтельствомъ благочестивой ревности къ украшенію храмовъ Божіихъ. О нѣкоторой степени развитія художественной силы и сознанія ея въ народѣ даетъ намъ понятіе и техническій языкъ и тотъ восторгъ, съ какимъ говорятъ намъ лѣтописцы о превосходныхъ произведеніяхъ искусства, называя ихъ *дивными, чудными, прелезметанными*. Искусное мастерство цѣнилось выше драгоценнаго вещества. *Не то дорого, говоритъ старая народная пословица, что краснаго золота; но то дорого, что добраго мастера*. Съ одной стороны доброохотные датели жертвовали своими сокровищами на устройство благолѣпныхъ утварей храмовыхъ и на украшеніе св. иконъ, съ другой художники посвящали Церкви свое искусство, какъ усердный вкладъ. Въ добросовѣстномъ ихъ трудѣ одушевляла ихъ благоговѣйная мысль, что они работаютъ для дома Божія.

(32) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора, съ 1632 по 1682 годъ, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

Съ памятниками иконописи связана не только ея исторія, но и ученіе о вѣрѣ и благочестіи, словомъ, вся религиозная жизнь народа, который издревле признавалъ это искусство священнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ Церкви православною; въ ней оно получило неоспоримое право гражданства. Какъ благословенное орудіе вѣры и благочестія, какъ необходимая принадлежность богослуженія, церковная живопись олицетворяла важнѣйшіе догматы, завѣтныя преданія Церкви, ея символы и событія; потому что возстановленіе и утверженіе иконопочитанія VII вселенскимъ соборомъ прямо выходило изъ понятія о Церкви, изъ необходимости для человѣка внѣшняго богослуженія, основывалось на писаніи, преданіи и чудесахъ отъ св. иконъ. (33) Цѣлью церковной иконописи было содѣйствовать живому проповѣданію предметовъ вѣрованія и возбуждать богоговѣйныя чувствованія изображеніемъ Святыхъ. (34)

Среди мрака невѣжества, объявшаго Европу, Византійское иконописное искусство, сохранивъ свои преданія, завѣщало ихъ въ наслѣдіе Западу и Сѣверу. Тамъ оно при развитіи своемъ подверглось измѣненіямъ, здѣсь Церковь охраняла неподвижность древняго его типа и характера.

И такъ въ отечественной Церкви оно водворено съ его догматическимъ значеніемъ, съ его узаконенными формами, кои не подчинялись прихотливымъ требованіямъ измѣнчиваго быта человѣческаго.

Коренною основой иконописанія была исторія и преданіе; основателемъ его—Евангелистъ Лука. Византійская школа, образованная подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ духѣ Восточной Церкви, усвоила себѣ столь самобитныя и изконныя черты Спасителя, Богоматери, Предтечи и Апостоловъ, что ихъ легко отличить и въ неискусномъ рисункѣ. Каждому лицу дана своя *опись* и свой характеръ, напр: Господу Саваоѳу святолѣнное и строгое величіе Ветхаго деньми, І. Христу въ крестныхъ страданіяхъ смиреніе и *божественное истощаніе*, (35) а на престолѣ славы богоначальная сановитость

(33) Начертаніе церков. Исторіи (Преосв. Иннокентія Смирнова), отд. I, изд. 3. Спб. 1823, въ 8

(34) О иконописаніи (Преосв. Анатолія). М. 1845, въ 8.

(35) Чудесный образъ Эдесскій. въ *Вѣдом. Моск. Город. Пол.* 1848, N 84.

Судии, Богоматери умиленіе, Святымъ таже глубина смиренія, какое превознесло Ходатая Бога и человѣковъ предъ очами человѣчества и Отца небеснаго. Просвѣтлѣнные лики Ангеловъ являютъ небесное ихъ происхожденіе.

Отличительными чертами этой школы было строгое приличіе, условное положеніе фигуръ, спокойствіе сочиненія, согласнаго съ преданіемъ и библейскою обрисовкою лицъ. (36) Казалось, она мало обращала вниманія на складъ стана, на пропорцію головъ и лицъ, на положеніе (позу), на раздѣленіе плановъ, на перспективу; вся *опись* тѣла человѣческаго, выказываясь у ней только въ общихъ, *рѣдкихъ*, но не *частыхъ чертахъ*, мало способствуетъ къ выраженію плотской жизни. Не смотря на грубость фигуръ, писанныхъ въ такихъ чертахъ, онѣ запечатлѣны какимъ-то духовнымъ величіемъ и сановитостью, внушающими невольное благоговѣніе. Устраняя отъ взора прелесть чувственнаго, скромность ея до того простиралась, что, кромѣ лица, рукъ и ногъ, она не представляла наготы тѣла, развѣ только въ изображеніи Распятаго Христа и страданій Мучениковъ. Драпировка, или *долмное*, проста, соотвѣтственна и не выисканна. При этомъ надобно замѣтить, что вообще иконопись носитъ на себѣ отпечатокъ сознанаго символическаго характера, согласнаго съ направленіемъ древле-христіанскаго искусства, которое соединяло въ себѣ историческое съ символическимъ. Въ этой школѣ, получившей свое бытіе въ нѣдрахъ первенствующей Церкви, искусство принято не за цѣль, а за средство; ибо оно въ произведеніяхъ своихъ стремилось выразить преобладаніе безсмертнаго духа надъ тлѣнною плотію. Представляя существа не земныя, не плотскія, но небесныя, *премірныя*, она давала имъ подобіе видѣній или мощей, облакала ихъ какимъ-то полумракомъ. Отъ сего и въ колоритѣ ея, подчиняемомъ высшимъ цѣлямъ, свѣтъ уступаетъ тѣни: эта раскраска суха и темна, но тверда, рѣзка и не лишена теплоты. Подобно формамъ, въ Византійской школѣ узаконены немногіе и основные колера, или цвѣта, соотвѣтствующіе ея типу.

(36) Въ Московскомъ Сборникѣ 1847, ст. Г. Чиждова

Представленные здѣсь образцы древняго Византійскаго, Корсунскаго и Русскаго иконописанія, изъ разныхъ вѣковъ, сближаютъ насъ съ исторіей его въ Россіи, гдѣ оно, отъ самаго появленія своего, шло рука объ руку съ православною вѣрой, гдѣ было всегда служебнымъ орудіемъ Церкви. Возобновляя въ памяти нашей постепенное его развитіе, то упадокъ, то возрожденіе, памятники сіи указываютъ намъ на самыхъ дѣятелей, на мѣсто и время ихъ дѣятельности, также на побужденіе къ распространенію этого художества въ южной, западной и сѣверовосточной Россіи.

Тамъ вмѣстѣ съ первыми проповѣдниками Евангелія явилось и это священное художество, возникшее еще во времена Апостольскія и завѣщанное Христіанскому міру первенствующею Церковью. Византійскіе зоографы передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и типы лицъ, принятые и утвержденные Отцами Церкви. Колыбелью Христіанства и церковной живописи на Руси былъ Кіевъ, гдѣ, еще до обращенія Владимира I, были церкви, слѣдственно и образа, и гдѣ въ XII столѣтіи, по свидѣтельству Епископа Симона, сохранились въ Печерскомъ монастырѣ *свитки* и *книги* Византійскихъ зоографовъ. (37) Если принять *свитки* за хартіи, на коихъ изображались эскизы и прориси Святыхъ, то онѣ были основаніемъ Подлинниковъ, такъ какъ самые Византійскіе художники, писавшіе въ Печерской лаврѣ, основателями иконописанія въ Россіи. Но въ рукописномъ Патерикѣ, откуда взято Карамзинымъ это свѣдѣніе, вмѣсто *свитки*, поставлено *свиты*, т. е. нижняя одежда, «блюдомы на полатяхъ въ память таковаго чудесе,» т. е. явленія имъ св. Антонія и Θεодосія въ Царьградѣ и найма для работы въ Кіевѣ. (38) Остается вѣроятность предполагать, что упомянутыя въ Патерикѣ *Греческія книги* Цареградскихъ зоографовъ могли содержать въ себѣ начатки Подлинника, т. е. правила или указанія, какъ писать лики Святыхъ и какъ составлять краски; потому что *книги* въ древности значили свитки, хартіи, письмена и письма. Притомъ въ предисловіи къ Подлинникамъ XVII вѣка сказано, что во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Росс. переписывались (мѣсячныя иконы)

(37) Карамз. И. Г. Р. II, пр. 158.

(38) тамъ же III, пр. 109. «и книги и порты Блажен. Князей, еже бяху повѣшани въ церквахъ на память собѣ.»

древними Греческими и Росскими изографы.» (39) Византійскіе лицевые Подлинники извѣстны съ X вѣка. Императоръ Василій Булгароктонъ украсилъ Греческій мѣсяцословъ изображеніями, а Папа Венедиктъ XIII издалъ его на Греческомъ съ Латинскимъ переводомъ: *Menologion Græcorum, jussu Basilii Imperatoris olim editum, magnificentia et liberalitate sc. dni nostri Benedicti XIII, in III partes divisum, nunc primum græce et latine Annibalis T. S. Clementis presbyteri card. Albani S. R. E. camerarii et Basilicæ Vaticanæ Archipræsbyteri. P. I. Urbini, 1727, in f.* Левъ Аллаций упоминаетъ о другомъ Менологій X вѣка, съ изображеніями, о коемъ Маттеей говоритъ: *hic codex multorum sanctorum imaginibus insignis est, т. е. этотъ кодексъ замѣчательнъ изображеніями многихъ Святыхъ; потомъ между Типографскими рукописями есть подъ N I, въ л. съ 24 живописными изображеніями къ 24 икосамъ и кондакамъ Акаѳиста Божіей Матери, X вѣка, (κοντάκιον μετὰ τῶν εἰκασίτεσσάρον οἰκῶν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου).* Извѣстные намъ такіе рукописные Подлинники указываютъ не на *свитки* и *книги* Византійскихъ иконописцевъ въ Кіевѣ, но на Аѳонъ, какъ замѣчаетъ Профессоръ Горскій. Въ святогорскихъ монастыряхъ Г. Дидронъ нашель рукопись: *Ἐπιτηδεῖα τῆς Ζωγραφικῆς*, т. е. руководство къ живописи, которое онъ относитъ къ XI или XII вѣку, между тѣмъ какъ упомянуты тамъ Святые XIV вѣка: св. Григорій Палама и Патріархъ Филоѳей, и приведено составленіе красокъ Московскими художниками. Образцомъ и руководствомъ иконописанія поставляется Мануиль Панселинъ. (40) Въ Московской Патріаршей библиотекѣ, подъ N CI, хранится рукопись X вѣка, съ миниатюрными изображеніями: *περὶ χαρακτῆρων θεοφόρων πατέρων*, о изображеніяхъ богоносныхъ отцевъ. (41)

По сему болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію Святыхъ можно находить въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ житія, или сочиненія съ миниатюрами. Такъ какъ Греческіе иконописцы съ товарищами своими вре-

(39) Книга Мивологіумъ, или рещи Мартирологіумъ, еже есть выличенье. рукоп. 1658, въ 12.

(40) *Accurata codicum Græcorum mss. bibliothecarum Mosquensium sanct. Synodi notitia et recensio* ed. a C. F. de *Matthæi*. t. I. Lipsiæ, 1805, in-8.

(41) *Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine, trad. de manuscrit byzantin par le D. P. Durand, avec une introduction et des notes, par Didron.* à Paris. 1845, in-8. *Nachricht über ein neugriechisches Mahlerbuch*, въ *Kunstblatt*, 1832, N 1—5.

мя отъ времени вызываемы были въ Кіевъ, Новгородъ и Владимиръ: то, безъ сомнѣнія, они передали Русскимъ ученикамъ своимъ Подлинники свои, кои переведены были на Русскій языкъ съ дополненіями. Болѣе или менѣе полные списки ихъ распространились изъ Кіева и Новгорода по всей Россіи.

Такой Подлинникъ, иначе Образникъ и Персональникъ, издревле въ Россіи служилъ и донинѣ служить для иконописцевъ руководствомъ въ писаніи св. иконъ: изъ него они заимствуютъ не только типы лицъ и костюмъ или доличное, но даже цвѣтъ верхней и нижней одежды, самыя подписи на хартіяхъ и свиткахъ изъ библейскихъ и отеческихъ книгъ, также изъ писаній Еллинскихъ мудрецовъ. Нѣкоторые изъ Подлинниковъ встрѣчаются *лицевые*, т. е. съ прорисями, или снимками образовъ. Въ одномъ изъ нихъ опредѣлена и мѣра человѣческому тѣлу: « семь главъ его высота, а лактей « его отъ плечь до пяты три, а локоть полтретьи пяди, а пяди длина длань, « а длань мѣра лицу его, отъ бороды до власъ равно со лбомъ, длины ступени « равны с главною длиною, в локоть ступени два, носъ на лице не высту- « пенъ вдоль, равенъ с ушми, ширина в платъе человѣку в плечехъ локоть, « уши длина большой мизинець равно с суставомъ ступеней шести человѣкъ. »

Это типическое сочиненіе дошло до насъ только въ спискахъ не старѣе XVI столѣтія; первоначальный его составъ неизвѣстенъ; изъ него сохранился одинъ *Мѣсячный Подлинникъ*. (42) Самое названіе его, по видимому, есть переводъ Греч. слова: *ὑπογραφή*, подпись, очеркъ, образецъ. Въ рукописи Царскаго 1658 г. Подлинникъ этотъ называется « Менологіумъ и « мартирологіонъ, еже есть выличенъ на кійждый день святыхъ. Восточный « Цесарь Василій Македонянинъ (?) повелѣ письменными образы описать и « паки пространнѣ той менологіумъ изображенъ древле Греческими мудры- « ми и трудолюбивѣйшими живописцы во дни Іустиніана Царя Великаго, « егда созиждая премудрость Слова Божія, великую церковь, земное небо, « и ту 360 престоловъ, глаголють, создани быша, на кійждо день во имя « святаго храмъ, тамо и образъ. » Остатки такихъ *выличеній*, говоритъ « Предисловіе, сохранились въ Аѳонской горѣ, и отъ тѣхъ переводовъ, еще

(42) см. Исслѣдованія о Русскомъ иконописаніи, г. Сахарова, кн. I. Спб. 1849, въ 8.

« во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Роскихъ, переписывалися древними Греческими и Роскими изографы, прежде въ Кіевѣ, потомъ въ Новѣгородѣ. — Съ тѣхъ же Греческихъ мѣсячныхъ иконъ въ Кіевѣ и Новгородѣ древними иконописцы списанъ Подлинникъ словесно на «хартіяхъ. » (43)

Византійская церковная живопись въ Россіи представляется намъ подъ тремя видами: *иконописи*, *стѣнописи* и *миніатюрной живописи*. Одна изображала лики Святыхъ по левкасу на дскахъ, или особенной, намъ неизвѣстной подготовкѣ; другая украшала штукатурку внутреннихъ стѣнъ и сводовъ храмовъ фресками; послѣдняя писала болѣе корпусными, чѣмъ соковыми, красками, на пергаменѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ. Къ храмовымъ художествамъ Византіи присоединить должно *вышиваніе* шелками съ серебромъ и золотомъ волоченымъ и *мозаику*. Одно изображало лики Святыхъ на пеленахъ, плащаницахъ и покровахъ; другая украшала своими произведеніями стѣны, своды и даже помосты въ храмахъ. Изъ квадратныхъ кусочковъ разнообразнаго стекла, нерѣдко съ исподи подложенныхъ листовымъ золотомъ, она составляла образа большаго размѣра; матеріалы ея отличались особенною прочностью своей и блескомъ красокъ. (44) Таковы мозаическія изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, произведенныя Византійскими художниками съ Русскимъ Алимпіемъ.

Стиль и направленіе какъ въ стѣнописи и миніатюрной живописи, такъ равно въ вышиваньѣ и мозаикѣ, одинаковы съ пошибомъ иконописи.

Такой пошибъ Византійской иконописи вездѣ нашель себѣ доступъ, гдѣ только принято было ученіе Греческой православной Церкви, какъ-то: у Болгаръ, Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ. Большая часть изображеній въ рукописяхъ суть противни или списки съ Византійскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Хотя завѣтный стиль служилъ образцемъ для Русскихъ зоографовъ; однако онъ не могъ не подвергнуться мѣстнымъ измѣненіямъ, когда подлинникъ повторялся въ спискахъ мастеровъ болѣе, или менѣе искусныхъ, болѣе, или

(43) N 314 и 315 въ Библиотекѣ г. Царскаго. См. Рукописи Славянскія и Россійскія, разбор. и опис. II. Строевымъ. М. 1848, въ 8.

(44) Handbuch der Kunstgeschichte von Dr. F. Kugler. 2 Aufl. 2 Lief. Stuttg. 1848. in-8.

менѣе грамотныхъ, такъ что списокъ мало походилъ на свой первообразъ; съ другой стороны, при первоначальной раздѣленности Россіи на особыя Княженія, легко могла такая разность укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по вкусу мѣстности. Отъ сего произошли разныя направленія въ иконописи, собственно *бытейское, историческое*, потомъ *олицетворительное* и *символическое*. Основанное на преданіи, одно изображало лица и событія, досточтимыя для православнаго. *Олицетворительное* воплощало мысль извѣстнаго стиха библейскаго, пѣсни церковной, молитвы, какъ-то: Бытіе, Единородный, Достойно есть, Символь вѣры. *Символическое* передавало мысль художника въ какихъ нибудь произвольно взятыхъ образахъ, притчахъ. Въ олицетвореніи мысль его представлялась наглядною, осязательною, въ символахъ *прикровенною*, гадательною, какъ напр: въ иконахъ Софіи Премудрости Божіей, Неопалимой Купины и т. д. Такіе образа называются у иконописцевъ *таинственными*. Разность направленій, развившихся отдѣльно въ разныхъ школахъ, выразилась и въ пошибахъ, какъ увидимъ далѣе.

Первые опыты иконописи, какъ мы замѣтили, являются въ Кіевѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византійскаго стиля; дѣятельность ея обнаружилась въ украшеніи церквей св. иконами, изъ коихъ весьма немногія уцѣлѣли до нашего времени.

Иконы сіи разныхъ размѣровъ (локотницы, семи-пядей и пр.), разнаго вида: во весь ростъ человѣческой, уменьшенныя или преувеличенныя, *оплечныя, поясныя, грудныя, кольчатыя*, были мѣстныя, помѣщаемыя въ алтарномъ иконостасѣ на поклонѣ, Деисусъ, преимущественно Спаситель, Богоматерь и Предтеча, а по объясненію Могилына Третьякова, « всѣ иконы въ церкви на своемъ мѣстѣ поставленныя, » т. е. на тяблахъ, или поясахъ полнаго иконостаса, кои суть Праздники, пояса Апостольскій, Пророческій и Праотеческій, наконецъ иконы запрестольныя. Сверхъ того, требовались иконы для чествованія въ домахъ. Такъ какъ особеннымъ предметомъ церковнаго благоговѣнія была Божія Матерь, Заступница рода Христіанскаго: то ея многія иконы различныхъ явленій, напр. Византійскія, Корсунскія, Пирогощія, распространены въ Русскомъ мірѣ Греческими и отечественными зоографами. Когда монахи

и священники Латинскіе, слѣдовавшіе за крестоносцами и преимущественно путешественники на Востокъ, послѣ взятія Константинополя Латинами, 1204 года, принесли оттуда изображенія Богоматери, подъ именемъ писанныхъ Св. Лукою Евангелистомъ: тогда списки съ нихъ и самыя подлинники появились въ южной и западной Россіи. (45)

Отъ Византійскаго стиля въ иконописи произошелъ *Корсунскій*, такъ названный отъ мѣстопребыванія Греческихъ художниковъ въ Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. Сколько отъ характера иконописи, а вѣроятно, болѣе потому, что такія иконы принесены Св. Владимиромъ изъ Корсуни и потому, что смѣшиваемы были съ Цареградскими, произведенія иконописнаго художества носятъ названіе Корсунскихъ. Изъ лѣтописей видно, что образцовые сіи пошибы столь славились, что даже и писанныя Русскими зоографами въ этомъ родѣ иконы именовались *Греческими* и *Корсунскими*. Художество сіе процвѣтало въ Кіевѣ до совершеннаго разоренія его Батыемъ, когда погибли многіе драгоценныя памятники Византійско-Корсунскаго и Русскаго художества. Изъ точнаго сличенія памятниковъ Византійской и Корсунской иконописи можно вывести существенное отличіе пошиба одной отъ другой. Таковы чисто Византійскій образъ Св. Петра и Павла, четырехлистовой, хранящійся въ Московской Патриаршей ризницѣ, и Корсунская мѣстная икона сихъ Апостоловъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Корсунское письмо, какъ вѣтвь Византійскаго, не составляло особой школы, но разнилось отъ послѣдняго нѣкоторыми особенностями описи и колорита, или раскраски. Сколько можно замѣтить изъ рисунка, фигуры Византійскаго стиля болѣе осьми головъ, лица продолговатѣе, глаза челночками, носъ тонѣе и горбоватѣе, уста малыя и тонкія, *черты рѣдкія*, похожія на штрихи гравера; между тѣмъ какъ въ Корсунскомъ пошибѣ лица и глаза круглѣе, носъ прямѣе и въ ноздряхъ шире, уста больше и толще, *черты чаще*, а въ раскраскѣ замѣтно болѣе плавкости и бѣловатости.

(45) L'histoire de l'art par les monuments, par Seroux d'Agincourt VI t. à Paris, 1823, in-f.

Особенную тщательность оказывали художники въ отдѣлкѣ лицъ, кои они по нѣскольку разъ плавил; отъ этого онѣ были плотны и не выпадали. Въ древности у Русскихъ иконы писаны были по левкасу на яичномъ желткѣ, и другихъ забытыхъ уже составахъ, а не на масляной грунтовкѣ. Какъ церковная живопись перешла къ намъ съ опредѣленнымъ пошибомъ, съ узаконенными принадлежностями и условіями: то и вапы, или краски употреблялись освященныя преданіемъ: темная и санкирная изъ вохры и другихъ составовъ, брасная изъ жженой вохры, бѣлая изъ бѣлилъ, черная изъ сажи и жженой кости, зелень и празелень изъ лазури съ вохрой и чернилами, и т. д. Образныя дски были съ выемкою, липовыя, грушевыя, чинаровыя и даже сосновыя, потомъ кипарисныя. Мاستичнымъ лакомъ иконы въ древности не покрывались.

Вмѣстѣ съ иконописью и стѣнопись трудилась надъ украшеніемъ перквей фресками, коихъ остатки теперь открываются и воспроизводятся Академикомъ Солнцевымъ въ Софійскомъ соборѣ и другихъ Кіевскихъ церквахъ. Строгость и отчетливость рисунка и плотность раскраски составляетъ важное достоинство сихъ древнѣйшихъ фресковъ, какіе находятся и въ Староладожской церкви св. Георгія.

Миніатюры Святославова Изборника 1073 года служатъ доказательствомъ употребленія миніатюрной живописи въ Кіевѣ. Въ изображеніи В. К. Святослава Ярославича съ его семействомъ намъ являютя опыты портретнаго искусства; о существованіи его въ XI вѣкѣ находимъ въ Патерикѣ Печерскомъ. Греческіе мастера, чудесно нанятые св. Антоніемъ и Θεодосіемъ въ Царьградѣ, прибывъ въ Кіевъ, требовали отъ Печерскаго игумена Никона, чтобы онъ представилъ имъ тѣхъ, которые съ ними договорились объ украшеніи св. иконами Печерской церкви. Игумень наконецъ, послѣ долгаго увѣренія, что нѣтъ уже такихъ людей въ обители, « изнесе предъ всѣми икону пре- « подобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія. Видѣвше же Грецы образъ ихъ, « поклонишася, глаголюще: яко сїи еста воистинну. » Наконецъ въ лѣтописяхъ изображеніе личныхъ примѣровъ Князей обнаруживаетъ въ лѣтописателѣ знаніе портретнаго искусства. Такъ напр: Ипатъевскій, Хлѣбниковскій

и Воскресенскій представляютъ намъ примѣты сына Владимірова Бориса : « Тѣломъ бѣше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча висоцъ, въ чрес-
« лѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ, брада мала и усъ, младъ бо бѣ
« еще. » (46) Князь Владимірко-Іоаннъ Васильевичъ, философъ, ум. 1289 г.
такъ описанъ Волинскимъ лѣтописцемъ : « возрастомъ бѣ высокъ, плечима
« великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый,
« руки красны и ноги, уста исподняя дебела. » (47) Если вѣрить Татище-
ву, то продолжатель Несторовой лѣтописи XII вѣка, « былъ искусенъ въ
« живописи, что едва не всѣхъ въ его время бывшихъ Князей лица и воз-
« растъ описалъ. » (48)

Когда вмѣстѣ съ Христіанскимъ ученіемъ и грамотностію изъ Кіева перене-
сена Греками и церковная живопись въ Новгородъ, тогда она нашла тамъ себѣ
поприще для дѣятельности и получила особенное развитіе въ такъ называемомъ
Новгородскомъ пошибѣ. Этотъ пошибъ образовался подъ вліяніемъ Визан-
тійскаго стиля. Но какъ Кіевскій, такъ и Новгородскій пошибы не обра-
зовали особенной школы, а разнились только *помятами* и приемами, рас-
краскою, или колоритомъ ; основа, направленіе и образцы ихъ были Ви-
зантійскіе. Лѣтопись упоминаетъ о Гречинѣ Петровичѣ, который въ 1195 г.
расписывалъ въ Новгородѣ церкви, объ Игнатіѣ Грекѣ, который въ 1338 г.
со други т. е. съ товарищами писалъ иконы ; потомъ о Вячеславѣ, внукѣ
Мальшева, 1227 г. украсившемъ фресками церковь Сорока мучениковъ въ
Новгородѣ, о церковномъ росписникѣ Иванѣ, сторѣвшемъ въ 1386 году,
наконецъ о томъ, какъ Нѣмцы наняли Новгородскихъ иконниковъ, и « по-
« велѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатномъ углу. » (49)

Вывезенные изъ Византіи и Корсуни образа прославили Софійскій со-
боръ. Новгородскіе златописцы оставили намъ въ наслѣдіе драгоцѣнный
памятникъ художества XIV вѣка — Васильевскія церковныя врата, здѣсь опи-
санныя. Когда же тамъ иконописцы познакомились съ Фряжскимъ стилемъ,

(46) *Карамз.* II. Г. Р. II, пр. 4.

(47) *тамъ же*, IV, пр. 175.

(48) *Россійская Исторія.* I, 57.

(49) т. е. на углу вѣрки. *Карамз.* II. Г. Р. III, пр. 244 и 369.

тогда рисунокъ ихъ получилъ болѣе живности, а раскраска разнообразія и яркости, особливо въ многочисленныхъ образахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ они позволяли себѣ нѣкоторыя отклоненія отъ неподвижныхъ формъ Византійской школы и отъ преданія: разлились ихъ произведенія самымъ сочиненіемъ. За иконописью тамъ неуклонно слѣдовала и миниатюрная живопись на пергаминахъ. Харатейныя Евангелія въ Остромировомъ спискѣ XI вѣка и въ Алексиномъ XII вѣка, украшенныя миниатюрными изображеніями, показываютъ намъ ея дѣятельность въ Новгородѣ.

Съ перенесеніемъ столицы изъ Кіева въ Суздальскую область, во Владимиръ, туда перенесено и художество, необходимое для Церкви, въ послѣдствіи обратившееся въ ремесло и промыселъ поселянъ и доселѣ извѣстное подъ названіемъ *Суздальскаго письма*, которое представляетъ искаженіе Византійскаго и Корсунскаго стilia.

Между тѣмъ какъ опустошенный Кіевъ былъ во власти Гедмина, Владимиръ Кляземскій, послѣ Батыева нашествія, представлялъ пепелище; вѣра и народность, съ нею вмѣстѣ и церковная живопись, нашли себѣ надежный приютъ въ Москвѣ, гдѣ Первосвятитель Петръ самъ былъ иконописцемъ. Когда надъ святою Русью тяготѣло Монгольское ярмо, тогда въ глуши Московскаго бора зародилась жизнь народная, государственная и религіозная; на помощь къ ней пришло художество, завѣщанное христіанскою Византійей: оно оживотворило первые Московскіе храмы св. образами, олицетворило стѣны ихъ бытейскимъ письмомъ, которое служило для неграмотныхъ назидательною грамотой, проводникомъ вѣры и благочестія. Художникамъ покровительствовала духовная и свѣтская власть. Уже при дворѣ Московскаго Князя Симеона Гордаго и Всероссійскаго Митрополита Феогноста находились Греческіе и Русскіе зоографы: Гойтанъ, старѣйшина иконниковъ, Захарія, Іосифъ и Николай. Между ними были учителя и ученики. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли произведенія ихъ кисти, образа и фрески, по коимъ можно бы судить объ успѣхахъ иконописи на Москвѣ; они погибли отъ губительныхъ пожаровъ и неискусныхъ поновленій. Отъ того вѣка сохранились: *храмовая икона Святителя Петра въ Моск. Усп. Соборѣ*,

мѣстная Спасителя въ Благовѣщенскомъ соборѣ, писанная 1339 г. какимъ-то Михаиломъ многогрѣшнымъ, и *путевая* икона св. Алексѣя Митрополита, во имя Спаса, въ Андрониковомъ м. Но, безъ сомнѣнія, всѣ произведенія иконописи въ XIV вѣкѣ были ознаменованы вліяніемъ Византійской, или Корсунской школы. Все достоинство ихъ заключалось въ искусномъ и отчетливомъ воспроизведеніи завѣтныхъ образцевъ, какъ подтверждаютъ слова грамоты 1554 г. «старинное «иконописаніе было Греческое и Корсунское, которое писали иконники все со «старыхъ образцовъ.» (50) Такого пошиба держались въ томъ и слѣдующемъ вѣкѣ пресловутые зоографы: Андрей Рублевъ, Данилъ Черный, Игнатій иконникъ, сподвижникъ св. Іоны Митрополита, Симеонъ Черный, Діонисій, Кнашь, Прохоръ Городецкій, Ѳеоданъ съ учениками, наконецъ Всероссійскіе Митрополиты Симонъ и Варлаамъ, св. Ѳеодоръ Архіепископъ Ростовскій, племянникъ Преп. Сергія, который, по словамъ Подлинника, когда былъ Симоновскимъ Архимандритомъ, писалъ многія св. иконы на Москвѣ, образъ дяди своего и Деисусы въ церковь св. Николая на Болвановкѣ. (51)

Какъ Аѳонская школа признала своимъ начальникомъ Панселина, жившаго въ XI или XII вѣкѣ, такъ и Московская—Рублева. По свидѣтельству Строгановскаго Подлинника, (52) Андрей Радонежскій, прозваніемъ Рублевъ писалъ иконы все чудотворныя. Пребывая въ послушаніи у Препод. Никона, онъ въ его присутствіи изобразилъ ликъ Пресвятой Троицы въ похвалу св. Отцу Сергію. (53) Лѣтописи называютъ иконы Діонисіева письма *чудными*, т. е. превосходными, а Стоглавъ призналъ произведенія Рублева образцовыми, какъ увидимъ далѣе. Пошибъ письма его въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка составилъ школу, такъ что образа, не только писанные имъ самимъ, но и учениками его и подражателями, извѣстны подъ именемъ *Рублевыхъ*. Этотъ художникъ вмѣстѣ съ Даниломъ Чернымъ производилъ иконное, и стѣнное письмо, какимъ украсилъ не одни Московскіе соборы, но и Владимирскій, Тро-

(50) Акты Археогр. Экспедиціи, т. I.

(51) Клиновской Подлинникъ, списанный съ древняго, въ концѣ XVIII вѣка, рукоп. въ 4, въ библиот. Графа Строганова.

(52) *тамъ же*.

(53) Этотъ образъ мѣстный стоитъ на правой сторонѣ у царскихъ вратъ въ Троицкомъ соборѣ.

ицкій въ Сергіевой обители, Спасовъ въ Андрониковѣ монастырѣ, гдѣ нашель себѣ послѣдній приютъ. По сказанію Іосифа Волоколамскаго, онъ такъ любилъ священное художество, что « въ праздничные дни « разсматривалъ св. иконы и переносился мыслию отъ видимаго къ « невидимому. » (54) Извѣстныя подъ его именемъ иконы, отмѣченныя позднѣйшими надписями, высоко цѣнятся любителями. Рисунокъ въ нихъ строгій и отчетливый, раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавкая и тонкая, или, какъ говорятъ иконники, *облачная*; темною она кажется, сколько отъ преобладанія вохры и санкиря, (55) столько и отъ оліфы. На сильныхъ мѣстахъ лицъ вохра не нанесена бѣлилами, но пущена въ тонкую тѣнь. По своему стилю, Рублевъ былъ вѣрнымъ Византійской школы. Замѣчательно уваженіе современниковъ его къ нему съ сотрудниками; они признали его *пресловутымъ*, а отечественная Церковь *Преподобнымъ*. (56) Тогда упражненіе въ иконописи церковной почиталось дѣломъ священнымъ, какимъ занимались сами Первосвятители, а иконописцы наравнѣ съ служителями Церкви; расписаніе церквей не рѣдко было предметомъ совѣщанія соборовъ, поводомъ къ установленію праздниковъ въ Церкви, и лѣтописи упоминають объ этомъ, какъ объ исторической достопамятности. Отъ художниковъ, посвятившихъ себя на этотъ подвигъ, требовалось строгое благочестіе и чистота нравовъ; приступая къ нему, они напутствовали себя постомъ и молитвою. Но, какъ увидимъ далѣе, школа Рублева во многомъ измѣнила началама мастера.

Освобожденію Россіи отъ Монгольскаго ярма предшествовали два событія, имѣвшія вліяніе на отечественную Церковь и на ея искусства — взятіе Турками, Царяграда и Херсона, откуда Россія заимствовала художниковъ. Когда Іоаннъ III положилъ въ Москвѣ краеугольный камень во главу угла единой державы: тогда въ ней открылъ приютъ разнымъ художникамъ изъ порабожденной Византіи и державнаго Рима. Тамъ они нашли себѣ обширное поприще для художественной дѣятельности. Вызванные изъ

(54) Духовное завѣщаніе Препод. Іосифа, гл. X.

(55) *Санкирь* состоялъ изъ трехъ красокъ: вохры жженой, лазури и чернилъ.

(56) Въ рукоп. Словарѣ Русскихъ Святыихъ Андрей и Давидъ поставлены между Святыми.

южной и западной Европы художники слыли у насъ *Фрязами* и *Фряжинами*, а произведенія ихъ—*дългомъ Фряжскимъ*, хотя они болѣе или менѣе и сообразовались съ Русскимъ типомъ. Между ими могли быть и живописцы. Лѣтописи наши въ числѣ мастеровъ упоминаютъ о какомъ-то капланѣ изъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ордена, Иванѣ Спасителѣ, который принялъ православное исповѣданіе. (57) Вѣроятно же кажется, что, по ошибкѣ, вмѣсто *Списателя*, т. е. церковнаго росписника, написали *Спасителя*, и что это слово не составляетъ прозвища *Salvator* въ переводѣ. Если это такъ, то не сей ли самый Иванъ расписывалъ тогда сооруженный Фіоравенти-Аристотелемъ Успенскій соборъ въ Москвѣ, и не онъ ли внесъ къ намъ начатки Фряжскаго стилиа въ иконописи, который потомъ привился къ Византійско-Русскому пошибу? Въ Стоглавѣ уже упоминается о Латинскихъ образахъ, хотя Русскіе чуждались св. иконъ, писанныхъ иновѣрцами, и хотя, по свидѣтельству Краковскаго Каноника І. Сакрарія 1500 г. «они только чествовали образа, поставленные въ ихъ церквахъ, или писанные ихъ мастерами.» (58)

Въ началѣ XVI вѣка, когда въ Италиі живопись достигла своего апогея, когда въ Германіи реформація нанесла ей ударъ, тогда въ Россіи съ отступленіемъ отъ Рублевой школы церковная живопись потерпѣла измѣненія не въ пользу искусства; ибо Царь Иванъ Васильевичъ въ грамотѣ своей къ Римскому Императору Карлу V жаловался на дурную живопись въ отечественныхъ церквахъ, изъявляя желаніе украсить ихъ произведеніями искусныхъ художниковъ. (59)

Доселѣ иконописцы наши ограничивались раболѣпнымъ подражаніемъ Византійско-Корсунскому стилю и воспроизведеніемъ образцевъ его; но Стоглавный соборъ уже возстаетъ противъ тѣхъ мастеровъ, которые начали «писать божество отъ самосмышленія и своими догадками.» При переходѣ отъ подражанія къ изобрѣтенію (самосмышленію), иконописцы внесли въ художество народность и личность.

(57) *Карамз.* II. Г. Р. VI. 364. пр. 104.

(58) *De Russorum Moscovitarum religione etc.* В. Д. 1582, in-4. Здѣсь Каноникъ называетъ Христіанскія наши церкви *синагогами*.

(59) *Schmidt Phiseldeck Materiale zur russ. Geschichte Riga, 1777, in-8.*

Въ Новгородѣ, союзникѣ Ганзы и Литвы, подобно какъ и въ другихъ областяхъ раздробленной Россіи, мало по малу образовались свои типы и направленія въ иконописи и въ жизни. Когда же Россія подъ властію едиnodержавнаго Царя стала ближе и тѣснѣе соединяться, тогда скоро должны были обнаружиться и разности въ священномъ художествѣ. Они и обнаружились въ протестѣ Висковатаго противъ нововведеній, перенесенныхъ изъ Новгорода въ Москву Макаріемъ и Сильвестромъ. Тогда стали размножаться образа *многолюдныя*, многосложныя, символическія, болѣе извѣстныя въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ на Москвѣ; явились попытки изображать посредствомъ иконописи смыслъ догматовъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, каковы напр: *Совѣтъ превъчній*, *Покой субботній Творца твари*, изображающей Господа Саваоа опочивающимъ на ложѣ, *Троицкое дѣліе*, *Поклоненіе Трїипостасному Божеству*, *Молитва Господня*, *Бытія изъ Апокалипсиса*, *Символъ вѣры*, *о Тебѣ радуется Благодатная*, *Достойно есть* и пр. Къ числу такихъ образовъ принадлежитъ *Страшный судъ*, послужившій къ обращенію В. К. Владимира I, и въ 1399 году присланный изъ Царьграда же Патріархомъ къ В. К. Тверскому Михаилу Ярославичу. (60) По окончаніи пасхальнаго разчисленія, сдѣланнаго на седьмую тысячу, въ 1492 году, мысль, овладѣвшая народомъ о наступленіи страшнаго суда, вѣроятно, дала поводъ къ распространенію такого образа. Къ тому же времени относится изображеніе *осміугольнаго вѣнца* у Господа Саваоа, въ ознаменованіе «семи вѣкомъ Творца и будущаго вѣка Отца.» (61) Не рѣдко особенные случаи давали поводъ къ размноженію нѣкоторыхъ иконъ. Такъ напр. взятіе Казани Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ праздникъ Покрова Божіей Матери служило побужденіемъ къ распространенію списковъ сего явленія и церквей въ честь его на Москвѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ въ иконописи тогда вкралась символы, чуждые Православной Церкви и дотолѣ ей неизвѣстныя, даже *знаменія* (атрибуты) Западной Церкви.

(60) Софійской Временникъ. I, 421.

(61) Подлинникъ Клиновскій въ библ. Графа С. Г. Строганова.

Такъ напр. Иконники стали изображать І. Христа съ колчаномъ и лукомъ, или вопреки запрещенію на Трульскомъ соборѣ, въ подобіи Агнца, Троицу съ ІХ чинами въ вѣнцахъ, иногда въ одномъ лицѣ съ принадлежностями трехъ лицъ, Евангелистовъ Іоанна съ орломъ, а Марка со львомъ. Максимъ Грекъ въ сочиненіяхъ своихъ, касаясь иконописи, приводитъ образъ Спасовъ, называемый по Римски *Pietas*. (62) Около того времени съ Запада вошли въ область нашей иконописи изображенія XII Сивиллъ, коихъ стали писать съ Еллинскими мудрецами на церковныхъ вратахъ, на стѣнахъ паперти, или притвора и даже на крилосахъ, какъ доказательства истины откровенной религіи. (63)

При такихъ нововведеніяхъ и при своевольномъ уклоненіи отъ завѣтныхъ Византійскихъ первообразовъ, возникли распри, нарушавшія спокойствіе Церкви. Отечественная Церковь вступилась въ свои права, взяла свои мѣры противъ самовольныхъ и соблазнительныхъ нововведеній и на Стоглавномъ соборѣ запретила « описывать Божество отъ самосмышленія и своими догадками, пове-
« лѣвъ держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцевъ инока Андрея Рублева и
« прочихъ пресловутыхъ иконописцевъ.» Соборнымъ опредѣленіемъ надъ всѣми иконниками уставлены четыре старосты, которымъ велѣно смотрѣть, чтобы первые писали по образу и по подобію, неправу пишущихъ отставлять и новыхъ иконниковъ отдавать учиться добрымъ мастерамъ. (64) Замѣчательно, что постановленія такъ называемаго Стоглавнаго собора, требуя отъ иконописцевъ духовнаго образованія и нравственной чистоты, поставляютъ

(62) Вотъ что онъ говоритъ объ немъ: «Священное образованіе священныя и покланяемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа, глаголемое по Римски *pietas*, еже есть по Русски милосердіе, или благочестіе, а не уныніе, нѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ таково показа себе списателю душеполезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру своему діакону, во время священныя литургіи священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, внигда влагати въ потиръ четвертую часть св. и покланяемаго Агнца. Сичево нерукотворіе (икос) божественное образованіе видовъ св. Григорій, стояще противу св. потира, умилися яко же лѣпо бѣ и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Дусѣ Святѣ, тако сказа иконописцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе и оттолѣ начатъ сичево священное образованіе Спасово во св. Божіихъ храмѣхъ писатися. Сиче азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италянѣхъ, у нихъ живый время довольно »

(63) *Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst*, von F. Piper. I. В. Weimar, 1847, in-12.

(64) *Исторія Русской Церкви, періодъ III, отъ 1410 по 1588*. М. 1847, въ 12.

въ обязанность Святителямъ « беречи ихъ и почитати паче простыхъ челоуѣкъ. » Въ дѣяніяхъ собора противъ Башкина 1554 г. между прочимъ подтверждено, чтобы « святыя и честныя иконы и бытейское письмо были « не на соблазнъ міру, но во утверженіе православію и въ просвѣщеніе « и умиленіе. » Взятые Іоанномъ изъ Новгорода, Пскова и Устюга древніе образа, украсивъ соборы Московскіе, представили образцы для Московскаго иконописанія.

Въ эту эпоху возвращенія иконописи къ Рублевой школѣ и появленія иконоборцевъ въ лицѣ Феодосія Косова, Башкина и другихъ, Всероссійскимъ Митрополитомъ былъ знаменитый Макарій, ревнитель православія, составитель Великихъ Чети-Миней, самъ иконописецъ, поновлявшій чудотворные и явленные образа.

Такъ по тѣсной, членовой связи сего художества съ православіемъ, и духовныя особы посвящали ему свой трудъ и бдѣніе. Всеросс. Митрополитъ Аѳанасій, духовникъ Царя Ивана Васильевича, былъ преемникомъ Архипастырскаго жезла Макарія и его художественной палитры и кисти, которую онъ обрекъ на украшеніе Церкви св. иконами. Въ XVI столѣтіи славились своимъ искусствомъ въ Великомъ Новгородѣ монахъ Антоніева монастыря Препод. Ананія, въ Нижнемъ Новгородѣ Перетрутовы, Старовѣровъ, Останя, Яковъ, Михайло и Семень Высокій Глаголь съ товарищи, а на Москвѣ Феодоръ Еликѣевъ, Михайло Медоварцевъ, Феодоръ Ухтомскій, Бажень Феодоровъ Сафатовъ, діаконъ Никифоръ Грабленой, старецъ Сергій, Феодосій, сынъ Діонисія зоографа. Послѣ пожара въ Москвѣ 1547 г., лишившаго ее многихъ драгоценныхъ памятниковъ иконописанія, собраны были въ нее древнѣйшія иконы изъ Владимира, Звенигорода, Новгорода, Ржева и Пскова, а за недостаткомъ Московскихъ, вызваны иногородные зоографы для списанія этихъ иконъ, по опредѣленію собора. (65) Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени памятниковъ иконописи XVI вѣка свидѣтельствуютъ намъ объ успѣхахъ ея въ Московскомъ мірѣ. Довольно указать на мѣстный образъ св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Троицко-Сергі-

(65) Акты Археограф. Экспедиціи, III, 238.

евои лауры, писанный Никифоромъ Грабленнымъ и стоящій тамъ на лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ. Тогда въ Москвѣ образовался подъ вліяніемъ Византійской школы *Московскій пошибъ*. Отъ Корсунскаго онъ разнился не столь длинными фигурами, частыми чертами, описью въ лицахъ свободною; въ раскраскѣ его болѣе цвѣтности, теплоты и разнообразія, чѣмъ въ Византійско-Корсунской; высокія мѣста отличаемы были костоватостію, доличное золотыми и красочными пробѣлами. Умильность въ лицахъ составляла противоположность съ строгостью и суровостію ихъ въ образахъ Новгородскаго пошиба, гдѣ преобладала вохра и празелень. Мѣстность и личность клали на нихъ свои типы.

Сильнѣйшимъ двигателемъ этого священнаго художества была вѣра и благочестіе народа, равно и требованія искусства.

Такова была дѣятельность иконописанія въ столицѣ Іоанна IV. Между тѣмъ какъ въ поработенной Греціи, это коренное ея художество пришло въ упадокъ, уже Москва надѣляла ее образами. Іоаннъ Комнинъ съ похвалою отзывается о Московскихъ образахъ въ серебряныхъ окладахъ, присланныхъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Аѳонскіе монастыри; онъ говоритъ, что образа сіи искусно и совершенно отдѣланы. Даже въ старинномъ Аѳонскомъ Подлинникѣ мы находимъ статью о томъ «какъ Московскіе зоографы пишутъ образа, какія и какъ употребляютъ краски, «какимъ способомъ накладываютъ на нихъ золото и пр.» (66)

Но въ матери градовъ Русскихъ, подвѣдомой области Константинопольскаго Патріаршества, подъ гнетомъ Польскаго ига, среди утѣсненій отъ Латинства и Уніи, могла ли процвѣтать церковная живопись? Петръ Могила въ книгѣ *Камель*, говоритъ о Супрасльскомъ монастырѣ: «спроси «кого нибудь въ томъ монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами? и узнаешь, что онѣ «обращены Уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ, «поставлены въ церкви полотняныя Италіянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ; ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное.»

(66) Manuel d'Iconographie, p. 51.

Въ концѣ XVI вѣка, въ глубокомъ сѣверѣ Россіи возникла Строгановская школа, отдѣлившаяся отъ старой Устюжской, сперва подъ строгимъ вліяніемъ Византійско-Русскаго, а потомъ Фряжскаго стиля. Кольбелью ея былъ Сольвычегодскъ, отчина знаменитыхъ въ нашей Исторіи Строгановыхъ.

Первыхъ временъ Строгановское письмо отличалось строгостію и отчетливостію *описи*, отборкою въ лицахъ, плавкостью и плотностью раскраски, тонкою костоватостію на высокихъ мѣстахъ красочными пробѣлами, наконецъ тщательною отдѣлкою доличнаго. Фигуры писались болѣе осми головъ. Краски у нихъ были выписныя, отмѣнной доброты, между копми для пробѣловъ иногда употреблялся, какъ и у царскихъ изографовъ, тертый жемчугъ, никогда не вымиравшій; на сильныхъ мѣстахъ обыкновенно наводились отливныя краски. Представителями этой школы, въ первую эпоху, были въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка: Максимъ и Никита Строгановы, Никифоръ и Прокопій Чирины, Постникъ Дербинъ, Мочаловъ, Емельянъ, Семень Бороздинъ Истоминонъ, Никифоровъ, которые, большею частію, подписывали свои имена на иконахъ. Отъ Строгановской школы вышли два пошиба: *Сибирскій* и *Бароновскій*, относящіеся ко второй его эпохѣ, когда рисунокъ уже является правильнѣе и вольнѣе, когда лицамъ давалось болѣе разнообразія и выразительности, когда въ раскраскѣ теплота, такъ сказать, оживляла тонкую плавкость. Доличное тогда роскошно украшалось золотомъ въ проскребку и инокопотью и золотыми пробѣлами. Такъ какъ образа писались не только на кипарисныхъ и липовыхъ, но и на мѣдныхъ доскахъ, на краскахъ и на золотѣ; то по числу наложенныхъ на образную дску листовъ опредѣляема была ихъ величина: отсюда *четырёхлистовые*, *пятилистовые*, или *пятицы* и *семилистовые*.

Такимъ образомъ Строгановская школа, сперва вѣрная Византійскому стилю, потомъ заимствовала отъ Фряжскаго стиля его приемы, его типъ и дебелисть раскраски. Представителемъ послѣдней эпохи былъ Стефанъ Нарыковъ. Вмѣстѣ съ школою царскихъ живописцевъ она служила переходомъ къ искусству, которое въ послѣдствіи развилось въ нашемъ отечествѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ церквей и монастырей, иконы Строгановскаго письма украшаютъ часовни на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, коллекціи Графа С. Г. Строганова, Погодина, Лобкова, Царскаго, Молошниковъ, А. и Ѳ. Рахмановыхъ, Никифора Гаврилова, Стрѣлкова и пр.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ Греко-Корсунской школы писали въ Москвѣ Патріаршіе и Царскіе зоографы, которые составляли общества или товарищества, родъ Академіи художествъ, гдѣ занимались иконописью и живописью и гдѣ обучали сему искусству. Первые вели свое начало отъ прежнихъ Митрополичьихъ, другіе отъ Великокняжескихъ иконниковъ. Первые отличались отъ послѣднихъ строжайшимъ соблюденіемъ Византійско-Корсунскаго пошиба въ своихъ произведеніяхъ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа съ 1632 по 1672 г. упомянуты: Назаръ Истоминонъ, Леонтій Черный, Степанъ Зубчаниновъ, Степанъ Панкратьевъ, Янъ Степановъ, Янъ Микулинъ, Степанъ Левлевъ, Ѳедоръ Козловъ, старецъ Агаѳоникъ, златописецъ Паисій, Гаврила Кондратьевъ, Дмитрій Львовъ и пр. Какъ между царскими были иностранные живописцы, то мало по малу они распространили между ими Фряжскій стиль, коему болѣе или менѣе сталъ подчиняться Византійско-Корсунскій пошибъ въ это переходное время. По свидѣтельству Алеппскаго Архидіакона Павла, « въ Москвѣ многіе иконописцы переняли « живописатьъ образа на манеръ Франковъ и Поляковъ, а вельможи поку- « пали такіе образа.» (67) Онѣе обыкновенно назывались *Латинскими*, какъ видно изъ дѣла Князя Хворостинина. Тщетно вооружался противъ этого Патріархъ Никонъ. У нѣкоторыхъ бояръ Итальянскіе и Нѣмецкіе мастера расписывали церкви. Съ Фряжскимъ стилемъ, внесшимъ въ церковную живопись дебелость лицъ, яркость красокъ и недостатокъ спокойнаго согласія цвѣтовъ, вошла личность художника, между тѣмъ, какъ въ образахъ Византійской школы она подчинена вѣльнїю Церкви. Направленіе Фряжскаго западнаго стилиа въ церковной живописи отдѣлялось отъ Византій-

(67) см. Странствованіе Арабскаго Патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву, П. С. Савельева, въ Библ. для чтенія, 1836 г. т. XV, отд. III, 110.

скаго рѣзкою чертою ; одинъ, близкій къ антикамъ языческаго міра, старался выразить силы природы, сосредоточенныя въ совершеннѣйшемъ образѣ человѣка и тѣмъ дѣйствовать на эстетическое чувство ; другой привести въ явленіе то, что надъ силами природы существуетъ высшая сила, которая ихъ проникаетъ, сообщая свѣтъ душѣ человѣческой. Основа одного внѣшній міръ, другаго — внутренній, духовный.

Изъ царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ славились своимъ искусствомъ Аѳинянинъ Апостоль Юрьевъ, Армянинъ Богданъ Салтановъ, Иванъ и Борисъ Паисены, Назаръ Истоминоу, Симонъ Ушаковъ, Егоръ Зиновьевъ. Много другихъ именъ попадаетъ въ дѣлахъ Придворн. Архива о царскихъ иконописцахъ, въ книгахъ Патріаршаго Приказа и другихъ письменныхъ памятникахъ; но особенно замѣчательны между ими три имени, потому что онѣ написаны на Каппоніановыхъ святцахъ въ Римѣ, кои относимы были Европейскими учеными то къ X, то къ XIII вѣку, (68) приписывались то Греческимъ, то Болгарскимъ и Сербскимъ художникамъ. Но сіи Русскія имена находимъ въ числѣ жалованныхъ царскихъ зоографовъ: *Андрей Ильинъ* (1668), *Сергій Васильевъ* (1667) и *Никита Ивановъ Пикторовъ*. Святцы сіи должны быть спискомъ съ древнихъ Греческихъ; потому что на нихъ нѣтъ Русскихъ Святыхъ. Болландіанскія картины, соборъ Святыхъ, писанныя 1628 года и приобрѣтенныя въ Москвѣ 1673 г. Езуитомъ Паперброхиємъ, безъ сомнѣнія, есть произведеніе Патріаршихъ или Царскихъ иконописцевъ, которое теперь украшаетъ Лейденскую картинную галерею. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ былъ безрукій зоографъ Полчевкъ Никифоровъ, который писалъ иконы, держа кисть губами. Въ расх. книгѣ Оруж. Палаты 1687 г: упомянуть осмилистовый образъ письма Полчевкта безрукаго: Коронованіе Богородицы. Въ церкви при Московской Екатерининской богадѣльнѣ и въ Коллекціи Н. Г. Головина хранятся его образа Спасителя и Богоматери съ подписью « лѣта 7191, Сентемврѣя въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полчевкъ

(68) De antiquissima pictura Russica, imprimis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis, auct. I. Th. Bulhe. Mosquæ. 1807, in-4.

« Никифоровъ, отъ рожденія рукъ не имѣлъ и писалъ устами.» Письмо сдѣлало бы честь искусной рукѣ зоографа.

Государевы зоографы, состоя въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты иконнаго терема, раздѣлялись на *жалованныхъ* и *кормовыхъ*, большой, средней и меньшей статьи, на *знаменщиковъ*, *лицевщиковъ*, *доличныхъ*, *златописцевъ*, *левкащиковъ* и *терщиковъ*. Они населяли въ Китаѣ и Земляномъ городѣ улицы, кои слыли *иконными*; работали также въ Иконномъ теремѣ и « въ пещерахъ « отъ Краснаго крыльца.» (69) Работа производилась ими, по Государеву указу, подъ завѣдываніемъ боярина съ дьякомъ. Такъ при поновленіи большаго Успенскаго собора стѣннымъ и иконнымъ письмомъ 1643 г. указалъ Государь быть тремъ бояринамъ съ Княземъ Б. А. Репнинымъ, да дьяку Степану Угопкому. (70) Царь жаловалъ мастеровъ серебряными ковшами, камчатными кафтанами и собольими шапками. Царь Алексій Михайловичъ, даровавшій имъ особенныя преимущества, въ грамотѣ своей 1669 г. ставитъ ихъ « выше всѣхъ прочихъ художниковъ, именуя тщаливыхъ и честныхъ « иконописцевъ, истинными церковниками, художниками церковнаго бла- « голѣпія.»

Техническая часть художества у Царскихъ зоографовъ обнаруживаетъ смѣтливость, ловкость и удивительное терпѣніе въ отдѣлкѣ. Писавши по левкасу и болѣе на краскахъ, разведенныхъ на яичномъ желткѣ, чѣмъ на маслѣ, они умѣли соединять плотность съ плавкостью и нѣжностію, лицамъ давать разнообразное и строго-приличное выраженіе. Костоватость на высокихъ мѣстахъ они уже замѣняли едва замѣтною отживкою и подпробѣлами, потомъ румянцемъ. Глаза писались не челночками, какъ прежде, но правильнѣе и круглѣе, съ лузгами или слезниками. Въ отдѣлахъ волосъ тонко проводимы были подрусинки и просѣдинки. Доличное у нихъ отличалось богатствомъ золотой инкопоти. На образахъ ихъ кисти появляется болѣе околичностей, чѣмъ прежде; нѣкоторые замѣчательны уже оригинальнію сочи-

(69) Приходо-расходная книга Оружейной Палаты денежной казны, 7188 г. N 248.

(70) Книга расходная деньгамъ, употребленнымъ на распisanіе стѣнное соборной церкви Успенія, 7130 г. N 973.

ненія. Это показываетъ, что изографы уже не ограничивали своей дѣятельности однимъ раболѣпнымъ воспроизведеніемъ завѣтныхъ образцовъ Византіи и Корсуни. Къ сочиненію давали имъ поводъ изображеніе дѣяній и чудесъ Святыхъ отечественной Церкви. Въ искусство они вносили личность и народность. Но не взирая на такое усовершенствованіе технической части, на попытки къ изобрѣтенію и сочиненію, въ ихъ произведеніяхъ еще оставались недостатки ихъ предшественниковъ—отсутствіе перспективы и единства тона или мотива.

Кромѣ изчисленныхъ нами здѣсь пошибовъ въ иконописи, былъ еще *монастырскій*, который образовался въ разныхъ отечественныхъ монастыряхъ, гдѣ иноки посвящали досужество свое на священное дѣло иконописанія. Иконы этого письма болѣе различествуютъ между собою раскраскою, чѣмъ рисункомъ: у однихъ преобладаетъ вохра, въ другихъ красный колеръ; въ тѣхъ раздѣлѣ сильнѣе или слабѣе. Такія иконы, поднесенныя Царямъ отъ монастырей, мы видимъ на западной и южной стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ началѣ XVII столѣтія, уже были и зоографы, которые списывали портреты, см. ниже стр. 143. Фіорилло, судившій строго и поверхностно объ искусствѣ въ иконахъ, признаетъ впрочемъ, что « онѣ, какъ антики, весьма важны и заслуживаютъ быть болѣе « извѣстными.» (71) Такъ судили о нашемъ иконописаніи и другіе иностранные ученые, удивлявшіеся Канпониановымъ святцамъ и ограничившіе свой взглядъ одной внѣшностью художества! По нѣкоторымъ только, неискуснымъ и даже уродливымъ изображеніямъ Святыхъ въ Греческомъ стилѣ, они заключали о грубости и неподвижности художества, между тѣмъ искусныя произведенія лучшихъ мастеровъ свидѣтельствуютъ намъ о возможности совершенствованія этого церковнаго художества, а богатый техническій языкъ о сознательности, съ какою оно развивалось.

Но не въ одной Москвѣ процвѣтала церковная живопись въ XVII столѣтіи; ею тогда славились Нижній Новгородъ, Кострома, Ярославль и Ро-

(71) см. Опытъ Исторіи начертательныхъ художествъ въ Россіи, соч. Фіорилло, въ Худож. Газетѣ. Спб. 1838, N 17.

стовъ. При поновленіи Успенскаго собора стѣннымъ письмомъ въ 1642 г. расписывали его иконники, вызванные изъ этихъ городовъ. При такомъ дѣлѣ всѣхъ иконописцевъ и знаменщиковъ городовыхъ и Московскихъ было 91 человекъ. Въ 1660 году, по указу Государеву, вызваны были для Государева и церковнаго дѣла изъ Нижняго Новгорода 4, изъ Костромы 5, изъ Ярославля и Ростова 8. Но какъ видно изъ жалобъ Царю Алексѣю Михайловичу, «по заглушнымъ деревнямъ плохіе мастера неистово писали иконы и продавали ихъ прасоламъ и щепетильникамъ, которые развозили ихъ по селамъ и городамъ.» (72)

Мѣстному различію въ сочиненіи давали поводъ многочисленныя явленія Богоматери, изображенія Святителя Николая Зарайскаго, Можайскаго, Великорѣцкаго и Явленскаго и пр. Не исчисляя ихъ, укажемъ только на иконы Софіи Премудрости Божіей, Кіевской и Новгородской; одна изображала Софію подъ видомъ Богоматери, стоящей подъ сѣбною седмистолпнаго храма, другая въ подобіи огнезрачнаго Царя, съ благословляющимъ его сверху Спасителемъ и съ предстоящими ему Богоматерью и Предтечею.

Миніатюрная живопись продолжала украшать своими произведеніями не только церковныя книги, но и лѣтописи и хронографы; а искусство вышиванія разноцвѣтными шелками, волоченымъ золотомъ и серебромъ, оличать Святыхъ и дѣянія на пеленахъ, покрывахъ и плащаницахъ, изъ коихъ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ сохранился въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры: сударь, или покровъ съ слѣд. надписью, вышитою серебромъ: «лѣта 7007 создана сія пелена.... замышленіемъ и повелѣніемъ Царевны «Царегородскою, Великою Княгинею Московскою Софіею Великаго Князя Московскаго.»

Нельзя при этомъ обзорѣніи состоянія иконописи въ Россіи выпустить изъ виду символика *библейской, церковной и условной* т. е. придуманной художниками въ иконописаніи, о коей мы упоминали въ статьѣ о Торевтикѣ. Какъ древле-церковное искусство начинается символическимъ изображеніемъ отношеній земной жизни къ небесной, высшей, то его символика проявляетъ стремленіе

(72) *Востоковъ* Опис. Румянцовскаго Музея, стр. 354 и 375.

духа восполнить древнія формы новымъ, глубокимъ содержаніемъ. Въ памятникахъ иконописи образный языкъ ея представляетъ намъ много такихъ символовъ, усвоенныхъ ею себѣ, напр: Всевидящее Око въ треугольникѣ знаменуетъ всевѣдѣніе Божіе; благословляющая рука въ облакахъ—Его благоволеніе; голубь—Духа Святаго; агнецъ—Искупителя; крестъ—орудіе вольной Его жертвы и нашего спасенія; левъ, орелъ и телець—трехъ Евангелистовъ; вѣнецъ—славу небесную; три звѣзды на челѣ и персяхъ Богоматери—нетлѣнное Ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ и т. п. Замѣчательно также значеніе служебныхъ Умныхъ Силъ, выражаемое ихъ символами; на головѣ у нихъ обыкновенно изображается въ видѣ перевязки *маніе*, или покоище Св. Духа, изъ ушей вьются *торѡцы*, или слухи. Кадило въ рукѣ у Ангела выражаетъ молитву, кринь—благовѣстіе, жезлъ—путеводство, труба—зовъ на страшный судъ, мечъ—кару грѣшныхъ; а мечъ духовный—глаголь Божій и т. п.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Подлинника находится *сказаніе по буквамъ о птицахъ и звѣряхъ*, большею частію, входящихъ въ область церковной символики. (73) Не оставимъ безъ замѣчанія болѣе или менѣе извѣстныя монограммы, какъ-то: у Спасителя въ вѣнцѣ О Ω Н, Сый, (74) у Богородицы ΜΡ ΘΥ, Божія матеръ, у креста І. Н. Ц. И. Исусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій, М. Л. Р. Б. Г. А, Мѣсто Лобное, Распятъ бысть, или Рай Бысть, Глава Адамова и пр.

Таково было значеніе и судьбы иконописанія въ Россіи съ его начала до конца XVII вѣка, служившаго переходомъ къ преобразованію его при Петрѣ I и къ Академіи художествъ. Не взирая на нѣкоторыя частныя, мѣстныя уклоненія отъ Византійскаго первообраза, оно крѣпко держалось кореннаго своего начала, которое заключалось въ православіи восточной Церкви, неизмѣненной у насъ ни въ основахъ своихъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ Богослуженія. Ограниченное завѣтнымъ преданіемъ, Византійскимъ первообра-

(73) Подлинникъ рукоп. 1658 г. N 315, въ библиот. Царскаго.

(74) Невѣдущіе придумали это Греческое ветхозавѣтное слово объяснить Русскими: «Отечскій умъ непостижимъ Сый,» такъ какъ *Μητὴρ Θεοῦ* (ΜΡ ΘΥ) «Марія роди Фарисеямъ учителя.»

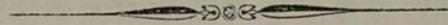
зомъ и символическимъ направлѣніемъ, конечно, оно не могло свободно развиваться; за то и не могло вдаваться въ своевольное изображеніе лицъ Святыхъ по *своему самосмысленію* и, вмѣсто божественной природы, представлять чувственную природу человѣческую. Но такія условія не мѣшали церковной живописи восходить къ совершенству въ своемъ родѣ, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ ея образцовъ, гдѣ типическая строгость рисунка соединена съ святолѣпною изображеніемъ, нравственно-духовное приличіе съ отчетливостію и изяществомъ исполненія. Если Церковь должна отличаться отъ мірскаго, свѣтскаго, своимъ языкомъ и своими формами: то и ея живописи необходимо имѣть свой типъ священный, гдѣ искусство подчинено религіознымъ идеямъ.

Постигая всю важность сего дѣла, Петръ I, по примѣру Патріарховъ, учредилъ Цензуру для иконописанія, которая помѣщена была въ палатахъ, построенныхъ изъ казны Патріарха близъ Покровскаго собора и Василя блаженнаго, что на рвѣ. Тамъ сидѣлъ, т. е. завѣдывалъ изуграфievъ исправленія Иванъ Зарудный. Указомъ 1707 г. Апрѣля 27, повелѣно, « дабы лучшаго ради исправленія и чести св. иконъ въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, которые пишутъ иконы Московскихъ, градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ людей во Всероссійской державѣ, велѣно надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ, Суперъ-Интенденту Ивану Петрову Зарудневу.» Изуграфская Палата состояла въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты. (75)

Наконецъ, поставляя вѣкъ Петра Великаго предѣломъ Русской старины, мы ограничимъ этою эпохой свое обзрѣніе исторіи иконописи въ Россіи; но не можемъ не присовокупить къ тому, что какъ церковное это художество равно и многіе его священные памятники, ознаменованные чудесами, предметы церковнаго благолѣпія и народнаго благоговѣнія, вошли въ неразрывный союзъ съ внутреннею жизнію народа, получили высокое значеніе

(75) Полное собраніе Росс. Законовъ т. IV, съ 1700 по 1712 г. Zustand der Künste in Russland zu Ende des XVII Jahrhunderts, v. I. Snegireff. въ Archiv für wissenschaftlichen Kunde von Russland, 1842, II. II. Berlin.

въ отечественной исторіи ; они составляютъ въ Русскомъ мірѣ не только церковную, но и государственную святыню ; съ ними связаны судьбы земли Русской, областей, городовъ. Такъ нѣкогда Софія была представительницей Великаго Новгорода, Троица—Пскова до тѣхъ поръ, пока Московскій домъ Пресвятой Богородицы не сосредоточилъ въ нѣдрахъ своихъ святынь изъ вольныхъ городовъ и удѣльныхъ Княженій. Владимирская чудотворная икона, свидѣтельница обѣтовъ Русскихъ Святителей и Государей, двинута была изъ Москвы въ Кострому для призванія Михаила Романова на осиротѣвшій престолъ ; Тихвинская Богоматерь дана была порукою на Столбовскомъ мирѣ ; а Смоленская въ 1812 году сопутствовала Россійскому воинству. Кому не извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ семейной жизни иконы, данныя родителями дѣтямъ въ благословеніе, писанныя по обѣщанію и въ ознаменованіе достопамятныхъ событій !



ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ СЛНА ДУХОВНАГО.

СВ. ИКОНЫ.

ИКОНА ВЛАДИМИРСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 1.)

Прославленная чудотвореніями икона Владимірскія Богоматери, по древнему преданію, (1) изображена еще при жизни Богоматери, списателемъ Дѣяній Апостольскихъ, Евангелистомъ Лукою, въ честь котораго основана была, XIV вѣка, въ Италіи живописная школа, или братство, занимавшееся преимущественно изображеніемъ лица Пресвятой Дѣвы и передавшее намъ нѣсколько ея иконъ. (2)

Изъ Царьграда святыня сія привезена въ Кіевъ вмѣстѣ съ Пирогощею, (3) а оттуда 1154 года во Владимір на Клязьмѣ, Вел. Кн. Андреемъ Боголюбскимъ, который, по сказанію Русскаго временника: « въова в ню болѣ 30 гривень « золота, кромѣ серебра и дорогого каменія и женчюга, и постави ю въ церкви « своей въ Володимери. » Отъ пребыванія своего въ этой столицѣ Великихъ Князей икона получила названіе *Владимірской*. Перенесеніе ея въ Москву при В. К. Василю Дмитріевичѣ въ 1395 году, Августа 26, ознаменовано спасеніемъ престольнаго града отъ нашествія Тамерлана. Ханъ Монгольскій, устрашенный дивнымъ видѣніемъ, внезапно обратился въ бѣгство, въ тотъ

(1) Подтвержденному и слѣдующею надписью на камнѣ въ Римѣ: Oratorium quond. S. Pauli Apost. Lucae Evangelistæ et Martialis martyrum, in quo et imago B. Mariæ virginis reperta sistebat una ex VII a B. Luca depictis. Roma subterranea novissima, opera et studio Pauli Aringhi. 2 t. 1638, Lutetiae Paris. in f.

(2) *D'Agincourt*. Storia dell'arte dimonstrata coi monumenti, Prato, 1826, m. I. p. 373.

(3) Въ рукоп. дополненіи къ Кенигсбергскому списку.

самый день, какъ жители Московскіе встрѣтили на Кучковомъ полѣ эту заветную святыню съ восклицаніями: « Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Съ водвореніемъ въ Москвѣ святой представительницы Владимирскаго Великаго Княженія, Московскіе державцы уже возводимы были на престолъ не во Владимирскомъ, но въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ у златыхъ вратъ. Какъ сіе достопамятное и чудесное событіе, такъ равно избавленіе Москвы предстательствомъ Богоматери отъ нашествія Ахметова въ 1480 году, отечественная Церковь празднуетъ крестными ходами Августа 26 и Іюня 23. (4) Самое поновленіе ея иконы Всероссійскимъ Митрополитомъ Симономъ, въ 1514 году, торжествуется Церковію Мая 21.

Съ XVI вѣка икона Владимирскія Богоматери почиталась въ Москвѣ главною, иногда называема была *Одигитрією* т. е. путеводительницею; (5) по водвореніи ея въ Успенскомъ Соборѣ, первопрестольный храмъ сталъ именоваться *Домомъ Пресвятыя Богородицы*. Во время 19 мѣсячнаго пребыванія въ Московскомъ Кремлѣ Поляковъ, не щадившихъ святыни, она чудесно сохранена Архіепископомъ Галасунскимъ Арсеніемъ, и, по очищеніи города отъ враговъ, вынесена была въ срѣтеніе русскимъ дружинамъ, которыя не чаяли ее увидѣть. Такъ судьбы Москвы связаны съ чудотворнымъ образомъ Богоматери, который былъ залогомъ спасенія и благоденствія Россіи, свидѣтелемъ обѣтовъ Царей, Святителей и народа! Для убѣжденія Бориса Годунова принять хоругви царства, эта земская святыня принесена была къ нему въ Новодѣвичій монастырь Патріархомъ Іовомъ; предъ нею павши ницъ, Борисъ воскликнулъ со слезами: « о матерь Божія! что виною твою его подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію крова твоего! » Предъ нею Святитель благословилъ его на государство Московское и всея Россіи. При избраніи Святителей, въ кіотъ ея на пелену полагаемы были въ панагіи запечатанные жребіи и, послѣ молебна, вынятые распечатывались Царемъ, который объявлялъ освященному собору и народу имя избраннаго. По сверженіи Годуновыхъ, когда клеветы Отрепьева въ Успенскомъ соборѣ дерзновенно сорвали святительское облаченіе съ Патріарха Іова, тогда Іерархъ, снявъ самъ съ себя панагію, положилъ у образа Владимирскія Богоматери, гдѣ она была на него возложена при посвященіи. Никонъ Патрі-

(4) Карамз. II. Г. Р. III, 31, 39. V, 149, 151, 342. VI, 160. XI, 7, 123.—Разсужденіе о крестныхъ ходахъ православной Церкви, соч. П. Аничкова - Платонова. М. 1842, въ 8.

(5) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора, изд. П. Стресса. М. 1844. въ 4.

архъ у кіота ея поставилъ свой архипастырскій жезлъ, когда добровольно отрелся отъ своего престола.

Этотъ памятникъ Апостольскихъ временъ пребываетъ въ первопрестольномъ храмѣ Москвы пятое уже столѣтіе и только, при нашествіи Наполеона, въ 1812 году, увозимъ былъ во Владимиръ, какъ бы для того, чтобы посѣтить и охранить прежнюю свою обитель.

Художественное значеніе иконы не менѣе важно, какъ и историческое, по самому художнику—Евангелисту, которому приписываетъ ее древнее преданіе, такъ и по стилю и искусству украшеній, состоящихъ изъ предметовъ ваянія, сканной и чеканной работы.

Сочинитель Степенной книги, Всероссийскій Митрополитъ Аѳанасій, поновлявшій св. икону 1566 года, сообщаетъ намъ ея описаніе въ слѣдующихъ словахъ: « Апостоль Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта « во образъ возраста средня мѣры: святое и благодатное лице ея мало « окружіа, продолжающійся носъ достосладостнѣ лежащъ на десно, при близъ « пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты же Богопріемныхъ « ея рукъ тонкостію истончены. »

Какъ доличное, или драпировка на образѣ закрыта окладомъ, а лицевое письмо слюдою: то, не касаясь рисунка и колорита, мы представимъ здѣсь для сличенія съ настоящимъ ея видомъ древнее, замѣчательное, по содержанию и техническому языку, описаніе украшеній, сдѣланное въ 1627 году, по указу Патріарха Филарета Никитича:

« Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, писмо Евангелиста Луки, « въ киотѣ, киотъ обложенъ серебромъ 3 затворы, а на затворехъ образъ « Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, да Евангелисты серебряны тошіе, « да на киоте крестъ серебрянъ волачной въ яблоке, да у пречистыя Бого- « родицы другой серебрянъ киотъ обложенъ серебромъ, окладъ басменной, « двѣ шамейки да два пробоя серебряны литые, вверху киота шесть горо- « довъ золоты, а въ нихъ тридцать пять яхонтовъ лазоревыхъ, два изумру- « да, да шесть лаловъ, около лаловъ низано жемчугомъ въ одну прядь два « камня зелены плохіе, семь венисъ и червцовъ, камень хрусталь, всѣ въ « золотыхъ гнѣздахъ, около городовъ низано жемчугомъ въ одну прядь, на « городѣхъ же на закрѣпкахъ двадцать жемчуги. Образъ Пречистыя Богоро- « дицы оплечье и вѣнецъ и коруна и по полямъ двѣнадцать праздниковъ зо- « лотыхъ, и межъ праздниковъ по полямъ обложено золотомъ же сканью с

« финифтомъ, а около вѣнцовъ и образа Пречистые Богородицы и праздни-
 « ковъ низано крупнымъ жемчугомъ въ одну прядь, а въ прежней росписи
 « окладъ и вѣнцы и репы написаны серебряны. В вѣнце надъ главою
 « яхонтъ лазоревъ большой, да шесть яхонтовъ лазоревыхъ, три обнизаны
 « жемчугомъ в одну прядь, лалъ большой да лалъ невеликъ обнизанъ жем-
 « чугомъ в одну прядь, три изумруда обнизаны жемчугомъ в одну прядь,
 « всѣ в золотыхъ гнѣздахъ; да три репы большихъ золотыхъ, а въ нихъ
 « среди репьевъ три лапа большихъ: средней лалъ обнизанъ жемчугомъ
 « в одну прядь, да два лапа малые, девять яхонтовъ лазоревыхъ въ золо-
 « тыхъ гнѣздахъ, да на тѣхъ же репьяхъ сорокъ четыре зерна гурминскихъ
 « большихъ и среднихъ на спняхъ репей золотъ, въ немъ камень юга око-
 « ло гнѣзда в обниси пятнадцать зеренъ гурминскихъ да на спняхъ четыре
 « зерна гурминскихъ да въ корунѣ двадцать одинъ яхонтъ лазоревы, два
 « изумруда, лалъ тунпас, двадцать пять раковинъ, да промежъ городовъ ко-
 « рунныхъ двадцать четыре лалика маленькихъ и тѣ всѣ камня и ракови-
 « ны въ золотыхъ гнѣздахъ, а около городовъ и около вѣнца по обѣ сторо-
 « ны обнизано жемчугомъ крупнымъ в одну прядь. Поднизъ у Пречистые
 « Богородицы низано большимъ жемчугомъ, а в ней двадцать семь яхонтовъ
 « лазоревыхъ, да четыре лапа, да тридцать три зерна гурминскихъ, вся-
 « чихъ на нитяхъ. На правомъ плече яхонтъ лазоревъ большой въ гнѣздѣ
 « в золотомъ, надъ нимъ репей золотъ, въ репье яхонтъ лазоревъ, около его
 « въ обниси девятнадцать зеренъ гурминскихъ, да четыре лапа, да четыре
 « зерна гурминскихъ на спняхъ, пониже подписи гнѣздо сканное золото, а
 « в немъ изумрудъ, да тридцать три зерна гурминскихъ на спняхъ. На под-
 « писяхъ на закрѣнкахъ восемь зеренъ гурминскихъ на спняхъ. На лѣвомъ
 « плече репей золотъ, а в немъ яхонтъ лазоревъ, да четыре лапа около
 « яхонта в обниси, осмнадцать зеренъ гурминскихъ, да четыре зерна на
 « спняхъ. По ниже репы гнѣздо золотое сканное, а въ немъ изумрудъ, да
 « четыре зерна на спняхъ. »

Въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ къ образу, вѣроятно, большею частию, обѣтныхъ, въ описи значатся: 1) ожерелье прикладу Царя Михаила Ѳеодоровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ 5 яхонтами, 11 изумрудами и 11 лапами в золотыхъ гнѣздахъ, 2) золотыхъ цать 6, панагій 4, крестовъ 16, съ жемчугами и драгоценными камнями, сверхъ того, рясы и серьги, сто пятьдесятъ два золотыхъ Угорскихъ и Московскихъ, четыре золотыхъ

двойныхъ Угорскихъ, Новгородка золотая и серебряна золочена. Все сіе составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. Апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ Св. Синодъ для разбора, « что въ нихъ старое и куріозное: » тогда она лишилась бѣльшей части своихъ узороцій. Золотая риза на Богоматери устроена, по указу Патріарха Никона, 1658 года, золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ; (6) но на поляхъ остался древній сканный окладъ. Между двумя дробницами въ кругѣ изображены сканью греческія слова *ΙΤΑ ΡΩΣΙΑΙ*, кои свидѣтельствуютъ, что дѣло это греческое.

Точный снимокъ съ этого образа въ золотомъ окладѣ, сдѣланный Всеросс. Митрополитомъ Симономъ, хранится въ придѣлѣ Св. Апостола Петра и Павла въ Успенскомъ Соборѣ. Изъ устава Москов. Патріарховъ видно, что въ ненастное время сію икону носили въ крестномъ ходу, вмѣсто подлинной, какъ-то случилось въ 1687 году. (7)

(6) Книга Патріарш. Казен. Приказа 7166 г. N. 64.

(7) Древняя Росс. Вивліоенка, X, 323.

ОБРАЗЪ ІОАСАФОВСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Омд. 1. №. 2.)

Подъ именемъ Іоасафовской Богоматери извѣстенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ нагойный осмилистовый образъ Богоматери, писанный греческимъ пошибомъ (1) на липовой дскѣ съ выемкою. Судя по рисунку и колориту, онъ писанъ въ Россіи и твердостью одного и плавкостью другаго близко подходитъ къ стилю школы Рублева. Лице Богоматери болѣе круглое, чѣмъ продолговатое, безъ костоватости (2), но съ отживкою (3); выраженіе его болѣе мрачное, чѣмъ умильное; носъ маленькій, тонкій, глаза безъ слезниковъ, кои появляются на иконахъ съ XVI вѣка. Доличное вохрынаго цвѣта, безъ иконопи (4), между тѣмъ какъ доличное у Спасителя съ золотыми гвентами. (5) На челѣ и на персяхъ у Богоматери три звѣзды, знаменующія ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.

Украшенія иконы замѣчательны искусствомъ и богатствомъ. Поля ея, или свѣты, покрыты золотымъ сканнымъ съ финифтью окладомъ; вѣнецъ на Богоматери золотой съ городками, гривною и тремя цатами, къ ней привѣшенными. Тѣ и другія усѣяны драгоценными камнями, по большей части, негранеными. На Спасителѣ такой же вѣнецъ съ городками.

(1) т. е. стилемъ. (2) или подпробѣлки. (3) или блесками, движками, отѣнками. (4) *иконопь*, или *иконопоть*, наводъ раствореннымъ золотомъ. (5) *гвенты*, черты, складки на одеждѣ, коей откинутыя поля назыв. *картушекъ*.

На золотыхъ дробницахъ по полямъ образа наведены чернью лики: Пресвятой Троицы, Св. Іоанна Предтечи, Архангела Гавріила, Николая Чудотворца, Св. Василя Парійскаго, Θεодора Стратилата, Іоанна Лѣствичника, Препод. Сергія и Анастасіи Римлянины.

Такъ какъ, по древнему обычаю на Руси, на св. иконахъ нерѣдко изображались Святые, тезоименитые членамъ какой нибудь фамиліи; то и въ Святыхъ на иконѣ Іоасафовской Богоматери, вѣроятно, увѣковѣчены имена семейства владѣтеля ея; ибо здѣсь находимъ святыхъ Іоанна Предтечу, Θεодора Стратилата и Анастасію Римлянину, соименныхъ Царю Іоанну Васильевичу, Царицѣ Анастасіи Романовнѣ и Царевичу Θεодору. Еслибъ икона устроена была Царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ, которому присвоивается описью этотъ образъ, то навѣрное на дробницахъ изображены были бы Святые, тезоименитые его родителю и одной изъ его супругъ, Агаѳии или Марѣѣ. Вѣроятнѣе же, эта икона была молебная, комнатная, и перешла ему въ благословеніе отъ родителя, а въ Соборъ поступила, можетъ быть, по смерти его, какъ надгробная, выносная.

Чтожъ касается до названія иконы Іоасафовскою: то въ числѣ явленій отъ иконъ Богоматери такой не встрѣчается. А какъ Патріархи Московскіе, при вступленіи своемъ на Святительскій престолъ, имѣли обыкновеніе подносить Царю св. иконы въ благословеніе: то или Іоасафъ I поднесъ ее Царю Михаилу Θεодоровичу, или Іоасафъ II Царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго она могла поступить въ наслѣдіе сыну его и преемнику Θεодору подъ именемъ Іоасафовской.

СВ. ИКОНА

ОДИГИТРИИ СМОЛЕНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Омд. I. №. 3)

Икона Богоматери Одигитрии мѣстная въ верхнемъ придѣлѣ Благовѣщенскаго Собора, въ честь собора Архистратига Гавріила; вышиною она 1 ар., шириною 13 вершк. Судя по рисунку и колориту, пошибъ ея Московскихъ царскихъ иконописцевъ. Умильное лице Богоматери продолговатѣе и юнѣе, чѣмъ на другихъ иконахъ, здѣсь изображенныхъ; на челѣ и на правомъ плечѣ ея двѣ звѣзды, третья закрыта Спасителемъ, котораго она держитъ на рукахъ. У Предвѣчнаго Младенца одна рука благословляющая, въ другой книжный свитокъ. Поля и свѣты иконы обложены серебрянымъ басменнымъ окладомъ, какой уцѣлѣлъ на всемъ иконостасѣ отъ хищенія непріятелей въ 1812 году. Вѣнцы на Богоматери и Спасителѣ чеканные серебряные золоченые съ самоцвѣтными камнями. Въ описи Благовѣщенскаго Собора, сдѣланной, по указу Царя Θεодора Алексѣевича, 1680 года, эта икона значится въ числѣ мѣстныхъ главнаго престола; съ нея тамъ находятся два списка, одинъ съ чудесами позади лѣваго столпа. По указанію описи, она была въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ чеканными цатами, съ убрисомъ и ожерельемъ жемчужнымъ; сверхъ того, украшена лазоревыми яхонтами, суровиками и бирюзами въ вѣнцахъ и гнѣздахъ. Около образа были написаны двадцать четыре праздника Господскихъ и Богородичныхъ. (1)

(1) Опись церквамъ Благовѣщ. Собора 7188 и 89 въ л. N 119, въ Архивѣ Оруж. Палаты.

Эта икона есть точный списокъ съ Смоленскаго чудотворнаго образа Богоматери Одигитріи, который, по преданію, есть первоначальный Евангелистомъ Лукою. Въ 1404 году принесенный въ Москву послѣднимъ Княземъ Смоленскимъ Юріемъ Святославичемъ, (2) онъ поставленъ былъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ на поклонѣ. Черезъ полвѣка, святыня сія ходатайствомъ Епископа Мисаила и гражданъ Смоленскихъ возвращена была въ свою отчизну. Великій Князь Василій Темный съ святителемъ Іоною провожалъ ее до самаго Дорогомилова и въ память сего событія учрежденъ 28 Іюля крестный ходъ въ основанный имъ Новодѣвичій монастырь. По отпускѣ сего образа, Великій Князь, какъ гласитъ лѣтопись, « повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ мѣру съ нея и образъ назнаменова. » Съ того времени начали распространяться въ Московскомъ государствѣ списки съ Одигитріи.

Когда ужасный пожаръ 1547 года истребилъ въ соборахъ и церквахъ кремлевскихъ множество св. иконъ, тогда вѣроятно не сохранился и древнѣйшій списокъ съ образа Смоленскія Богоматери; но судьба его подлинника связана была съ судьбами Москвы и Смоленска. По присоединеніи послѣдняго къ первой, чудотворная икона Одигитріи снова принесена была Архіепископомъ Варсонофіемъ Еропкинымъ въ столицу Россіи, для поновленія, 1669 года. По всему вѣроятію, при этомъ случаѣ сдѣланъ былъ описываемый нами снимокъ. Когда Смоленскъ взятъ былъ Наполеономъ, тогда завѣтная святыня, сопутствовавшая Русскому воинству, снова посѣтила Москву, обреченную въ то время на жертву за Россію.

(2) *Карамз.* II. Г. Р. V. пр. 386. и Выходы Царей Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

НОВГОРОДСКІЕ РѢЗНЫЕ ОБРАЗА.

(Рисункъ Отд. I. № 4.)

Въ то самое время, когда Петръ I указами своими повелѣлъ отбирать изъ церквей и часовенъ рѣзные образа и хранить ихъ въ ризницахъ при соборахъ и монастыряхъ: въ Новгородскій Софійскій Соборъ поступило много подобныхъ иконъ разной величины, изъ коихъ здѣсь изображены:

- 1) Св. Параскева Пятница, съ распростертыми въ моленіи руками.
- 2) Неизвѣстная фигура въ царскомъ облаченіи, въ зубчатой коронѣ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ.
- 3) Другая, подобная первой, съ вѣнцомъ вокругъ головы.
- 4) Неизвѣстная фигура съ распростертыми руками, въ мантии, застегнутой на груди тремя застежками.
- 5) Всадникъ въ бронѣ.

Всѣ эти фигуры, вырѣзанныя изъ липоваго дерева, расписаны красками. Въ рисунокѣ ихъ недостаетъ правильности, а въ отдѣлкѣ изящества. Это составляетъ едва ли не общій недостатокъ въ произведеніяхъ сего образовательнаго искусства, столь свѣчнаго Русскому народу.

Не останавливаясь на трехъ неизвѣстныхъ намъ изваяніяхъ, рассмотримъ первое, какъ болѣе замѣчательное по своей древности и значенію въ Русскомъ мірѣ, гдѣ къ хрістіанскому понятію о святой Великомученицѣ народъ примѣшалъ древнія свои повѣрья языческаго происхожденія.

Самое названіе св. Прасковіи Пятницею есть ничто иное, какъ переводъ греческаго слова *παρασκευή* т. е. приготовленіе къ субботѣ и дано Великомученицѣ, пострадавшей за Христа въ III вѣкѣ, при Императорѣ Діоклетіанѣ, по случаю рожденія ея въ пятокъ, который благочестивые ея родители проводили въ постѣ, молитвахъ и въ воспоминаніи о крестной смерти Спасителя. (1) Отечественная Церковь наша, согласно съ отвѣтомъ страстотерпицы на вопросъ ея мучителей, соединила Греческое имя съ Русскимъ его переводомъ, а простой народъ, по невѣжеству, принималъ ихъ за два различныя слова, давая имъ различное значеніе.

Простолюдины, благоговѣя предъ св. Пятницею, во многихъ мѣстахъ Россіи пятничаютъ, т. е. держатъ строгій постъ, считаютъ за грѣхъ работать въ пятый день недѣли, называемый у нихъ *обѣтнымъ*, *завѣтнымъ*. Въ особенномъ у нихъ уваженіи пятницы предъ праздниками, какъ-то: *Благовѣщенская, Троицкая, Спасовская, Успенская, Ильинская*.

Въ Стоглавѣ упоминается о вымышленныхъ явленіяхъ св. Параскевіи, будто «заповѣдавшей въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать и женамъ не прясти и платье не мыть и пламени не разжигать.» Мало того: простолюдины въ Польшѣ, въ этотъ день даже не смѣются, вѣря, что кто въ пятницу смѣется, тотъ въ Воскресенье будетъ плакать. (2)

Многія мѣстныя ярмарки и торги въ Россіи слывутъ *Пятницами*, какъ-то: двѣнадцатъ въ году *временныхъ*, *девятая, десятая, Берендѣева, обжорная* и т. д. Въ Москвѣ было урочище *Старыя Пятницы*, на красной площади, гдѣ производился торгъ. И въ Новгородѣ заморскіе купцы поставили въ 1156 году церковь св. Пятницы на торговой площади. (3)

Рѣзныя и иконописныя изображенія св. Пятницы выставлялись на перекресткахъ въ часовняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пятницъ*, и на дупловатыхъ деревьяхъ въ лѣсу, занимали мѣсто въ домашней божницѣ въ переднемъ углу, или покутѣ. Святую Пятницу представляли даже женщины. Въ Духовномъ Регламентѣ сказано, что «въ Малой Россіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ водятъ женку простовласу подъ именемъ Пятницы и водятъ въ ходѣ церковномъ и при церквѣ честь оной отдаетъ народъ съ дарами и со упованіемъ нѣкія пользы.» Въ Булгаріи Пятницѣ приносятъ въ жертву

(1) Дни Богослуженія православной восточной Церкви, Спб. 1846 г. въ 8.

(2) Lude. Polski p. L. Golbiowskiego. Warsz. 1830.

(3) Карамз. И. Г. Р. III. пр 381.

агнца; прилѣпивъ къ рогамъ по свѣчкѣ и окуривъ ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобъ не пропало ни капли крови, кою крестообразно мажутъ дѣтямъ на лбу, щекахъ и подбородкѣ; потомъ зажавъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ. На Руси, при изгнаніи зимы, при встрѣчѣ весны, въ дожинки, обжинки и при опахиваньи, избранныя отъ міра лица представляютъ собою Пятницу. Народное суевѣріе придало ей тоже значеніе, какое имѣло у Римлянъ Венера или *Suada*, (4) у Славянъ Лада, устраивавшая свадьбы; посему и невѣсты особенно молятся Пятницѣ о своемъ суженомъ; она же была покровительницей торговли. По той же причинѣ и пятый день недѣли посвященъ у Римлянъ, Французовъ, Скандинавовъ и Нѣмцевъ Венерѣ или Свадѣ и Фреѣ: *dies Veneris, Vendredi, Freitag, Friatag, Freyjudagr*.

Такія суевѣрія, соединенныя съ изваяніями св. Великомученицы и запрещеніе правилами Св. Отецъ употребленія рѣзныхъ иконъ, дали поводъ Петру I къ повелѣнію: отбирать изъ церквей и часовенъ ея изваянія. Чтожъ касается до всадника въ бронѣ, то онъ долженъ быть или св. Георгій побѣдоносецъ или св. Димитрій Селунскій, которыхъ изображеніями ваяніе и рѣзьба нерѣдко украшали церкви, часовни и моленныя.

(4) Sane Veneri multa nomina dicuntur, imposita; nam alii Suadam appellant, quod ipsa conciliatio Suada sit. *Servius. ad Aen. I, 724.*

НОВГОРОДСКІЙ ОБРАЗЪ

ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

(Рисунки Отд. I. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.)

Названіе Новгородскаго образа Богоматери *Знаменіемъ* т. е. чудомъ, явленіемъ, происходитъ отъ дивнаго событія въ XII вѣкѣ, внесеннаго въ отечественныя лѣтописи. Въ княженіе Романа Мстиславича 1169 года ополчилась на Великій Новгородъ вся *Просторусь*: Суздальцы и Смольяне съ Рязанцами, Торопчанами, Переславцами, Ростовцами, Муромцами и Полочанами. Тогда въ Новгородѣ Архіепископомъ былъ Св. Іоаннъ; въ часы молитвъ его о спасеніи паствы чудный гласъ повелѣлъ ему взять изъ церкви Спаса на Ильиной улицѣ образъ Богоматери и поставить его на острогѣ противъ супостатовъ. Святитель съ крестнымъ ходомъ вынесъ икону сію, какъ оборону, и поставилъ на внѣшнемъ укрѣпленіи, или острогѣ Новгорода. (1) Стрѣла, пущенная однимъ Суздальцемъ, ударила въ нее; икона обратилась тыломъ къ врагамъ, а лицомъ къ городу и, какъ свидѣтельствуеть лѣтопись, слезы капали съ нея на фелонь Архіепископа. Въ это самое мгновеніе Суздальцы предалися бѣгству, а по сказанію Новгородской лѣтописи, « ослѣпоша и побѣждени быша. » Новгородцы рубили ихъ мечами, брали въ плѣнъ и продавали Суздальца по двѣ ногаты. Битва Новгородцевъ со всею *Просторусью* была Февраля 25, по Супрасльской рукописи, Февраля 18. Въ память чудеснаго заступленія Богоматери Новгородцы св. икону ея наименовали *Знаменіемъ* и въ честь ея, 27 Ноября, установи-

(1) Псковская Лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837, въ 4. « Новгородцы — устроиша острогъ около города. Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. т. III. Новгородск. Лѣт. I. и III.

ли праздникъ, который потомъ сдѣлался общимъ въ отечественной Церкви.

Въ 1354 году Новгородцы поставили на Ильинѣ улицѣ каменную церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, куда и перенесена была чудотворная икона изъ Спасопреображенской церкви. (2) Когда же св. икона въ Новгородѣ «отъ многъ лѣтъ,» какъ сообщаетъ намъ лѣтопись, «обветшала зѣло:» тогда Архіепископъ Макарій ее «поновилъ и украсилъ кузнею и монистами; потомъ 1528 г. Октября 30, съ крестнымъ ходомъ «проводилъ ее на Ильину улицу въ возобновленную и освященную имъ «церковь въ честь Знаменія Богородицы.» По опредѣленію Московскаго собора, въ 1547 году, установлено праздновать Св. Іоанну Архіепископу Новгородскому Чудотворцу Сентября 7; въ службѣ сему Святителю между прочимъ упоминается и чудо отъ иконы Богоматери: «по истиннѣ великимъ даромъ отъ Бога почтенъ бысть, Святителю Іоанне, яко сподобился послужити чудеси Святѣй Богородицы предивному Знаменію.» (3) Весьма вѣроятно, что съ того времени, когда Святитель Макарій изъ Новгорода переведенъ былъ въ Москву на Іераршескій престолъ, распространились списки съ Новгородской иконы въ Московскомъ государствѣ и сооружены многія церкви въ честь сего явленія Богоматери; отъ образа ея, донинѣ стоящаго на Троицкихъ воротахъ Кремля, въ XVII вѣкѣ онѣ назывались *Знаменскими* и улица, идущая отъ Боровицкихъ воротъ въ Бѣломъ городѣ, и рѣшетка на Стрѣлкахъ именовалась еще въ концѣ XVI вѣка *Знаменскою* отъ церкви Знаменія, вновь сооруженной Бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ противъ его двора (4).

Въ Китаѣ городѣ, на Варваркѣ, у двора бояръ Романовыхъ стояла церковь Знаменія Богородицы; тамъ въ 1630 году Царь Михаилъ Феодоровичъ основалъ Знаменскій монастырь, *что на Государевъ старомъ дворѣ.* Надъ гробами Романовыхъ, четырехъ братьевъ Патріарха Филарета, пострадавшихъ отъ Бориса Годунова, сооружена была потомками ихъ въ Новоспасскомъ монастырѣ церковь Знаменія Богородицы. Изъ сего и другихъ случаевъ видно, что царственный родъ Романовыхъ признавалъ сіе явленіе Богоматери своею заступницей и покровительницей.

(2) Супрасльская рукопись, изд. К. М. А. Оболенскимъ. М. 1836, въ 4.

(3) Послѣдованіе церковнаго пѣнія, или собранія вселѣтнаго. Рукоп. уставн. XVI вѣка, въ 4.

(4) По Патріаршему Казен. Приказу приходная книга 7150 г. (1642), N. 27 (315). «Церковь Знаменія П. Б. что у воротъ Боярина Ивана Никитича Романова.»

Подобное изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ персяхъ встрѣчается на монетахъ Византійскихъ Императоровъ Іоанна Цимисхія, Василя и Константина Порфиророднаго, въ X вѣкѣ, Михаила Дуки въ XI вѣкѣ. (5) Ликъ Богоматери поясной; руки не распростертыя въ моленіи, а прижатыя къ персямъ, какъ на иконѣ Новгородской и на одномъ экземплярѣ Черниговской гривны. Но на печатяхъ Владыкъ Великаго Новгорода, въ началѣ XIV вѣка, Пресвятая Дѣва изображена во весь ростъ съ младенцемъ въ персяхъ ея и съ распростертыми руками въ моленіи. Изъ сего видно, что икона Знаменія Богоматери, перешедшая на Русь изъ Византіи, въ Новгородѣ написана съ нѣкоторыми отмѣнами; но сущность и характеръ первообраза удержались въ сочиненіи рисунка: символъ вѣчности и подобіе неприступнаго свѣта Божества выражены кругомъ, въ коемъ вмѣщается Ликъ Предвѣчнаго Младенца. Какъ прижатыя къ персямъ руки Богоматери знаменуютъ ея высокое смиреніе, на которое призрѣлъ Вышній, такъ простертыя въ моленіи — предстательство ея о всемъ Христіанскомъ жительствоу и о благоденствіи Новгорода; ибо, по свидѣтельству лѣтописи «и до сего дни та Св. Богородицына икона чудодѣйствуетъ и цѣльбы даруетъ.» (6) На челѣ и персяхъ Богоматери три звѣзды, о коихъ мы прежде сказали. Замѣчательно, что *благословляющая* рука Спасителя сложена согласно съ ученіемъ Православной Восточной Церкви; въ другой рукѣ у него свитокъ. Въ вѣнцѣ вокругъ главы, раздѣленномъ крестообразно чертами, извѣстное слово ѠОН сый, а по сторонамъ Іѣ Хр̄.

Вокругъ св. иконы изображено въ лицахъ самое чудо, или дѣянье. Это изображеніе замѣчательно сколько въ историческомъ, столько и въ археологическомъ отношеніи; ибо оно, напоминая намъ явленіе св. иконы, предшествовавшее возстанію союзныхъ Русскихъ Князей на самосудный Великій Новгородъ, представляетъ памятники древняго зодчества въ Новгородѣ: церкви, звонницу, зданія и укрѣпленія города, потомъ облаченія Святителя и священнослужителей, одежду горожанъ, доспѣхи воиновъ Суздальскихъ и Новгородскихъ: брони съ короткими рукавами и съ набедренниками, желѣзные шишаки съ бармицами, сердцеобразные щиты, стяги, знамена, копы и стрѣлы. На Князьяхъ, воеводахъ и послахъ шапки. Надписи надъ дѣянїями дополняютъ то, чего не могла выразить кисть.

(5) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par de Saulcy, Metz, 1836, in-4.

(6) III Новгородская Лѣтопись въ Полномъ Собраніи Русск. Лѣтописей т. III.

Спишемъ ихъ:

« 6675 лето сотворися знаменіе в Великомъ Новегороде от той иконы Пресвятыя Богородицы иже на Ильине улицы; сице живущимъ Новгородцемъ своею областію, якоже ими Богъ поручи, Князя держаху себе по своея воли, в тоже время Двиняне не хотяху дани дати Новугороду и от-даша Князю Андрею Суздальскому. Новгородцы же послаша на Двину данника и снимъ отъ ѣ-ти концевъ по сту мужей. Послыша Князь Суздальскій, посла войны, числомъ ꙗкоже сотъ и сретоша на Бели озери и начаша битися и поможе Богъ Новгородцемъ и побиша мужей, ини побегоша и тако Князь Андрей разгнева и начаша копити воинство, самъ же разболеся и посла сына своего Романа къ Новугороду. »

« Приде Князь Романъ Суздальскій со множествомъ воинства к Великому Новугороду и испустиша стрелы. »

« Послы Новгородки. Послы Суздальски. »

« И молитвами Пресвятыя Богородицы окаянны ослепоша и потомъ сами себѣ начаша посекати. »

Софійскій временникъ и Супрасльская лѣтопись, обвиняя Новгородцевъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія къ Князьямъ, говорятъ только, что «они наказаны за грѣхи рукою Благовѣрнаго Князя Андрея и спасены силою крестною и милостію Богородицы, » которой иконы предъ нашествіемъ Суздальцевъ всплакали въ трехъ церквахъ Новгородскихъ; чудо же описано Степенною книгой и Прологомъ согласно съ словами надписи. Здѣсь сказано о пришествіи на Великій Новгородъ Суздальскаго Князя Романа, который въ Софійскомъ временникѣ, называется Мстиславомъ, а Смоленскій Князь Романомъ. Псковская лѣтопись подтверждаетъ свидѣтельство надписи объ ослѣпленіи Суздальцевъ, о чемъ другія умалчиваютъ.

Подъ образомъ на дскѣ представленъ Новгородъ, осажденный Суздальскимъ и другими Князьями Русскими, въ 1169 или 1170 г. Объ этомъ памятникѣ ничего не говорятъ ни М. Евгеній, ни Н. Муравьевъ, обозрѣвавшіе древности Новгорода и сравнивавшіе прежнее его положеніе съ настоящимъ (7). Вельтманъ первый сообщилъ намъ свѣдѣніе и снимокъ съ этого вида, который, судя по обычному, преимущественно въ XVI вѣкѣ, перспективному (au vol d'oiseau) изображенію городовъ, а равно и по иконописному

(7) Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода, М. 1808, и Описаніе древней Новгородской серебряной гривны съ планомъ 1756, М. 1826, въ 4.

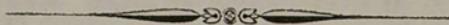
стилю, относится, какъ должно полагать, къ тому времени, когда Архіепископъ Макарій, ревнитель живописнаго искусства, при поновленіи иконы, желалъ увѣковѣчить и совершенное ею чудо въ Новгородѣ олицетвореніемъ его на доскѣ, которая замѣняетъ пелену. Это изображеніе представляетъ намъ на третьемъ и четвертомъ планѣ городъ, раздѣленный Волховомъ на двѣ стороны, Софійскую и Торговую, а на первомъ и второмъ планѣ союзную Русскую рать, осаждающую городъ съ Торговой стороны и битву ея воиновъ съ Новгородскими.

Тройныя стѣны, какъ три пояса Торговой стороны, составляютъ три крѣпости — подобіе Московскаго Кремля, Китая и Бѣлаго города. Эти стѣны и острогъ, тогда устроенный Новгородцами, деревянные съ лучными боями и осадными стоками; башни круглыя и четверугольныя съ шатровыми кровлями, однѣ глухія, другія воротныя съ рѣшетками; кругомъ стѣнъ валъ и ровъ. Торговая сторона соединяется съ Софійскою великимъ мостомъ черезъ Волховъ. Въ стѣнахъ, или въ *заборолѣ*, съ 19 башнями, представляется множество зданій: церквей, монастырей, хоромъ съ вышками, избъ и теремовъ, между коими пестрѣютъ огороды и сады. Это уже великій городъ, распространенный Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

Предъ стѣнами Торговой стороны, осаждающая Новгородъ рать, конная и пѣшая; позади ея поле битвы, гдѣ одни сражаются, другіе грабятъ убитыхъ; одинъ изъ всадниковъ стрѣляетъ изъ лука въ св. икону, на стѣнѣ городской, водруженную на древкѣ. Изъ наступательныхъ оружій у воиновъ видны копья, луки, мечи, бердыши, или сѣкиры; изъ оборонительныхъ щиты, байданы, шлемы съ яловцами, наручи и наколѣнники. Вмѣсто сѣдла и чапрака, на лошадяхъ попона съ выпусками; ноги у всадниковъ въ стремянахъ. На битву вызываютъ сурны, въ кои трубятъ воины. Отдѣльные отряды всадниковъ имѣютъ хоругви, стяги или знамена, и прапоры, то съ четвероконечными, то съ осмиконечными крестами. На стѣнахъ городскихъ, кромѣ духовенства съ св. иконами и крестами, не видно воиновъ; но съ лѣвой стороны изъ воротъ выступаетъ рать Новгородская. При сравненіи этого вида Новгородскаго съ дѣяньемъ, открывается разница въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ, напр: церкви и зданія городскія не одинаковы на томъ и другомъ: въ первомъ на персяхъ (зубцахъ) стѣны видны только священнослужители съ двумя образами, а на другомъ — воины;

вооруженіе воиновъ на томъ и другомъ несходно: одни въ шишакахъ съ бармицами, другіе въ шлемахъ съ яловцами и т. д. Изъ чего слѣдуетъ, что чертежъ Новгорода и дѣянья писаны не въ одно время; послѣднія, по видимому, древнѣе перваго.

Если этотъ планъ Новгорода снять и не съ древнѣйшаго, современнаго самому событію; но изображень, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ явленія св. иконы: и тогда онъ, по содержанію своему, какъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, достоинъ вниманія; ибо, напоминая чудесное избавленіе Новгорода, возсоздаетъ намъ древній его бытъ и въ тоже время сообщаетъ свѣдѣніе о вооруженіи воинства и осадѣ городовъ. Можетъ быть, въ изображеніи этой осады намъ представляется ближайшій къ художнику приступъ къ Великому Новгороду Іоанна IV.

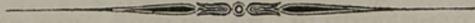


СТѢННОЙ ОБРАЗЪ СПАСА СМОЛЕНСКАГО.

(Рисунокъ Омд. I. № 14.)

Образъ Спасителя, написанный по сырой штукатуркѣ, на городской стѣнѣ Смоленска, вообще извѣстенъ подъ именемъ *Спаса Смоленскаго*, въ честь котораго, по присоединеніи Смоленска къ Московскому Государству 1667 года, сооружена въ Москвѣ у Москворѣцкихъ воротъ церковь Спаса Смоленскаго, упраздненная въ концѣ XVIII столѣтія. Намъ неизвѣстно, тогда ли написанъ сей образъ, когда Цари Θεодоръ Иоанновичъ и Борисъ Годуновъ построили каменные стѣны Смоленска, вмѣсто земляныхъ валовъ, или когда Царь Алексій Михайловичъ завоевалъ это *ожерелье Россіи*. Въ числѣ воротъ крѣпости находились и Флоровскія, названныя, безъ сомнѣнія, въ подражаніе соименнымъ въ Московскомъ Кремлѣ, которыя въ 1658 году, по Царскому указу, переименованы Спасскими. Какъ на Московскихъ Спасскихъ воротахъ, такъ и на стѣнѣ Смоленска одинаково изображеніе Спасителя, кромѣ того, что на послѣднемъ къ припадшимъ въ моленіи святымъ Сергію и Варлааму присоединены предстоящіе два Святые, одинъ въ монашеской одеждѣ, а другой въ воинскихъ доспѣхахъ съ крестомъ въ рукѣ. Въ надписяхъ имена ихъ изгладились. Но, вѣроятно, это особенно чтимые Смольянами отечественные ихъ Святые: преподобный Аврамій и мученикъ Меркурій. Фигура Спасителя болѣе восьми головъ; на лицѣ его художникъ не безъ успѣха старался выразить спокойное величіе и святолюбность; одна рука благословляющая, а другая, дер-

жащая раскрытое Евангеліе. Доличное замѣчательно своею отдѣлкой; хитонъ красноватаго цвѣта, а зеленая иматисма, обвивая тѣло Спасителя, однимъ концемъ лежитъ на рукѣ его, а другимъ спущена долу. Вообще рисунокъ твердъ и отчетливъ, а раскраска отличается легкостью и плавкостію. Мѣстами образъ подновленъ.



ОБРАЗЪ

СВЯТЫХЪ МАКАРІЕВЪ ЕГИПЕТСКАГО И АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

(Рисунокъ Отд. I. № 15.)

Образъ Святыхъ Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго, по успѣянію ихъ въ преподобіи истины, названныхъ *Преподобными*, замѣчательнъ древностью и особенностью своего пошиба, или стиля. Наслѣдственное преданіе выдаетъ сію икону за произведеніе кисти знаменитаго въ свое время Андрея Рублева; теперь она принадлежитъ Московскому мѣщанину Данилѣ Андрееву.

Рисунокъ и колоритъ, или лучше сказать, раскраска сходны съ Византійскими первообразами и отчасти съ подлинниками разныхъ редакцій, (1) изъ коихъ въ Поморскомъ такъ описываются примѣты сихъ Египетскихъ пустынниковъ IV вѣка: «подобіемъ сѣдъ, брада долъ Богословя, в клубкѣ, или въ патрахили, въ шуйей руцѣ свитокъ. Макарій Египтянинъ пресвитеръ бысть Александрійскій, сѣдъ, брада долъ Іоанна Богослова, въ клубкѣ, ризы преподобничи, исподъ дичь санкиръ, въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правая проста. Макарій Александрійскій образъ имѣя на крутехъ, космы рѣдки, точію на устнахъ имѣя къ концу о брадѣ, кожен его яко слонова подобитися отъ студени и зноя. А подлинникъ пишетъ о немъ: сѣдъ, весь нагъ, обросъ власы, власы главныя до плечъ, косами лежатъ по плечамъ, брада долга по колѣни, а отъ колѣнъ, два косма повились до земля, руки держитъ къ сердцу.»

Руководствуясь такими подлинниками, которые заимствованы отъ Грековъ

(1) Griechisches Mahlerbuch въ Kunstblatt, 1831 и 32 г.

и дополнялись Русскими статьями, иконописцы наши писали образа; между отечественными зоографами въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка славился Андрей Рублевъ. Стоглавъ, признавъ иконы Рублева образцовыми, указываетъ зоографамъ: « Писати живописцомъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ Греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіи пресловутыи живописцы. » У него были ученики и подражатели. Отъ сего многіе образа, писанные въ подражаніе ему, слывутъ Рублевыми и высоко цѣнятся любителями древностей.

Предшественниками Рублева на поприщѣ иконописнаго искусства были Первосвятитель Московскій Петръ, Гойтанъ и многіе другіе, а современниками и сотрудниками Теофанъ Гречинъ, Симеонъ Черный, старецъ Прохоръ съ Городца, Игнатій, Кнашъ и Даніилъ Черный. Рублевъ занимался не только иконнымъ, но и стѣннымъ письмомъ. Въ 1405 году онъ расписывалъ церковь Благовѣщенія на Государевомъ дворѣ, въ 1408 г. Успенскій Соборъ во Владимирѣ, Троицкій Соборъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ 1423 г.; но фрески сіи не сохранились до нашихъ временъ. На одной изъ миниатюръ рукописнаго житія Препод. Сергія, хранящагося въ Троицкой Лаврѣ, видѣнъ Рублевъ, пишущій икону. Степенная книга упоминаетъ о чудной иконѣ Деисусъ Рублева письма въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, сгорѣвшей 1547 года. Какъ въ Троицкой лаврѣ, такъ и въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ нѣкоторыя иконы слывутъ Рублевыми. На присвоиваемыхъ сему зоографу иконахъ нѣтъ современныхъ ему надписей, но позднѣйшія, основанныя на изуственномъ преданіи. Къ этому числу относится и описываемая нами древняя икона двухъ св. Макаріевъ.

Андрей Рублевъ, предъ кончиною своей облекшійся въ монашескій образъ съ сотрудникомъ и спостникомъ Даніиломъ, погребенъ въ той самой церкви Андроникова монастыря, которую онъ расписывалъ. Старинныя рукописныя Святцы именуютъ ихъ *Преподобными отцами и славными иконописцами*. Званіе и родина Рублева неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ Псковичъ; а какъ это храмовое искусство считалось почетнымъ и художники на равнѣ съ царскимъ синклитомъ и прочими благородными пользовались уваженіемъ, (1) то, можетъ статься, и Рублевъ былъ боярскимъ сыномъ; ибо въ числѣ пословъ изъ Пскова къ Іоанну III, 1486 года

(1) Акты Археогр. Египед. IV. N. 174.

былъ бояринъ Андрей Семеновичъ Рублевъ. (2) Кромѣ того, Москва заимствовала изъ Пскова здѣхъ, строившихъ Соборы: Благовѣщенскій въ Москвѣ и Троицкій въ Сергіевской обители. Рублевъ украсилъ сіи зданія стѣнописью.

Какъ изъ этого образа, такъ равно изъ другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рублевыхъ, можно судить о рисункѣ и раскраскѣ въ школѣ его, запечатлѣнной характеромъ Византійскаго и Корсунскаго стиля. При своей не-правильности, сильный и твердый его рисунокъ высказывается въ рѣдкихъ чертахъ; колоритъ же вообще единообразенъ и мраченъ, но плавокъ и плотенъ: тотъ и другой строго подчинены идеѣ. Отчетливость, тонкость и чистота отдѣлки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и ловкости приемовъ, а точное согласованіе изображаемыхъ лицъ съ преданіями православной Церкви, обнаруживаетъ въ художникѣ основательное знаніе ея ученія и древностей. «Св. Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что А. Рублевъ такъ «преуспѣлъ въ божественной любви, что умъ его всегда обращенъ былъ къ небесному и отъ видимаго изображенія Христа Владыки и Его Пречистой Матери возводилъ умъ свой къ небесному.»

(2) Псковская лѣтоп. 168.

ОБРАЗЪ СВИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 16.)

Икона Свирской Богоматери находится въ Смоленской церкви св. Архангела Михаила, основанной Смоленскимъ Княземъ Давидомъ Ростиславичемъ около 1196 года. Свирскою она называется, какъ полагають, отъ бывшаго тамъ придѣльнаго храма во имя св. Александра Свирскаго, (1) Новгородскаго игумена, которому установлено праздновать соборомъ 1547 года; придѣль въ честь его устроенъ въ Смоленскѣ, вѣроятно, гораздо позднѣе. Еслибъ намъ извѣстно было, какое отношеніе имѣла эта икона къ роду Князей Свирскихъ, нѣкогда знаменитыхъ въ Бѣлоруссіи: тогда мы могли бы съ большою достовѣрностію приписать ее потомкамъ Довмонта. Впрочемъ сего имени иконы нѣтъ въ описаніи явленій чудотворныхъ иконъ Богоматери. М. 1838.

Кромѣ величины своего размѣра и стиля иконописнаго, этотъ образъ любопытенъ по криптографической надписи на краяхъ одежды Богоматери. Подобныя письма, достойныя изслѣдованія, находятся и на другихъ иконахъ и между прочимъ на образѣ Іерусалимской Богоматери, по древнему преданію, писанномъ св. Апостолами въ 15 лѣто, по вознесеніи Спасителя, въ Гевсиманіи. Точный противень съ него хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(1) Чтеніе въ И. О. П. и Д. Р. 1846 г. N. 2.

(2) Памятники Московс. Древности, II. Сигирова.

ОБРАЗЪ ДОНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 17, 18, 19.)

Мѣстный образъ Донскія Богоматери въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ достопамятенъ не одною древностью письма, но и знаменитъ въ отечественной Исторіи воспоминаніями и чудесами.

Вышиною онъ 1 аршинъ и 3 съ $\frac{1}{2}$ вершка, шириной 15 вершковъ. На одной сторонѣ его изображенъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, на другой—Успеніе Пречистыя Дѣвы. Изъ сего можно заключить, что эта икона, утвержденная на древкѣ, была или запрестольною, или служила воинскою хоругвию.

Такъ какъ обратная сторона иконы закрыта, то мы осмотримъ только главную, открытую. Образъ Богоматери писанъ подъ вліяніемъ Византійскаго стиля; рисунокъ, ограниченный рѣдкими чертами, строгъ, отчетливъ и вѣренъ преданію; колоритъ отъ преобладанія санкира темный, но плавкій; въ лицахъ замѣтна отживка, или блики на высокихъ мѣстахъ, а въ доличномъ подводы подъ краску и гвенты. Разительную противоположность въ стилѣ составляютъ написанныя вокругъ образа на дскахъ, миниатюрно, поясненныя изображенія осьмнадцати праматерей съ соответствующими имъ изреченіями изъ Св. Писанія: Евы, Сарры, Ревекки, Ліи, Рахили, Раввы, Девворы, Іаили, Анны, Руѳи, Есфири, Іудины, Ависанны, Суматянины, Сусанны, Тареотанины, Авигеи, Маріамны. Такія произведенія Фламандской школы относятся къ началу XVIII вѣка, когда западный стиль вошелъ

въ употребленіе на Москвѣ и нерѣдко замѣнялъ Византійскій, усвоенный себѣ Православною Церковію и освященный многовѣковою давностью.

Благоговѣніе Русскихъ Государей къ этому чудотворному образу издревле украшало его разными драгоценностями, которыя сдѣлались добычею Поляковъ, при нашествіи ихъ на Москву въ началѣ XVII вѣка; потомъ онъ вновь облеченъ былъ въ прежнюю лѣпоту усердіемъ Царственного Дома Романовыхъ. Изъ переписныхъ Благовѣщенскаго собора книгъ 1680 и 81 годовъ видно, что икона Донскія Богоматери украшена была золотымъ окладомъ съ золотыми на немъ плащами, на которыхъ наведены чернью двѣнадцать господскихъ праздниковъ; сверхъ того, на ней были: жемчужное ожерелье, древніе золотые кресты, панагіи, серьги и цаты, вѣроятно, приклады царскіе, отобранные въ Святѣйшій Синодъ по указу Петра I, 1722 года, Апрѣля 20. Она стояла тогда въ затворномъ кіотѣ у Царскихъ дверей. По описи 1792 года, золотой окладъ на ней вѣсилъ 26 фунтовъ; одного жемчугу было 2 ф. 75 золот. Въ 1812 году похищены неприятелями золотая риза и большая часть драгоценностей иконы; но уцѣлѣла отъ нихъ на поляхъ ея золотая рама въ 12 фун., которую они почли за мѣдную. Слѣды неудачнаго испытанія металла видны еще на этой рамѣ. Прежняя риза замѣнена теперь новою съ вѣнцемъ, убраннымъ изумрудами, алмазами и розами.

Наименованіе иконы Богородичной *Донскою* производится преданіемъ отъ того, что Донцы поднесли ее Великому Князю Дмитрію Донскому, когда онъ шелъ ратью на Мамаю; она была его спутницею на Куликовской битвѣ. Донской, послѣ побѣды своей, поставилъ въ Коломенскомъ Успенскомъ соборѣ этотъ образъ, предъ которымъ Царь Іоаннъ Васильевичъ тамъ молился во время похода своего на Казань. Вѣроятно, не прежде, какъ по завоеваніи Царства Казанскаго, сія заветная святыня перенесена въ Благовѣщенскій соборъ, вновь сооруженный 1483 г. и обгорѣвшій снаружи и внутри 1547 года. Предъ нею Іовъ Патріархъ нарекъ на царство Бориса Годунова. При нашествіи на Москву Крымскаго Хана Казы-Гирея она стояла въ обозѣ на Воробьевомъ полѣ, гдѣ, въ память побѣды, приписанной ходатайству Богоматери, основанъ былъ Донскій монастырь, и учрежденъ 19 Августа крестный ходъ, въ коемъ прежде носили икону Донскія Богоматери изъ Благовѣщенскаго собора въ Донскій монастырь. Точный съ нея списокъ оставленъ въ монастырѣ, а подлинникъ въ ряду мѣстныхъ образовъ Царскаго храма.

ОБРАЗЪ ПОЛОЖЕНІЯ РИЗЫ ГОСПОДНЕЙ.

(Рисункъ Омд. I. № 20.)

Сходный по стилю своему съ Каппоніевыми святцами и съ иконами, писанными въ XVII вѣкѣ обществомъ Строгановскихъ зоографовъ, этотъ образъ достопримѣчательнъ и по своему содержанію.

Персидскій Шахъ-Аббасъ, въ удостовѣреніе дружественнаго расположенія своего къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, прислалъ къ нему между прочими дарами съ Грузиномъ Урусамбекомъ, 1625 года, Марта 11, часть ризы Господней въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями. Въ грамотѣ своей Шахъ извѣщалъ, что, по завоеваніи Грузіи, святыню сію нашелъ въ Митрополичьей ризницѣ.

Хотя Патріархъ Филаретъ и принялъ съ радостію это священное сокровище; но какъ оно шло отъ невѣрнаго царя, то и совѣщался съ державнымъ своимъ сыномъ о томъ, можно ли слово невѣрныхъ принять безъ истиннаго свидѣтельства. Потомъ Филаретъ съ освященнымъ соборомъ приступилъ къ освидѣтельствуванію. Въ ковчегѣ найдена, какъ значитъ въ окружной грамотѣ, « часть ризы въ длину и поперегъ пяди, полотняна, кабы красновата, походила на мѣли, или будетъ въ давныхъ лѣтѣхъ лице измѣнила, « а ткана во льну. » (1) Въ Москвѣ тогда пребывали Іерусалимскій Патріархъ Ѳеофанъ, поставившій Филарета въ Патріархи, а съ нимъ Греческіе старцы Нектарій и Іоанникій: Московскій Первосвятитель и об-

(1) Акты Археограф. Экспедиціи, III, N. 168.

ратился къ нимъ съ вопросами о ризѣ Господней. Нектарій отвѣчалъ, что онъ видѣлъ самъ эту святыню въ Грузіи въ церкви, называемой Илета и отъ тамошняго духовенства слышалъ, что она нѣкогда принесена туда воинъ, бывшимъ въ Иерусалимѣ при распятіи І. Христа, и ознаменована многими чудесами. Слова Нектарія подтвердилъ Іоанникій, и другіе жители Востока удостовѣрили въ истинѣ преданія Палестинскихъ и Греческихъ христіанъ о ризѣ Господней. На человѣческомъ свидѣтельствѣ, сколь бы оно ни казалось достовѣрнымъ, не остановился разсудительный Филаретъ; но употребилъ духовное средство. По совѣщаніи его съ Архіереями и духовными властями, установленъ былъ семидневный постъ и молебствіе, а для узнанія воли Божіей и для открытія истины, повелѣно возлагать сію святыню на больныхъ и недужныхъ. Многія чудеса оправдали подлинность святыни и вѣру принявшихъ ее.

Послѣ того, риза Господня торжественно положена въ большомъ Успенскомъ Соборѣ и установленъ ежегодный праздникъ Положенія ризы Господней, который и донинѣ совершается 10 Іюля. Для храненія святыни устроенъ Патріархомъ 7133 г. Сентября 30, величественный мѣдный шатеръ, занимающій мѣсто близъ Филаретовой гробницы въ югозападномъ углу Собора.

На образѣ, по видимому, современномъ событію, во внутренности этого шатра видѣнъ Царь съ тремя Святителями, предстоящій въ моленіи престолу, на коемъ положена честная и многоцѣлебная риза Господня. Шатеръ окруженъ духовными властями, иноками, боярами и народомъ. На первомъ планѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ, бывший тогда 20 лѣтъ, изображенъ безбрадымъ, во всей царской утвари; по другую сторону Патріархъ, вѣроятно, Иерусалимскій, а позади его Московскій Патріархъ и Архіерей въ митрахъ. Пятиглавый соборъ, гдѣ происходитъ все это дѣйствіе, представленъ въ разрѣзѣ.

Въ разстановкѣ или сочиненіи лицъ замѣтна симметрія, такъ что на первомъ планѣ фигуры ярче и рельефнѣе; но, по недостатку знанія въ перспективѣ, лица у него на второмъ и третьемъ планѣ одинакой величины, какъ и на первомъ. Впрочемъ въ нихъ нѣтъ того единообразія, какое находимъ на многихъ старинныхъ иконахъ; ибо повороты головъ и лица разнообразны. Для отечественной Археологіи важно доличное, или костюмы духовныхъ властей, черноризцевъ, мірянъ разныхъ сословій — мужчинъ и

женщинъ. Въ цѣломъ и частяхъ строго соблюдено приличіе, такъ что, если въ этомъ изображеніи нѣтъ изящества, за то нѣтъ и уродливости.

Колоритъ, если только колоритомъ можно назвать раскраску, отличается твердостью, яркостью, костоватостью на высокихъ мѣстахъ и плавкостію, которымъ по справедливости удивляются иностранные художники въ Капониановыхъ Святцахъ, гдѣ встрѣчаемъ имена царскихъ иконописцевъ въ Москвѣ XVII вѣка.

На серебряной дощечкѣ верхняго поля образа читаемъ слѣдующую надпись: Положеніе честныя и славныя и многоцѣлбныя ризы Господа Бога и Спаса нашего Іиса Хрѣта, еже есть хітонъ, къ славнемъ пренменитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя зоографа, который написалъ этотъ образъ, достопамятнѣй въ историческомъ, археологическомъ и художественномъ отношеніи; но, по сличенію его съ произведеніями Царскихъ и Патриаршихъ иконописцевъ, составлявшихъ при дворахъ Государя и Святителя родъ Академіи художествъ, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ произведеніе ихъ кисти.

Списокъ съ этой иконы, большаго размѣра, находится въ числѣ мѣстныхъ образовъ Успенскаго Собора Троицко-Сергіевой лауры.

БАРЕЛЬЕФЪ,

ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ОБРАЗА СВ. ГЕОРГІЯ,

(Рисунокъ Омд. 1. № 21.)

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ надъ гробницею Святителя Феофота находится барельефъ, извѣстный подъ названіемъ образа св. Великомуч. Георгія; онъ состоитъ изъ каменной плиты, имѣющей видъ усѣченнаго эллипсиса, шириною 13 вершковъ и $\frac{2}{4}$, толщиною $\frac{6}{8}$, а вышиною 1 аршинъ и $4\frac{1}{2}$ вершка.

Плита вставлена въ деревянныя рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы.

Барельефъ представляетъ намъ группу, состоящую изъ всадника, дѣвы и крылатаго дракона; надъ главою всадника лавровое дерево, при подножіи на землѣ, кости человѣческія между цвѣтами и листьями. На вершинѣ дерева досчечка съ слѣдующею надписью: (1) IMP. CAES. CONSTANTINO MAXIMO P. P. AVGVSTO S. P. Q. R. QVOD INSTINCTV DIVINITATIS, MENTIS MAGNITVDINE CVM EXERCITV SVO TAM DE TIRANNO, QVAM DE OMNI FACTIONE VNO TENORE (2) IUSTIS REMPVBLICAM VLTVS (3) EST ARMIS, ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM DICAVIT, т. е. Императору, Цесарю Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенатъ и народъ Римскій посвятили сіи триумфальныя

(1) см. ee въ *Graevii Antiqq. Roman. t. III*

(2) У Августина Тарр. Нибби и Гревія: tempore.

(3) У Гревія нѣтъ сл. rempublicam; у Пронти multus est, вѣроятно, сокращенно, вмѣсто multatus est.

врата за то, что онъ, по внушенію божества и по своему веледушію, освободилъ Государство праведнымъ оружіемъ отъ тирана и его скопища.» Этой надписи въ старинномъ русскомъ переводѣ данъ такой смыслъ, какъ значится въ Октоихѣ Устюжской Георгіевской церкви: » на той же св. иконѣ вверху есть надпись Греческимъ языкомъ, а по переводу съ Греческаго языка бывшаго на Устюгѣ въ лѣто 7151 воеводы Петра Степановича Потоцкаго, на Россійстемъ написано тако: « Великій Царь Константинъ Греческій, молясь Великомученику и побѣдоносцу Георгію за побѣду на враги вся, султаны и сармяны и въ вѣчную память, въ болъшей церкви постави отъ воплощенія Господа нашего Иисуса Христа въ 333 году.» (4)

Въ описаніи Успенскаго Собора Протоіереемъ А. Левшинымъ 1783 г. сказано, что « сей образъ привезенъ изъ Рима, въ которое жъ время и кѣмъ, того не значится.» Къ этому послѣ того другіе гадательно прибавили: « Софіею Ооминичною.» Но изображенные на рамахъ Великоустюжскіе святые Іоаннъ и Прокопій (изъ которыхъ послѣдній былъ Нѣмецъ) и повѣсть, внесенная въ Октоихъ Устюжской церкви св. Великомученика Георгія, свидѣтельствуютъ намъ, что это изваяніе принесено въ Москву изъ Великаго Устюга.

« Въ этой церкви,» говоритъ Устюжское сказаніе, « стоявшій мѣстный многоцѣлебный образъ Великомученика Георгія, вырѣзанъ на трехъ камняхъ, драгимъ мастерствомъ, точно рѣзь не сквозная, и чудесь ради, бываемыхъ отъ тоя св. иконы, по указу Царя Алексія Михайловича, взята бысть съ великою честію изъ града Устюга въ богоспасаемый градъ Москву во св. Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресв. Богородицы и поставлена бысть въ той же соборной церкви, въ придѣлѣ Святителя Петра.»

Въ Уставѣ Патріаршемъ для Успенскаго собора (5), значится, что въ 1721 году, Декабря 20, « по словесному приказу Синодальныхъ Архіереевъ Новгородскаго Θεодосія и Псковскаго Θεофана, образъ Георгія Великомученика, что стоялъ на гробѣ Митрополита Θεогноста, спрятанъ въ ризницу.» Такое распоряженіе Синодальныхъ Членовъ, безъ сомнѣнія, сдѣлано, въ слѣдствіе указа Петра I, который повелѣвалъ: « рѣзныхъ иконъ и

(4) Москвитянинъ, 1842, N 12.

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2, ч. X, 119.

отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять.» (6) Но въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, этотъ барельефъ, изъ ризницы опять поставленный на прежнемъ мѣстѣ, былъ росписанъ красками, вѣроятно, для того, чтобы онъ подходилъ ближе къ иконѣ.

На первомъ планѣ барельефа всадникъ въ крылатомъ шлемѣ съ затыльникомъ и гребнемъ (*crista*), въ досчатой съ тыла и чешуйчатой (*squamosa*) съ лица бронѣ, изъ подъ коей простирается до колѣнъ узорчатый набедренникъ; на раменахъ его развѣвается приволока или хламида; колѣна его защищены наколѣнниками, а ноги обуты въ полусапожки съ острогами или шпорами, какія видны на подобной картинѣ Джіотто въ XIV в. Витязь сидитъ на сѣдлѣ съ стремями. На конѣ сбруя, украшенная крестовидными бляхами. Намъ представляется воинъ въ полныхъ доспѣхахъ; но изъ наступательныхъ оружій у него одно только копье, вонзенное обѣими руками въ отверстую пасть дракона, въ котораго рьяный конь ударяетъ передними ногами. Въ бронѣ видно смѣшеніе Грекоримскаго съ Франкскимъ; ибо остроги сдѣлались извѣстными со времени Константина Великаго, а стремяна съ перваго нашествія Франковъ. Ликъ юнаго ратоборца, еще безбрадаго, сходствуетъ съ изображеніями Константина Великаго на медаляхъ.

Вообще стиль рельефа, относится къ эпохѣ упадка искусствъ; ибо фигуры несоразмѣрны и грубы, въ движеніи ихъ видна вялость, въ драпировкѣ тяжесть, хотя въ сочиненіи группы замѣтно подражаніе классическимъ образцамъ цвѣтущаго вѣка. (7)

На второмъ планѣ фигура дѣвы, какъ будто послѣ приставленная къ группѣ, по видимому, произведеніе другаго рѣзца. Фигура эта слишкомъ сокращена, тяжела и неправильна; на лицѣ ея художникъ хотѣлъ изобразить ужасъ, который также выражается воздѣтыми къ небу руками. Одежда ея, доходящая почти до самыхъ пятъ, перепоясана по чресламъ; на шеѣ у ней ожерелье; длинные распущенные ея волосы перехвачены лентою.

Къ этой группѣ, вѣроятно, не безъ намѣренія, художникъ присоединилъ лавровое дерево, цвѣты и человѣческія кости, крестообразно лежащія; первое

(6) Ученныя Записки Моск. Универс. М. 1834. IV. N 6, ст. О стилѣ Византійскаго искусства. II. *Списирева*.

(7) Особенно рельефовъ и статуй Беллерофона и Химеры, Персея и Андромеды, Посейдона, прозваннаго *γεωργός*, кои, будучи далеки своимъ знаменованіемъ отъ нашего рельефа, близки къ нему своимъ сочиненіемъ или формою.

знаменуетъ побѣду, другія жизнь и смерть: что соотвѣтствуетъ и значенію самаго изображенія. Изъ всѣхъ подобныхъ атрибутовъ группы открывается подлинное ея значеніе. Разсмотримъ отношеніе ихъ къ лицамъ, времени и мѣсту.

Въ старыхъ описяхъ собора и въ Октоихѣ Устюжской церкви, этотъ барельефъ названъ *образомъ св. Георгія*.

Чудо, совершенное Великомученикомъ, долго спустя послѣ страдальческой его кончины, описано въ Макаріевской и Димитріевской Минеяхъ. Первая передаетъ намъ объ этомъ чудотвореніи слѣдующимъ образомъ: « Въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители давали на снѣдѣніе дѣтей своихъ; очередь дошла до Царской дочери. Св. Георгій явился ей при озерѣ и велѣлъ, обвязавъ поясомъ своимъ голову усмиренаго имъ змія, влечь его къ городу. Царевна исполнила это; и когда она притащила чудовище въ городъ, тамъ Св. Георгій отрубилъ ему мечемъ своимъ голову и такимъ образомъ обратилъ идолопоклонниковъ въ Христіанскую вѣру. »

Тоже происшествіе повторено въ Димитріевской Минеи. Но въ греческихъ Минеяхъ только упомянуто, что Св. Георгій являлся на конѣ для спасенія одного невольника. (8) Повѣсть же о спасеніи Св. Георгіемъ царевны отъ дракона встрѣчается и въ Западныхъ легендахъ, изъ коихъ Св. Димитрій Ростовскій почерпалъ свѣдѣнія для Четій-Миней, гдѣ сказано, что « и на изображеніяхъ различныхъ издревле, паче же описателями землѣ палестинскія достовѣрными составленныхъ, то чудо воспоминаемо видѣти есть. »

Подобныя Георгіеву чудотворенія приписываются Западными Четьями (легендами) и другимъ св. мужамъ, какъ-то: въ IV вѣкѣ, Сильвестру, Папѣ Римскому, освободившему Римъ отъ дракона, (9) св. Марцеллу, спасшему Парижъ отъ чудовищнаго змія, въ VII вѣкѣ, св. Роману, избавившему Руанъ отъ такого же дракона и т. д. (10) Наконецъ въ другихъ странахъ приписывается подобный подвигъ Св. Георгію. Такъ близъ Свенбурга въ Фіоніи преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ Св. Великомученикъ поразилъ дракона и гдѣ земля, облитая кровію чудовища, не раститъ травы. (11) О подоб-

(8) *Βίον ἁγίων, π. Μαξίμου ταπεινοῦ Ἐπισκόπου Κυθέρου*. Venet. 1785, in-4. *Μινάων τοῦ Ἀπολλίου*. Venet. 1777, in-f.

(9) Дѣянія церковныхъ и гражданскихъ отъ Р. X. до половины XV столѣтія, собр. *Георгіемъ Кедринимъ*, Москва, 1793, 2 т. въ 1.

(10) *Histoire de la ville de Rouen*, par. *Servin*, 1775, 2. v. t. II, p. 147.

(11) *Edda Saemundina*, t. II.

номъ событіи напоминаетъ въ Германіи Drachenfels, драконова гора. Къ востоку отъ города Бабадага, близъ озера Разельмъ, на горѣ видны древнія развалины, извѣстныя подъ именемъ *Свято-Георгіевскихъ*. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, здѣсь нѣкогда явился огромный змѣй или драконъ, опустошавшій окрестности и наводившій ужасъ на жителей. Св. Георгій сражался съ нимъ и убилъ его. (12) Макарьевская Минея указываетъ на чудо Св. Георгія въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ; Димитріева Минея близъ Сурофиникійскаго города Вірѣта. Хотя различны мѣста этого подвига и время его не опредѣлено; но только истина событія неоспоримо подтверждена разнообразными сказаніями на Западѣ и Востокѣ.

Когда Христіанство ознаменовало себя распространеніемъ сказаній о подвигахъ св. мучениковъ за вѣру, о чудесахъ отъ св. мощей и образовъ, особеннымъ къ нимъ благоговѣніемъ: тогда разнеслась во всемъ Христіанскомъ мірѣ повѣсть о чудесной побѣдѣ Св. Георгія надъ дракономъ; тогда имя его, прославленное чудесами, благоговѣнно чтимо было на Западѣ и Востокѣ, ликъ его изображался на иконахъ, знаменахъ, гербахъ, орденахъ, щитахъ, печатяхъ и монетахъ въ Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи, Генуѣ, Польшѣ, Россіи и Грузіи (Georgia). Чудесный подвигъ Великомученика сдѣлался любимымъ предметомъ художественныхъ изображеній въ разныхъ странахъ Христіанскаго міра.

Византійскій историкъ XV вѣка, Георгій Кодинъ свидѣтельствуешь, что въ Константинополѣ на праздникъ Рождества Христова, приносили съ прочими иконами въ палаты къ Императору образъ *Св. Георгія на конѣ съ дракономъ* (*τον ἀγιον Γεωργιον ἐφιπλον ἄλλο δρακόντεον*). (13) Подобныя изваянія древняго художества встрѣчаются намъ въ Крыму, на фонтанѣ противъ воротъ Генуезской крѣпости Солдая, (14) въ придѣльной церкви св. Михаила Малена въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, на южной стѣнѣ собора въ у. г. Дмитровѣ. Въ Староладожской церкви Св. Георгія древнѣйшій фрескъ на стѣнѣ представляетъ побѣдоносца на конѣ съ мечемъ въ рукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ головы, а дѣву, (15) влекущую дракона на поясѣ.

(12) Журналъ Минист. нар. проsv. 1837. Мартъ: Поѣздка въ Крымъ *Н. Мурзакевича*.

(13) *Georgius Codinus curopolata de officiis magnæ ecclesiæ et aulæ Constantinop. cura P. S. Goar, Paris. MDCXLVIII, f.*

(14) Журналъ Минист. нар. проsv. 1837, Мартъ.

(15) Которую Г. Оленинъ несправедливо называетъ Царицею Александрою, супругою Діоклетіана. *Литографическіе рисунки, къ Опыту о Словенахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. Спб. 1833, въ л.*

Описываемый нами барельефъ, любопытный, сколько въ художественномъ, а болѣе важный въ историческомъ отношеніи, по видимому, сходствуетъ съ изображеніемъ чуда Св. Георгія и потому выдается подъ его именемъ. Здѣсь представляется намъ побѣдоносецъ, драконъ имъ пораженный и освобожденная дѣва, какъ и на образахъ Великомученика, гдѣ нерѣдко пишется Царевна, влекущая на поясѣ своемъ змія, согласно съ Макаромъ великою Минеею. Но вокругъ главы св. ратоборца нѣтъ вѣнца, съ какимъ онъ изображается не только на иконахъ, но даже и на барельефахъ, какъ напр. Солдайскомъ; нѣтъ въ облакахъ благословляющаго Спасителя и парящихъ Ангеловъ съ вѣнцами, какъ на Дмитровскомъ и Царскомъ (16) барельефахъ; наконецъ не видно надписи его имени. Въмѣсто такихъ священныхъ атрибутовъ, на Московскомъ барельефѣ представляется вамъ лавровое дерево, какъ символъ побѣды, и на немъ латинская надпись, что « Сенатъ и народъ Римскій посвящаютъ триумфальныя врата Цесарю Константину, за побѣду его надъ тираномъ » т. е. Максенціемъ « въ 312 г. по Р. Х. » Прибытіе Константина въ Римъ было празднуемо играми, кои возобновлялись каждый годъ 29 Октября: IV. Kal. Nov. Adventus Divi CMXIII. Достопамятное это событіе измѣнило лице вселенной; водрузивъ крестъ Христовъ надъ престоломъ Цесарей, оно предшествовало крещенію Константина Великаго. (17) Максенція, этого поборника язычества и гонителя Христіанской вѣры, Евсевій въ посланіи своемъ къ Константину Великому называетъ *дракономъ*. Nunc vero, пишетъ сей историкъ, cum libertas restituta sit et *Draco* ille providentia quidem Dei Optimi Maximi submotus est. Попраніе дракона напоминаютъ слова псалмопѣвца: *поперши змія*. (18) Хотя, по свидѣтельству исторіи, дѣйствительно были чудовищные драконы, родъ удавовъ (*python neugosum*), производившіе опустошеніе въ разныхъ странахъ; но въ священной символикѣ драконъ знаменовалъ древняго врага первобытной Церкви, сатану, язычество и ересь. Изображеніемъ дракона украсили знамена своего воинства Траянъ и Авреліанъ, гонители Христі-

(16) См. Очерки, К. Тромошина.—Въ Устюжскомъ подлинникѣ конца XVI, или начала XVII вѣка, такъ изображается Св. Георгій — « стоитъ въ броняхъ, приволока червчата, dospѣхъ златъ клѣтчаты, исподъ лазоревъ, ногавки багоръ, въ правой рукѣ копіе, въ лѣвой щитъ, у лѣваго плеча мечъ въ ножнахъ. » Въ библиотекѣ И. Н. Царскаго.

(17) Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres. t. XLV, à Paris, 1793, art. Sur le nombre de jours consacrés chez les Romains aux jeux du Cirque, par Brotier.

(18) Псал. XC. 13.

анъ. (19) Когда Константинъ Великій даровалъ первенствующей Церкви свободу : тогда, вѣроятно, по образцу Михаила Архангела, поразившаго сатану въ видѣ дракона, представленъ равноапостольный Царь, низложившій язычество, или, какъ сказалъ современный ему Евсевій, *draco ille submotus est*. Слова же надписи *instinctu divinitatis*, намѣкаютъ на явленіе Константину креста на небѣ, прообразовавшаго побѣду. Объ этой надписи на Константиновыхъ триумфальныхъ вратахъ упоминаетъ и Евсевій Памфиловъ въ своей Церковной исторіи, говоря, « о поставленномъ на нихъ изваяніи Цесаря съ копьемъ въ рукѣ, и съ надписью, что Римъ освобожденъ отъ тирана знаменіемъ спасительнаго креста. » Ее передаетъ намъ точно въ такомъ видѣ, какъ она изображена на Московскомъ барельефѣ, Антоній Августинъ Архіепископъ Тарраконскій, потомъ Гревій и Пронти въ Римскихъ Древностяхъ. На нѣкоторыхъ медаляхъ Константинъ Великій изображенъ въ шлемѣ, на конѣ ; иногда украшаетъ ихъ лавровое или пальмовое дерево и пронзенный древкомъ знамени драконъ. (20)

Такія данныя ведутъ къ заключенію, что витязь на барельефѣ ни кто иной какъ Константинъ Великій, драконъ — поправное язычество, а дѣва — освобожденная Церковь, или Римъ (*uirbs aeterna*), который, какъ извѣстно, олицетворенъ былъ въ образѣ богини (*Roma dea*).

Мудрено ли, что, по сходству аллегорическаго изображенія подвига Константина Великаго, ревнителя вѣры Христіанской, съ чудомъ Св. Георгія, избавившаго Царевну отъ дракона, одно лице приняли за другое. Св. Георгій великій въ мученикахъ и Константинъ великій въ Царяхъ были современниками, оба служили подъ знаменами Діоклетіана, одинъ стяжалъ мученическій вѣнецъ, другой къ Царскому вѣнцу приобщилъ небесный, тотъ и другой именовались *побѣдоносцами* (*τροπαιοφόροι*) Церковью и Государствомъ. По свидѣтельству же Западныхъ Четій, Константинъ Великій въ Римѣ соорудилъ первую Христіанскую церковь во имя Св. Георгія побѣдоносца.

Но историческое взяло верхъ надъ символическимъ ; ибо чудо, совершенное Св. Георгіемъ, было ближе къ понятію народа, чѣмъ символическое изображеніе великаго подвига равноапостольнаго Константина. Посему — то побѣдитель дракона названъ Св. Георгіемъ, который также, освобожденіемъ страны Палестинской отъ чудовища, поправалъ тамъ язычество, олицетворен-

(19) Ammian. Marc. XVI, 2: XX, 4.

(20) Imperatorum Romanorum numismata, ab Ad. Oecone congesta. Mediol. 1730, f.

ное, какъ мы замѣтили, въ образѣ дракона. Такъ точно всадникъ, поражающій дракона на древнихъ Русскихъ печатяхъ и монетахъ выдается за Св. Георгія, между тѣмъ, какъ въ Софійскомъ временникѣ сказано подъ 1536 г.: « бысть знамя на деньгахъ копейныхъ: Великій Князь на конѣ, имѣя мечъ въ руцѣ »; даже на монетахъ Царя Бориса Θεодоровича надъ всадникомъ съ дракономъ подъ ногами подписано: Ц. Б. Θ. т. е. Царь Борисъ Θεодоровичъ.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ торжества Вѣры Христіанской и низложенія язычества, не безъ основанія названъ въ описяхъ собора *Римскимъ*; ибо изображеніе и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на Священной дорогѣ (*via sacra*) между Колизеемъ и церковью Св. Григорія.

Вѣроятно, этотъ снимокъ составлялъ украшеніе фронтона или фриза какого либо храма или воротъ; ибо драконы, во время владычества Лонгобардскаго, изображались на фасадѣ или внѣшней орѳографіи храмовъ. Въ церкви Св. Михаила, въ Павіи, представленъ воинъ, прободающій копьемъ дракона.



ДРЕВНІЕ СКЛАДНИ, ТЪЛЬНИКЪ И БЛЯХА СЪ ГЕРБОМЪ.

(Рисунокъ Омд. I. № 22.)

На эстампъ подъ N 22 изображены въ натуральную величину : 1) Древніе складни, 2) Тѣльной золотой крестъ, или тѣльникъ и 3) Двухглавій орелъ на золотой бляхѣ, богато украшенной финифтью. Всѣ сіи драгоценности хранятся у Графа Мусина-Пушкина и, по преданію, принадлежали Дмитрію Самозванцу.

На складняхъ, обдѣланныхъ въ золото съ прекрасною финифтью, изображены искусною кистью въ Византійскомъ стилѣ : Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Святитель Николай, не въ сакошь, (какъ написанъ онъ на древней иконѣ въ Барѣ), но въ кресчатой фелони и омофорѣ, одною рукою благословляющій, а другою держащій Евангеліе. Створчатые складни съ ушками, по видимому, назначены были для ношенія на персяхъ.

На тѣльникѣ четверочастномъ изображенъ осмичастный крестъ безъ распятаго на немъ Спасителя и безъ гривны или цаты, какая видна на средокрестіи у подобныхъ крестовъ XVII вѣка. Надъ крестомъ надписано : **Царь Славы**, у концевъ его: **Ѹс. Хр. Ника**, у подножія: **М. Д. Р. Н. т. е.** мѣсто лобное — рай бысть. Какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ вырѣзаны мѣлкою вязью слова, вѣроятно, молитвы. Если дѣйствительно этотъ

крестъ принадлежалъ Лжедимитрію, то можнобъ его признать за тотъ самый, который онъ показалъ въ Брагинѣ Адаму Вишневецкому, какъ будто данный ему крестнымъ его отцемъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Чтожь касается до бляхи съ двухглавымъ орломъ, увѣнчаннымъ тремя коронами, безъ ѓздеца, или всадника на груди, вѣроятно, она составляла украшеніе Царской утвари.

ДРЕВНІЯ ГРИВНЫ И ОБРАЗКИ.

(Рисунокъ Омд. I. № 23.)

На эстампѣ подь N 23 представляются намъ : А, В, и С. мѣдный образокъ, найденный въ Рязани и принадлежащій г. Татаринovu; G. H. I. K. L. M. N. такіе же образки, вырытыя изъ земли въ Новгородѣ и хранившіеся у купца Лаптева, наконецъ такъ называемыя гривны : О, Р. древній рѣзной камень, вырисованный изъ книги : Ioannis Mascariі Canonici Ariansis Abraxas, Antverpiæ, MDCL, VII, in-4 ; Q, R, S. Черниговская гривна, хранящаяся въ Императорскомъ Минцъ-Кабинетѣ Эрмитажа ; Т. V. Гривна, или образокъ изъ металлической композиціи, не принимающій ни какой цозолоты. Онъ принадлежитъ Черниговскому помѣщику, артиллеріи Капитану Феодору Пекрицкому, который получилъ его въ подарокъ отъ одного офицера, во время Польской кампаніи, ему же онъ достался отъ больнаго солдата изъ Тульской Губерніи, который, предъ смертію своею, отдалъ ему этотъ образокъ съ слѣд. словами : « Сею святынею благословила меня мать, « а найдена она однимъ изъ моихъ предковъ на Куликовскомъ полѣ. » W, X. Золотой образокъ обронной работы въ натуральную величину, находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Императорскаго Казанскаго Университета.

На всѣхъ этихъ образкахъ и гривнахъ общее то, что изображены змѣи въ разныхъ видахъ. На первыхъ св. Никита Великомученикъ поражаетъ діавола, а св. Феодоръ Тиронъ змія. Судя по придѣланнымъ къ нимъ уш-

камъ, они были носимы на персяхъ, подобно тѣльнымъ крестамъ и ладонкамъ.

Чтожь касается до такъ называемыхъ гривень, кои составляютъ родъ амулетовъ или абраксовъ, то на одной ихъ сторонѣ изображены Богоматерь или Архангелъ Михаилъ, а на другой похожая на человѣческую голова, отъ коей простираются въ разныхъ направленихъ то семь, то девять, то двѣнадцать змѣй, переплетенныхъ въ видѣ узловъ, или вытянутыхъ лучеобразно. Такое изображеніе, по видимому, сходствуетъ съ Медузиною головой; но въ сущности своей, оно различно отъ нея.

Приведемъ здѣсь греческія надписи, надъ изъясненіемъ коихъ трудились многіе ученые мужи. Вокругъ лика Богоматери и Архангела, W, V, X, читаемъ слова, заимствованныя изъ VI гл. 3 ст. Пророка Исаи и повторяемыя обыкновенно простымъ народомъ при сильныхъ ударахъ грома, какъ предохранительное средство: Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος ἦς Σαβαώθ, πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, т. е. Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля. S. Ги помози ракоу своему Василию ж. ѿмин. ✠ (1) На образкахъ Е. Т. читаемъ вокругъ лика Богоматери: ✠ ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΘΟΝΟΝΤΩ Ν ΕΧΩΝΤΑ ΣΕΑ ✠ Ч.

На образкахъ D. P. S. X. сходны греческія надписи, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, не вполне разобранныхъ. Одна изъ нихъ S. такъ читается у Кешена: ΤΥΣΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΗΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΙΣ ΙΝ ΔΙΕΥΕΟΣ ΔΡΑΧΟΝΟΥ ΡΥΖΗΣ ΚΕ ΟΣ ΑΡΝΙΟΝ ΤΗΝΙΝΤ, т. е. Η. ΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΙΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΣ ΙΝ ΔΙΕΒΕΟΣ ΔΡΑΚΟΝΟΥ ΡΥΖΗ ΚΑΙ ΩΣ ΑΡΝΙΟΝ ΑΜΗΙΤΟΝ. Η σερανέ-λα μελανονένιος ἰν διεβέος δράκονου ρύζης καὶ ὡς ἀρνίον ἀμείητον или ἀμείη-τον: т. е. гривна золотая. Глава попираетъ дракона корни, какъ агнецъ непорочный.

Подобное изображеніе змѣй и подобная надпись находится на медали въ Венеціи у г. Вебера; ее такъ читаетъ Дерптскій Профессоръ Франкъ:

✠ ΤΟ ΜΕΛΑΝΗΜΕ ΕΟΣ. ΛΕΟΝΒΡΥ
ΔΑΙΝΟΜΕΝΗΟΣ ΧΕΙ ΣΕΚΕΟΣΑΡΝ
ΟΦΗΣ Η ΔΗΕΣΕΚ ΟΣΚΥΜΕΙΣΕ.

Ἐτέροι, μέλαν ἦμ μαινόμενος ὁ ὄφις, ἠδὲ ἔση, καὶ ὡς λέων βρυχήση, καὶ ὡς

(1) На Оршинскомъ камнѣ читаемъ подобную надпись: Въ лѣто зхоѳа года мѣа Маѳа въ з день доспенз крз сѳи. Ги помози ракоу своему Василию въ крѣпѣнѳи именемз Рахволодъ сѳнз Борисовъ. " Можетъ быть, гривна сія принадлежала Полоцкому Князю.

ἀρμιον κυλλοῦ, т. е. «Исчезни, черный! или ты теперь будешь, оскверняющій змій, какъ левъ рыкать, и преклонишься, какъ агнецъ.» (2)

Г. Кеппенъ съ К. Калайдовичемъ полагають, что Черниговскую медаль признать можно за древнюю золотую гривну, какая для украшенія носима была Князьями и вельможами на шеѣ. (3)

Но названіе *гривна* есть условное; ибо оно употреблялось для означенія 1) вѣса, какъ напр. въ Печер. Патерикѣ упомянуты пояса въ 50 и въ 20 гривень золота, 2) извѣстной монеты, 3) украшенія или знака отличія, какъ видно изъ лѣтописей и Св. Писанія, напр. въ Несторовой лѣтописи по Кенигсб. сп. подъ 1147 годомъ: «Михаила же быоче, отторгоша на немъ крестъ и чеши и гривну злату. «*Ки. Бытія* ХІІ, 41—43.» Фараонъ возложи на Юсифа гривну злату на вью его.» *Притч. Солом.* 119. «Въ нець бо благодатей приимеши на твоємъ версѣ и гривну злату о вью твоей.» *Прор. Данила* IV, 7. «И гривна златая на вью его.» Въ значеніи ошейника встрѣчается она въ рукописномъ *Прологѣ*, XIV вѣка, Мартъ, «и повелѣ гривны велики возложити на вьяхъ.» Гривною, или цатою называется также металлическое ожерелье, привѣшенное къ вѣнцу на персяхъ св. иконъ Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. Такъ въ переписи Москов. Успенскаго Собора 1627 г. «На образѣ Одигитріи двѣ гривны серебряныя «басменныя, золоченыя.» Слѣдств. гривна была не медаль, но ожерелье, ошейникъ, кольцо, то же, что у Грековъ *στρέπτον χρύσειον*, у Римлянъ *sol-lage*, о коемъ не рѣдко упоминается въ надписяхъ на мраморахъ Ольвіи и другихъ колоній на берегахъ Понта.

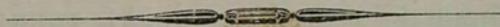
Но самыя изображенія змѣй и надписи въ родѣ заклинаній заставляютъ думать согласно съ г. Каченовскимъ, что это были амулеты, или обраксы, кои носили на себѣ, такъ какъ и теперь носятъ ладонки для предохраненія отъ напастей, околдованія и порчи. Между абраксами въ Европейскихъ кабинетахъ находятся многіе, на коихъ изображены змѣи съ человѣческими лицами. Такія изображенія змѣй намѣкають на ученіе Офитовъ: слѣд. въ женской головѣ съ семью змѣями можно признать Офитскую Софію и осмеричное число Еоновъ, которое составляла она съ сыномъ своимъ Jaldabadth и шестью остальными духами, отъ него происшедшими.

(2) Sinnbilder u. Kunstvorstellungen der alten Christen von Dr. F. Münter, I. H. Altona, 1825, in 4.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ М. 1822, въ 8.

Софія же, по ученію Офитовъ, родилась отъ третьяго Еона, котораго они называли первою женою, матерью всѣхъ живыхъ. Она безъ мужескаго участія произвела на свѣтъ сына Jaldabath, родоначальника новаго поколѣнія. Осмеричное число головъ на амулетѣ согласовалось бы съ ученіемъ Офитовъ, еслибъ не было ихъ на другихъ по двѣнадцати. Но какъ Еоны и планетные князья приняли образъ змѣй: то Св. Климентъ Александрійскій объясняетъ намъ, что «Египтяне выражали косное теченіе планетъ змѣями.» (4) Изъ Египетской Гіероглифики потомъ этотъ символъ перешелъ въ Офитскую и даже въ гностическую. Русскіе же, заимствовавъ подобные амулеты отъ Грековъ и Болгаръ, какъ священныя средства, предохраняющія отъ напастей, употребляли и подражали имъ безъ сознанія, иногда замѣняя одиѣ изображенія другими и соединяя въ нихъ символическіе образы съ лицами Святыхъ, отечественное съ чужеземнымъ.

(4) Sinnbilder и Kunstverstellungen etc.



НОВГОРОДСКІЕ НАПЕРСНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 24.)

Изображенныя здѣсь подъ N 24, два наперсные креста въ натуральную величину, различныя своею формою, находятся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Одинъ изъ нихъ А. В. серебряный вызолоченный, съ филогранью. На лицевой сторонѣ изображень, вмѣсто Распятія, Господь Вседержитель, сѣдящій на престолѣ; четыре большихъ яхонта розоваго цвѣта въ гнѣздахъ служатъ украшеніемъ. На обратной сторонѣ вырѣзаны имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи заключаются въ этомъ крестѣ. Другой изъ нихъ Д. Е. серебряный вызолоченный съ финифтью на лицевой сторонѣ и Распятіемъ; въ гнѣздахъ вставлены пять драгоценныхъ камней. На обратной сторонѣ его надпись показываетъ, какихъ Святыхъ мощи вложены во внутренности его. Оба сіи креста служили отличіемъ сана святительскаго. Судя по стилю, первый изъ нихъ древнѣе послѣдняго; по надписи не опредѣляютъ ни вѣка ихъ, ни мѣста, ни соорудителя.

АНТОНІЕВЪ КРЕСТЪ ВОЗДВИЗАЛЬНЫЙ.

(Рисунокъ Отд. 1. № 25, 26.)

Изображенный на эстампѣ подъ N 25 крестъ, въ половину уменьшенный противъ натуральной своей величины, принадлежать къ числу воздвижальныхъ, кои возносимы были въ соборахъ и нѣкоторыхъ монастыряхъ на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Различаясь мѣстомъ и назначеніемъ своимъ отъ престольныхъ, благословящихъ, возлагаемыхъ на престолѣ, онъ хранился, или въ ризницѣ, или поставляемъ былъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ.

Антоніевъ крестъ, хранящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, сходенъ съ Полоцкимъ св. Евфросиніи и съ Ростовскимъ Авраміевымъ; онъ шестиконечный, деревянный, обложенный басменнымъ золоченымъ серебромъ. Въ шести клеймахъ на лицевой сторонѣ вычеканены изображенія Знаменія Богородицы, Господа Вседержителя, двухъ Херувимовъ и св. Иоанна Богослова. Между ними два креста: одинъ мусійный, осмиконечный, съ распятымъ Христомъ, окруженный ликами Богоматери и св. Иоанна Богослова, или Предтечи, а другой съ частицею Животворящаго Древа. На бокахъ креста вычеканены: о агнос Петрос, о агнос Павлос, о агнос Іо... о агнос Семьонъ, и слѣд. надпись: « Господи помози ракоу своіему Антоню Архіепископу Новгородскому дашюму кресту Сватоу Софни.

Великій Новгородъ избралъ Антонія въ 1211 году Архіепископомъ, но чрезъ 8 лѣтъ изгналъ его; потомъ вмѣстѣ съ Митрофаномъ, его предшественникомъ, представилъ на судъ Митрополиту Всероссійскому, который,

утвердивъ Митрофана въ Новгородѣ на Владычнемъ престолѣ, далъ Антонию кафедру въ Перемышлѣ. Послѣ Арсенія, Новгородъ опять вызвалъ Антонія на Архіепископію, съ коею онъ потомъ сошелъ въ Хутынъ монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Ни изъ Исторіи, ни изъ надписи не видно, когда и по какому случаю сооруженъ Владыкою Новгородскимъ этотъ крестъ; но, по древности, болѣе, чѣмъ пятивѣковой, по мѣсту сооруженія и по лицу соорудителя, этотъ надписанный памятникъ начала XIII вѣка принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ нашимъ древностямъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ ризницѣ Софійскаго собора, находятся три панагіи, двѣ — Архіепископовъ Новгородскихъ и одна Папская.

В. С. Серебряная, складная, съ изображеніемъ распятія І. Х., а на другой — Спасителя.

Е. Ф. Серебряная украшенная финифтью, съ образомъ Святителя Николая.

Н. I. Крестъ золотой съ тремя продолговатыми сквозными яхонтами, на коихъ вырѣзано рельефомъ Распятіе І. Христа съ предстоящими Ему Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. На трехъ концахъ креста изображены три пчелы, по видимому, намѣкающія на слова Псалма СХVII, 12, «Обы-« доша мя яко пчелы сотъ.» На средокрестіи обратной стороны солнце, коего тройственные лучи выступаютъ и на другую сторону. При подножии креста, по снимку г. Солнцева, читаемъ надпись Urb. VIII. P. M. t. e. Urbanus VIII, Pontifex Maximus. Но Истор. описаніе Святыни Новгородской, Спб. 1848 г. и Новгородскія Губерн. Вѣдомости 1848 г. N 9, ошибочно присвоиваютъ этотъ крестъ Урбану IX, и Урбану XI.

Императрицею Екатериною II это св. украшеніе пожаловано было Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Гавріилу Петрову, а отъ него поступило въ ризницу Софійскаго Собора.



КОРСУНСКІЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Онд. I. № 27, 28.)

Корсунскими крестами называются запрестольные три креста въ алтарѣ Московскаго Успенскаго Собора. Одинъ изъ нихъ, четвероконечный, обитый позолочеными серебряными листами; лицевая его сторона усѣяна самоцвѣтными каменьями и клеймами съ обронными изображеніями разныхъ Святыхъ; на срединѣ и по концамъ въ кругахъ наведены финифтью: Распятіе, Деспусъ, Благовѣщеніе и Воскресеніе. На обратной сторонѣ поле украшено звѣздами изъ хрусталей; на срединѣ и на концахъ въ клеймахъ чеканныя изображенія господскихъ праздниковъ. Въ переписныхъ книгахъ Московскаго Успенскаго собора, скрѣпленныхъ 1627 г. Симоновскимъ Архимандритомъ Іосифомъ, въ послѣдствіи Патріархомъ, объ этомъ памятникѣ благочестія сказано: « за престоломъ же крестъ большой Корсунскій обложенъ серебромъ, въ пяти мѣstechъ писаны господскіе праздники мусіею на золотыхъ цкахъ; въ немъ же въ гнѣздехъ сто семь хрусталей. »

Другіе два креста, четвероконечные, изъ горнаго хрусталя, скрѣпленные серебромъ; они утверждены на древахъ, для ношенія въ крестныхъ ходахъ.

На этихъ священныхъ памятникахъ нѣтъ надписей, кои бы свидѣтельствовали намъ объ ихъ мѣстности и древности; но преданіе гласитъ, что они перенесены просвѣтителемъ Россіи Владимиромъ I въ столичный градъ Кіевъ изъ покоренной имъ Корсуни, оттуда перешли во Владимиръ и по-

томъ въ Москву. О первомъ крестѣ свидѣтельствуется книга *Жезл* 1655 г. что онъ «предрагоцѣнный окладомъ, неоцѣненный образомъ, древностію «пречестный, именуемый Корсунскій, олтарь Господень яко солнце про- «свѣщаетъ въ соборномъ храмѣ, въ матери всѣхъ церквей.»

Въ 1812 г. святыни сіи не были вывозимы изъ Москвы.

Примѣч. О звѣздицѣ св. Антонія Римлянина сказано въ статьѣ объ его сосудахъ.

НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

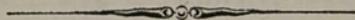
(Рисунокъ Отд. I. № 29, 30, 31, 32.)

Сей крестъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, изъ чеканнаго вызолоченнаго серебра съ литыми изъ того же металла накладными распятіемъ и образами Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ Святыхъ; длиною онъ 2 четверти $\frac{1}{4}$ вершка, по мѣстамъ украшенъ крупнымъ угловатымъ жемчугомъ и драгоценными каменьями. На подножіи его слѣдующая надпись означаетъ вкладчика, время и мѣсто сооруженія: «Въ лѣто 7351 (1643) Апрѣля въ ка день, повелѣніемъ Благовѣрнаго Царя Іоанна Васильевича всеа Русіи, заѣланъ сій крестъ въ кѣз лѣто Государства его въ преименітый храмъ и соборъ Архістратіа Михаила, въ Богоспадемомъ градѣ Москвѣ.» На оборотной сторонѣ креста другая надпись вязью, узловатая, въ нѣсколькихъ кружкахъ, какъ сказано въ старинной описи соборной ризницы, изображена «большими фряжскими буквами; она содержитъ въ себѣ имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи вложены въ этотъ крестъ. Славянскія буквы названы *фряжскими* по ихъ почерку или пошибу, извѣстному также подъ именемъ Фряжской азбуки, которая состояла изъ связанныхъ между собою узловатыхъ буквъ и употреблялась въ надписяхъ и въ красныхъ строкахъ.

Какъ драгоценныя св. утвари, большею частію, устроиваемы были Государями по обѣщанію и въ ознаменованіе счастливыхъ событій: то,

вѣроятно, и сей крестъ сдѣланъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ возблагодареніе Богу за побѣды его въ Ливоніи, гдѣ, въ 1560 году, Русскіе взяли 11 городовъ, и за успѣхи оружія его въ Крыму.

Другой крестъ напрестольный въ ризницѣ Архангельскаго Собора золотой чеканный, почти одинакой величины съ первымъ; онъ украшенъ драгоценными камнями и крупнымъ жемчугомъ. Работа его отличается чистотою. Изъ надписи на немъ видно, что онъ пожалованъ въ Соборъ Царемъ Θεодоромъ Алексіевичемъ 1677 года, въ вѣчное поминовеніе родителя своего.



РѢЗНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунки Отд. I. № 33, 34.)

Изображенные на эстампахъ N 33 и 34 рѣзные на деревѣ кресты, хранящіеся въ Императорской Публичной Библиотекѣ и въ Московской Оружейной Палатѣ, представляютъ намъ памятники рѣзнаго искусства (*ἀναλυτική*), *caelatura*, *toreutice*), коимъ издревле славились Византіицы и давно занимались Славяне. Разсмотримъ эти произведенія въ связи съ самимъ художествомъ и его исторію.

Особеннымъ предметомъ досужества Аѳонскихъ монаховъ было это искусство. По свидѣтельству Ассемани, «они вырѣзывали съ превосходною «обронною работой иконы и кресты изъ бука, кедра и другихъ деревъ, на «коихъ изображали распятаго Спасителя, Богоматерь, дванадцатые праздники и разныхъ Святыхъ Восточной Православной Церкви. Такимъ издѣліемъ украшая свой досугъ, иноки снискивали себѣ пропитаніе.» (1) Къ этому свидѣтельству присоединимъ другое, не менѣе важное, которое сообщаетъ намъ Греческій врачъ XVII вѣка, Іоаннъ Комнинъ, обозрѣвавшій Святую гору; (2) онъ говоритъ, что «Болгары и Русскіе издревле любили «упражняться въ иконописи и рѣзбѣ, что искусство ихъ отличалось особеннымъ пошибомъ, заимствованнымъ отъ духа и нравовъ отечества.»

(1) *Assemani Calendaria ecclesiae Graecae.*

(2) *I. Comneni descriptio montis Atho*, въ *Monfaucon Palaeographia Graeca*, p. 459—486.

Какъ пошибъ или стиль этотъ былъ иконный, основанный на древнихъ образцахъ и подлинникахъ: то и рѣзба запечатлѣна тѣмъ же характеромъ, какимъ иконопись Болгарская и Русская. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, въ Россіи еще уцѣлѣло много разныхъ памятниковъ Греческой рѣзбы, которые проявляютъ духъ и характеръ сего искусства, посвященнаго св. Вѣрѣ.

Это искусство, бывшее подъ вліяніемъ Церкви, подчинялось ея завѣтнымъ преданіямъ и уставамъ. Какъ Восточная Православная Церковь отвергала всякое *изваяніе* и *сляніе* (истуканы, горельефы) согласно съ заповѣдью во Второзаконіи XXVII, 15, гдѣ предается проклятію « сотворившій изваяніе и сляніе; » то она допускала однѣ только изображенія половинчатыя, или въ полтѣла, т. е. рельефы. Между тѣмъ, какъ Западная Церковь ввела въ обычай изваянія Святыхъ въ натуральную величину, изъ дерева и камня (горельефы, *alto relievo*, облыя, круглыя фигуры), которыми украшала не только костелы и капеллы, но и площади и перекрестки. (3)

Рѣзное художество, искони любимое Русскимъ народомъ, сперва было орудіемъ идолопоклонства, а потомъ съ насажденіемъ на Руси Христіанской Вѣры, обращено на изображеніе досточтимыхъ ея предметовъ, и украшало вычурными и затѣйливыми орнаментами внѣшность и внутренность храмовъ Божіихъ, которые въ древности были, по большей части, деревянные. На самыхъ избахъ крестьянскихъ видимъ разныя узорныя порѣзки, обличающія досужество, ловкость и замысловатость мастеровъ.

Отъ Византійскихъ художниковъ Кіевъ получилъ первые образцы рѣзныхъ на деревѣ, кости и камняхъ, иконъ, панагій и крестовъ, коимъ подражали Русскіе. Тамъ и донынѣ существуетъ это художество, доставляющее богомольцамъ рѣзные на кипарисѣ кресты и образа. Оно проникло и въ Новгородъ, славившійся въ XVI вѣкѣ своими *рѣзцами* или рѣзными мастерами, которые *налагали лице на камень*, т. е. покрывали рѣзбою и полировали; оттуда иногда вызывались они въ Москву для украшенія церквей и Государевыхъ Палатъ. На эстампѣ N 4 представлены древнія произведенія рѣзбы, сохранившіяся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго Собора. Архангельскъ также славится съ давнихъ временъ рѣзбою на кости.

(3) Handbuch der christlichen Archaeologie von D. S. W. Augusti, 3 B. Leipz. 1836. въ 8.

Въ самой Москвѣ, въ числѣ Царскихъ художниковъ и ремесленниковъ Мастерской Палаты, находились и рѣзчики на деревѣ; изъ нихъ извѣстны своими произведеніями въ XVII вѣкѣ Кондратій Ивановъ и Петръ Ремезовъ. По Государеву указу, они вырѣзывали не только кресты и образа, но и сѣни надъ престолами въ церквахъ, царскія врата, алтарные иконостасы и т. д. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ 1670 г., говоритъ, что «Русскіе выдѣлываютъ весьма искусно изъ дерева разныя вещи.» Рѣзанныя Петромъ Великимъ на кости и на деревѣ разныя изображенія служатъ доказательствомъ, что онъ усвоилъ себѣ это древнее Русское искусство.

Въ XVII вѣкѣ, сблизившемъ Россію съ Западомъ Европы, появились въ ней изваянія Святыхъ изъ дерева и камня, по большей части, отживленныя подъ натуру, т. е. раскрашенныя; онѣ ставились въ церквахъ и часовняхъ на поклонѣ. По словамъ указа Петра I, въ 1722 году, Апрѣля 12, этотъ «обычай устроить неумѣренныя рѣзныя иконы вошелъ въ Россію отъ иновѣрныхъ, а наипаче отъ Римлянъ и порубежныхъ намъ Поляковъ.» На основаніи правилъ церковныхъ, указомъ того же года Октября 11 запрещено было «употреблять въ церквахъ рѣзныя и отливныя иконы, кромѣ Распятій, искусною рѣзбою устроенныхъ, а въ домахъ, кромѣ малыхъ крестовъ и панагій.»

Изъ сего видно, что рѣзба и ваеніе вошли въ Россію двумя путями, съ Востока и Запада, что отъ одного заимствовала она рельефныя изображенія Святыхъ, а другому иногда подражала въ изваяніи облыхъ, круглыхъ фигуръ, кои выдабливались, или высѣкались въ ростъ человѣческой, подобно древнимъ *ἑόανα*.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ рѣзбы былъ крестъ, орудіе и знаменіе спасенія. Какъ I. Христосъ распятъ былъ на крестномъ деревѣ, то для малыхъ и большихъ крестовъ преимущественно выбиралось дерево, способное для рѣзбы по своей мягкости, плотности и цвѣту. Таковы были: липа, кипарисъ, букъ, кедръ, чинаръ. Работа производилась долотцами разнаго рода; для окончательной отдѣлки фигуръ употребляли пемзу и хвощъ. Рѣзба была *половинчатая* на полѣ, или фонѣ, и *сквозная*, болѣе или менѣе крупная и мелкая. Иногда фигуры, особливо вырѣзанныя, набирались и наклеивались на фонѣ. Нѣкоторые памятники этого художества, находившаго себѣ пріютъ въ монастыряхъ, отличаются твердостью и отчетливостію рисунка, искусствомъ, чистотою и тонкостію отдѣлки, требу-

ющей необыкновеннаго терпѣнія и ловкости; не рѣдко встрѣчаемъ образа въ $1\frac{1}{2}$ вершка, на коихъ вырѣзаны изъ кости или камня всѣ дванадесятые праздники съ надписями; также на дощечкахъ, величиною отъ 1 до 3 четвертей, обронное изображеніе всей прославленной Церкви въ видѣ алтарнаго иконостаса.

Но въ этихъ произведеніяхъ рѣзбы находимъ тѣже недостатки, какіе и въ иконописи, касательно группированія, перспективы и вообще тона.

Чтожь касается до рѣзныхъ на деревѣ крестовъ, то они были *тѣлесныи*, или *тѣлесные*, *наперсныи*, *напрестольныи*, *воздвизальныи*, *водружательныи* и *благословлящіи*; одни носимы были на персяхъ, какъ залогъ св. крещенія, или какъ отличіе духовенства, другіе возлагались на престолахъ въ алтарѣ, въ воспоминаніе крестной жертвы І. Христа, третьи воздвизаемы были въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста и служили иногда запрестольными, четвертые ставропугіальныи, даваемые Патриархомъ церквамъ и монастырямъ съ особымъ преимуществомъ, (4) а послѣдніе ставились въ кіотахъ на поклонѣ, какъ св. иконы, и, по большей части, были четвероконечныи, согласно съ украшеніемъ св. Григорія Нисскаго, который учитъ, что крестъ четырьмя частями, или краями знаменуетъ высоту, глубину, широту и долготу содержащимся Божіею силою. (5) Сверхъ того, встрѣчаются древніе кресты съ рѣзбою — *памятныи*, *закладныи* и *надгробныи*; одни сооружались въ память какого либо событія, другіе закладываемы были въ церковныхъ стѣнахъ, третьи ставились на могилахъ.

Къ числу напестольныхъ и благословлящихъ принадлежатъ изображенныи на эстампѣ четвероконечныи кресты; они вырѣзаны на кипарисѣ и отличаются отъ древнихъ особенностію своего вида. У креста подъ N 33, отъ подножія къ рогамъ простираются двѣ вѣтви, на коихъ вырѣзаны поясныи изображенія Пророковъ, а на поверхности его въ клеймахъ дванадесятъ праздниковъ съ греческими надписями. На концахъ Евангелисты съ ихъ символами. Подобныи орнаменты въ образѣ вѣтвей, произшедшихъ отъ креста, проявляютъ христіанскій символическій взглядъ на природу. По видимому, и художникъ Византійской школы хотѣлъ выразить, что крестъ Господень есть древо жизни, коего вѣтви осѣняютъ и питаютъ всѣхъ прибѣгающихъ подъ спасительную его сѣнь. На бокахъ описываемаго креста изображена слѣдующая монограмма, вѣроятно, означающая имя художника:

(4) Новая скрижаль, изд. 4. М. 1816, въ 4.

(5) Жезль, М. 1655, въ 1.

А П М S. Т В П Г. Отчетливость рисунка, тщательность и чистота отдѣлки обличаютъ въ немъ остроту и вѣрность глаза, ловкость руки.

Тѣже предметы, тотъ же пошибъ и тѣ же письма находимъ на другомъ крестѣ подъ N 34. Изъ чего съ достовѣрностію можно заключить, что они произведеніе одного художника, судя по надписямъ—Грека, а по сличеніи съ подобными издѣліями Аѳонскихъ иноковъ—Святогорца ; ибо послѣдніе не рѣдко присылали Царямъ въ Москву рѣзные кресты, панагін и образа въ благословеніе. Вѣра, художество и наука сближали Аѳонъ съ Кіевомъ и Москвою.

Начиная съ XI по XVIII вѣкъ, Аѳонъ доставлялъ южной и сѣверовосточной Руси не только образцы иконописнаго и рѣзнаго художества, но и правила для иноческой жизни, Болгарскіе и Сербскіе переводы Твореній Св. Отцевъ, драгоценныя Греческія рукописи для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ и наконецъ ученыхъ иноковъ, насадившихъ семена просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

ИЗМАЙЛОВСКІЕ

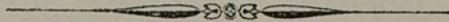
КРЕСТЪ И БРАТИНА.

(Рисунокъ Омд. I. № 35.)

На рисунокѣ представляются два памятника изъ подмосковнаго села Измайлова, гдѣ живали лѣтомъ Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ его Алексій и внукъ Ѳеодоръ съ семействомъ своимъ, гдѣ проводилъ свои дѣтскія лѣта Петръ I, отыскавшій тамъ ботикъ, *дѣдушку Россійскаго флота*. Сіи памятники, не многоцѣнные, но важные по своему значенію въ народной жизни: рѣзной изъ дерева, позолоченный и разцвѣченный крестъ и братина, окрашенная по левкасу. Онѣ срисованы на мѣстѣ въ 1837 г. Г. Солнцевымъ. По всему вѣроятію, что эта святыня и домашняя утварь принадлежали къ дворцовому обиходу, отъ коего остатки хранятся въ собраніяхъ отечественныхъ древностей Оружейной Палаты, Кн. М. А. Оболенскаго, П. Ѳ. Корабанова и М. П. Погодина. Четверокопечный крестъ этотъ ни запрестольный, ни напрестольный; но, по видимому, онъ осѣнялъ какой нибудь кивотъ въ дворцовой церкви.

Братины, напоминающія своимъ названіемъ и значеніемъ братство и круговыя чаши, въ старину составляли не только необходимую столовую утварь, но даже извѣстную мѣру жидкостей. Обыкновенная форма ихъ была круглая, кубовастая, на подобіе горшечка. Дѣлались онѣ изъ золота, серебра, мѣди и олова, чеканныя, гладкія, чешуйчатые, грановитые, дорожчатые, ложчатые съ травами, проводками, личинами, мишенями, плащами, съ чернью, фи-

нифтью, иногда съ драгоценными камнями; не рѣдко ихъ ободокъ или вѣнчикъ украшался надписью, означающею имя владѣльца, или какое нибудь право-учительное изрѣченіе. Въ крестьянскомъ быту онѣ устроивались, большею частию, изъ дерева. Измайловская братина престою вещества соотвѣтствовала простотѣ жизни нашихъ Государей въ сельскомъ родовомъ пріютѣ, гдѣ у нихъ столовая посуда была деревянная и оловянная.



ЦАРСКІЕ БРАЧНЫЕ ВѢНЦЫ

и

МИТРОПОЛИЧЬЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Омд. I. № 36, 37.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора сохранились древніе, серебряныя съ позолотою, брачныя вѣнцы, мужскій и женскій, какіе при вѣнчаніи возлагались на Царей и Царицъ. Они устроены въ видѣ обруча, выдавагося на челѣ коронкою, съ городками по краямъ; на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ Деисусъ, а на другомъ Знаменіе Богородицы, Богоотцы Іоакимъ и Анна.

Судя по стилю работы, вѣнцы сіи принадлежатъ XVII вѣку; фигуурою своею сходятся съ древними изъ серебра, мѣди, желѣза и дерева, какіе употреблялись при вѣнчаніи.

Вѣнецъ вообще какъ символъ вѣчности, въ особенности вѣнецъ брачный (*νμφίχος στέφανος*) какъ знакъ таинственнаго союза, награды за цѣломудріе и благословеній небесныхъ, извѣстенъ былъ у Іудеевъ, что видно изъ словъ *Исаи Пророка* LXI, 10. « яко на жениха возложи вѣнецъ. » (1) Въ *Пѣсняхъ Пѣсней* III, 11, божественный Женихъ представляется, въ вѣнцѣ « имже вѣнча его мати его, и въ день обрученія его и въ день веселія сердца его. » Восточная православная Церковь ввела въ употребленіе при бракосочетаніи вѣнцы, означав-

(1) Новая Скрижаль Преосв. Веніамина. Handbuch der christlichen Archaeologie, III. В. von D. I. C. W. Augusti. Leipz. 1837, in-8.

шіе, по толкованію Св. Іоанна Златоуста, « побѣду надъ соблазнами и сочетаніе двухъ въ плоть едину.» Отъ нихъ и самое бракосочетаніе называется *вѣнчаніемъ* (*στεφάνωμα*) т. е. благословеніемъ церковнымъ, которое преподается новоневѣстнымъ съ возложеніемъ на главы ихъ вѣнцовъ.

Вѣнчанію предшествовало обрученіе перстнями, какъ приготовительная часть брака, въ знаменіе «обрученія Господу Богу церкви честной;» перстень у мужа былъ золотой, у жены—желѣзной или серебряной, (2) знаки преимущества и владычества одного, подчиненности и покорности другой. Въ древнихъ требникахъ встрѣчается еще чинъ *постриганія*, совершавшагося крестообразно на главѣ вѣнчаемыхъ, предъ возложеніемъ вѣнцовъ, дотолѣ лежавшихъ въ алтарѣ на престолѣ. Послѣ вѣнчанія, въ эктении новобрачные нарекались *княземъ* и *княгинею*. (3) Можетъ статься, сіи названія даны имъ отъ того, что въ первые вѣка христіанства на Руси вѣнчались только князья и бояре; ибо современникъ Нестора, Іаковъ черноризецъ представлялъ Митрополиту Іоанну, что « не бываютъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія; но бояре токмо и « Князья вѣнчаются.» Въ продолженіи семи дней вѣнцы съ новобрачныхъ не снимались; на восьмой день было *разрѣшеніе вѣнцовъ* (*λέσσις τῶν στεφάνων*). Сей чинъ церковный совершался съ молитвой, положенною въ Требникѣ, въ возблагодареніе Богу за соблюденіе новобрачныхъ въ цѣломудріи.

Въ послѣдствіи эти обряды сокращены и вѣнцамъ брачнымъ дана форма короны.

На эстампѣ подъ N 36, вмѣстѣ съ брачнымъ вѣнцомъ изображена святиТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ, золотая; на лицевой сторонѣ ея вставленъ древній камей, представляющій Пророка Даниїла (*προφήτης Δανιηλς*) съ двумя львами при подножіи; вокругъ камей четыре самоцвѣтные камня въ гнѣздахъ, размѣщенные крестообразно. На обратной сторонѣ вырѣзанъ крестъ на Голгоѣѣ съ вѣнцомъ на междукрестіи, съ копіемъ и тростию; на поляхъ слѣдующая надпись: « в сей иконѣ мощи святаго Апостола Андрея Первозваннаго « и святаго Апостола Варнавы, святаго Великомученика Георгія, святаго мученика Анѳоногена, да мощи Царя Константина.»

Хотя въ надписи на эстампѣ и означено, что панагія сія принадлежала « Іосифу, Митрополиту Вологодскому;» но между Іерархами Вологодской

(2) Потребникъ мірской. М. 1639, въ л.

(3) Требникъ уставный, на бумагѣ, въ 4, конца XVI, или начала XVII вѣка. Изъ библиот. Кн. М. А. Оболенскаго.

Епархіи не было Митрополитовъ, а Епископы и Архіепископы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются Архіепископъ Іосифъ I, хиротонис. 1708 г. и Іосифъ II, хиротон. 1761 г. По описи же соборной, панагія сія извѣстна подъ именемъ *Іосифовской* отъ того, что взята изъ Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря, гдѣ окончилъ жизнь свою Всероссійскій Митрополитъ Даніилъ, лишенный святительскаго сана, 1539 года. По всему вѣроятію, эта панагія ему принадлежала; въ чемъ удостовѣряетъ изображение на ней тезоименитаго ему Пророка Даніила. Послѣ кончины сего Святителя, извѣстнаго въ гражданской Исторіи распрями своими съ боярами, а въ церковной Словесности своими полемическими сочиненіями, сіе знаменіе святительства его, вѣроятно, по завѣщанію, поступило въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ поставленъ въ Всероссійскіе Митрополиты 1522 года, Февраля 27, изъ игуменовъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

ЗОЛОТОЕ КАДИЛО ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 38.)

Кадило это, драгоценное по металлу и по камнямъ, его украшающимъ, равно и по искусной работѣ, вѣсомъ 4 фунта, $33\frac{1}{2}$ золотника. Чашкѣ его съ крышкою дано художникомъ подобіе одноглавой церкви съ рѣшетчатыми окнами и съ осмиконечнымъ на главѣ крестомъ. На внѣшнихъ ея стѣнкахъ между арабесками наведены чернью Соборъ Архангела Михаила и лики Святыхъ, въ числѣ которыхъ видны тезоименитые Царю Θεодору Иоанновичу и Царицѣ Иринѣ св. Θεодоръ Стратилать и св. мученица Ирина. Въ гнѣздахъ по мѣстамъ вставлены изумруды и яхонты, граненые и неграненые. Четыре кольчатые цѣпи, къ коимъ прикрѣплено кадило, имѣютъ въ срединѣ четыре креста съ яхонтами; самая ерданка, или рукоять изъ чистаго золота, богато украшена чернью и драгоценными камнями. Казалось, мастеръ истощилъ свое искусство, чтобы сдѣлать утварь сію, сколь можно, великолѣпнѣе, согласно съ желаніемъ усердствовавшей особы.

Хотя въ надписи на рисункѣ и сказано, что кадило сіе Царя Θεодора Алексѣевича; но на поддонѣ изъ узловатой надписи, наведенной по золоту чернью, узнаете, что « кадило сіе сдѣлано повелѣніемъ Благовѣрныхъ Вели-
« кія Государыни, Царицы и Великія Княгини Ирины, во иноцѣхъ Алек-
« сандры по Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Θεодорѣ Иоан-
« новичѣ къ его Царскому гробу, 1598 году.

ДРЕВНІЯ КАДИЛА.

(Рисунокъ Отд. I. № 39.)

То высокое значеніе, какое Православная Церковь даетъ кадилу, употребляемому при богослуженіи, побуждаетъ насъ присоединить къ историческо-археологическому описанію двухъ изображенныхъ здѣсь кадилъ XVII вѣка, замѣчанія о происхожденіи, употребленіи и знаменованіи куренія ладаномъ и кадилъ.

Всѣ восточные, греческіе и латинскіе Требники и Служебники почитаютъ куреніе ѱміама одною изъ существенныхъ принадлежностей богослуженія. Начало этому находимъ въ ветхозавѣтныхъ обрядахъ. (1) Самъ Богъ чрезъ Моусея повелѣлъ Аарону « кадить надъ Кивотомъ ѱміамомъ сложеннымъ благовоннымъ рано по утру и съ вечера, когда вжигаются свѣтила.» *Исход.* XXX, 7 и 8. Апокалипсисъ изображаетъ намъ каженіе Ангела предъ алтаремъ, да « вознесетъ молитвы Святыхъ къ Богу.» *Апокал.* VIII. 3.

Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи ѱміама въ Церкви новозавѣтной находимъ въ III правилѣ св. Апостоль : « Не лѣтъ приносить что въ жертвенникъ, развѣ елей въ святой свѣтильникъ и ѱміамъ во время божественнаго возношенія.» Это свидѣтельство дополняется св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, который въ церковн. Иерархіи, гл. 3. говоритъ, что « священнодѣйствіе начиналось куреніемъ ѱміама предъ алтаремъ и во всемъ

(1) Handbuch der christlichen Archaeologie von Dr. C. W. Augusti. III B. Leipzig, 1836, in-8.

святилищѣ.» Первый примѣръ кадиланицы золотой (*θυμιαστήριον*, thuribulum) встрѣчаемъ у Еваргія Hist. eccles. VI, 21; но историкъ говоритъ объ ней, какъ уже объ извѣстной вещи. А Григорій Великій подтверждаетъ, что ни одинъ церковный обрядъ не обходится безъ куренія ладана и ѳуміама. По сему не справедливо сказаніе Платины въ жизни Сикста I и Полидора Виргилія, будто Левъ III первый ввелъ въ литургію куреніе ладаномъ.

По ученію Церкви, куреніе ѳуміама означаетъ не только восхожденіе усердныхъ молитвъ къ Богу, но и нисхожденіе благодати Духа Святаго, таинственно улаждающей души вѣрующихъ. «Кажденіемъ, говоритъ св. Симеонъ Солун. «святія мѣста и вещи чествуются, а предстоящіе освящаются.»

Нерѣдко этотъ сосудъ представляетъ подобіе одноглавой церкви, каково напр. кадило Препод. Никона въ Троицкой лаврѣ. Кадила, имѣющія видъ пятиглавой церкви, называются *Патріаршими*, потому что онѣ употреблялись при Патріаршихъ служеніяхъ.

Въ Никоновской Скрижали объяснено символическое значеніе всѣхъ частей кадила. Родъ ручныхъ кадиланицъ въ нѣкоторыхъ пустыняхъ и скитахъ извѣстенъ подъ именемъ *кацей*. (2)

Изображенныя же здѣсь кадила, серебряныя съ позолотою, состоятъ изъ двухъ полусферическихъ чашекъ, накрывающихъ одна другую. Верхъ ихъ увѣнчанъ церковною главой, на одной съ четвероконечнымъ, а на другой съ осмичастнымъ крестами. По ободку надпись вязью показываетъ, что онѣ устроены въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 1644 года.

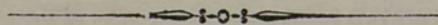
Сія кадила, такъ равно и серебряное блюдо, замѣчательное по изяществу работы и по старинѣ, принадлежатъ Московскому купцу Лаврову.

(2) «Каціи, или кадиланицы съ рукоятками введены въ употребленіе ради воспоминанія явленія въ нѣкоемъ общежитіи Ангела.» См. Истор. описаніе Глинской Богородицкой пустыни, сост. Н. Самойловымъ. 2 ч. Спб. 1836, 8. Но Е. Р. Ф. въ Исторіи Русской Церкви съ 988—1237 г. стр. 96, пр. 146, объясняетъ *кацею* кропильною чашею отъ чешск. сл. *кацати*, брызгать водою. Карамзинъ слова Кіев. Лѣтоп. «и кадиланицы двѣ и каца» читаетъ неправильно *какое*. Карамз. II. Г. Р. 11, пр. 296.

АЛАВАСТРЪ.

(Рисунокъ Омд. I. № 40.)

Это узкогорлый металлическій сосудъ, покрытый перламутровою чешуей, съ крестомъ на верху изъ драгоцѣнныхъ камней; алавастромъ онъ названъ отъ *ἀλβάστρον*, алебастръ и сосудъ изъ него для храненія аромать. По преданію, онъ представляетъ подобіе того самаго алавастра, изъ ко-его Марія Магдалина излила драгоцѣнное муро на ноги Иисусовы, какъ свидѣтельствуеть св. Евангелистъ Марко XIV, 3. Въ первые вѣка Русскаго Христіанства алавастръ съ муромъ присланъ изъ Греціи въ Кіевъ, откуда взятъ въ Москву. По древнему обычаю, при таинственномъ освященіи муръ въ Успенскомъ соборѣ, въ память общенія нашей отечественной Церкви съ Восточною, прибавляется изъ алавастра въ составъ муръ нѣсколько капель и пополняется новымъ, чтобы никогда не изсякалъ сей священный источникъ.



КОРОНКА НА ГВОЗДЬ ГОСПОДЕНЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 41.)

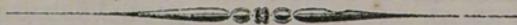
Среди святынь Московскаго Успенскаго собора находится гвоздь Господень въ серебряномъ чеканномъ ковчегѣ. Верхъ этого ковчега украшенъ золотою коронкой съ четвероконечнымъ крестомъ, усѣянною драгоценными камнями. На корпусѣ ея наведены эмалью четыре Херувима, а по ободку вычеканена надпись изъ церковныхъ Грузинскихъ письменъ, которую здѣсь передадимъ по объясненію Академика Броссе: « Царь всея Грузіи Давидъ, сынъ Русуданы, соорудилъ вѣдугище для святаго гвоздя. » (1) Г. Броссе почитаетъ сего Давида за Нарина-Давита, царствовавшего въ Грузіи съ 1237 по 1272 годъ. Но стиль самой коронки и письменъ, по видимому, относятся къ позднѣйшему времени, такъ какъ и ковчегъ, устроенный въ концѣ XVII вѣка Имеретинскимъ царемъ Арчиломъ сыномъ Вацанга IV.

Сей государь, нашедшій себѣ покровительство и пристанище у Русскаго Царя, привезъ въ Москву въ 1686 г. сію святыню, которая, по преданію, дарована была Грузіи первымъ ея христіанскимъ государемъ Миріаномъ, современникомъ Константина Великаго. До 1715 года гвоздь Господень хранился въ домовой его церкви. Когда же, по просьбѣ брата сво-

(1) Monographie georgienne de Moscou, par M. Brosset. 1838, à S. P. in-8.

его Георгія, Арчилъ послалъ его въ Грузію, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе : тогда губернаторъ, остановивъ ковчегъ съ св. гвоздемъ въ Казани, донесъ объ этомъ Императору Петру I. Государь повелѣлъ препроводить сію святыню въ Москву для храненія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(2) Заволяжскіи Муравей, Казань. 1833.



ЯШМОВЫЙ СОСУДЪ ДЛЯ ЦАРСКАГО МУРОПОМАЗАНІЯ.

(Рисунокъ Отд. 1. № 42, 43.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится яшмовый (сосюритовый) сосудъ съ поддономъ и крышкою изъ того же камня съ золотымъ вѣнцемъ и ободками, покрытыми прекрасною эмалью. На крышкѣ припаяна изъ золота съ эмалью змѣя, свившаяся кольцомъ, какъ символъ мудрости и здравія.

Повидимому, стиль и работа сосуда принадлежатъ новѣйшей эпохѣ художествъ.

Сколько замѣчательна эта утварь по цѣнности матеріала и по изяществу отдѣлки, столько почтенна по употребленію ея при вѣнчаніи на царство Государей Россійскихъ; ибо въ нее тогда вливаютъ священное миро, для ихъ помазанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ любителей отечественной старины, особенно г. Свиньинъ въ Картинахъ Россіи 1838 г. (1) выдавали яшмовый сосудъ за «крабійцу Августа Кесаря,» которую, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, прислалъ 1113 г. Греческій Императоръ Алексій Комнинъ къ Великому Князю Владимиру Мономаху съ царскою утварью. Сосудъ этотъ тѣмъ болѣе казался драгоценнымъ для державцевъ Русскія земли, что принадлежалъ Августу Кесарю Римскому, котораго они признавали родоначальникомъ

(1) Прежде его издатель Историч. Путеводителя по Москвѣ, 1827 г. 1.

Рюрика. (2) Въ духовныхъ же грамотахъ Великихъ Князей, начиная отъ сына Калиты Іоанна I до Василья II, (3) упомянута *сердошичная* и *сердолшная* *коробка*, *кованая золотомъ*, которая переходила въ наслѣдство къ старшему сыну. Вѣроятно, это была таже самая сердоликовая крабѣя, изъ коей, по словамъ нашихъ лѣтописей, «весеяшеса Августъ Кесарь.» При этомъ надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ Византійскихъ Императоровъ присвоивали себѣ титулъ Августовъ и Кесарей. Чтожъ касается до слова *крабѣя*, *крабѣца*, то оно встрѣчается намъ и въ Чешскомъ языкѣ: *krabice*, *krabia* отъ *krabaty*, вогнутый, выдолбленный, *scrinium*, скринка, коробочка, ковчежець. (4) Подобное названіе могло быть дано въ древности сосуду, высѣченному изъ драгоценнаго камня. Въ описяхъ Оружейной Палаты XVII вѣка между посудою или судами упоминается и *крабѣца*.

Посмотримъ теперъ, съ какого времени она появляется при муропомазаніи Государей Россійскихъ.

Послѣ перваго торжественнаго вѣнчанія на царство юнаго Димитрія, въ 1498 году, державный его дѣдъ Іоаннъ III подарилъ ему на пиршествѣ *сердоликовую крабѣю Августа Кесаря*. Изъ словъ Ростовскаго лѣтописца не видно, чтобы Димитрій принялъ помазаніе муромъ при вѣнчаніи и чтобы Августовъ сосудъ употребленъ былъ при этомъ св. обрядѣ, хотя въ рѣчи своей къ вѣнчанному на царство отроку Всероссійскій Митрополитъ Симонъ сказалъ: «да сподобитъ его Богъ помазатися елеемъ радости.» При вѣнчаніи на царство Василія III и Іоанна IV современные имъ лѣтописцы не упоминаютъ ни объ Августовой крабѣи, ни о муропомазаніи, о коемъ свидѣтельствуесть только новая рукописная Степенная книга. (5) Но вѣроятно, чинъ сего священнодѣйствія показался недостаточнымъ; потому что Царь Іоаннъ Васильевичъ, по свидѣтельству Курбскаго, посылалъ къ Цареградскому Патріарху Соловецкаго инока Феодора просить чина Царскаго вѣнчанія. Первый изъ Царей Русскихъ, сколько намъ извѣстно, Феодоръ I удостоенъ сего освященія; но въ чинѣ его вѣнчанія не сказано, изъ какого именно сосуда онъ былъ помазанъ св. муромъ, хотя всѣ принадлежности сего обряда, по обыкновению, исчислены подробно.

(2) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Спб. 1793. — Собраніе Госуд. грам. I 303 и 599.

(3) Древн. Росс. Вивліоѣнка, I, 423.

(4) *Slowic česko.-německuj. Jungmanna. w Praze, 1836.*

(5) *Карамз. II. Г. Р. VIII, пр. 161.*

Пересмотримъ чины вѣнчанія послѣдующихъ Царей, не встрѣтится ли эта крабѣя при ихъ муропомазаніи. Для помазанія Царей: Михаила Ѳеодоровича въ 1613 г. принесли Архіепископы и Епископы великое и святое муро на *златомъ блюдѣ*; (6) а для Алексія Михайловича въ 1645 г. *склянный Вещейскій драгій сосудъ*. (7) Изъ дѣлъ придворнаго Архива узнаемъ, что въ 1682 году къ коронаціи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей велѣно было передать изъ мастерской Оружейной Палаты въ Успенскій соборъ для муропомазанія *розольникъ*, а въ самомъ описаніи ихъ вѣнчанія на царство сказано, что: «великое, святое и пречистое муро принесено Архіереями «на златомъ блюдѣ въ *хрустальномъ драгомъ сосудѣ*:» слѣдовательно этотъ розольникъ былъ хрустальный, а не сердоликовой и не яшмовой. (8) Изъ чина коронаванія Императрицы Екатерины I, въ 1724 г., видимъ только, что св. муро подано на блюдѣ въ *собственномъ сосудѣ*, т. е. назначенномъ для сего священнаго дѣйствія. Наконецъ въ описаніи коронаціи Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. является описываемый нами яшмовый сосудъ, коего и рисунокъ приложенъ къ книгѣ, гдѣ онъ названъ *нарочнымъ къ тому дѣлу драгимъ сосудомъ*, а въ церемоніалѣ коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны 1742 г. *нарочно къ тому приготовленнымъ драгимъ яшмовымъ, пребогато золотомъ и преизрядно финифтью съ рѣзною работою украшеннымъ*, и даже въ чинѣ дѣйствія коронаванія Императора Александра I, 1801 г.—*драгоценнымъ сосудомъ, для сего великаго дѣла нарочно устроеннымъ*. Слова: *собственный, нарочный и нарочно приготовленный къ тому*—не значать ли, что этотъ сосудъ былъ въ началѣ XVIII вѣка устроенъ и назначенъ для муропомазанія? Потомъ въ обзорѣни достопамятностей Успенскаго собора, Протоіерея его А. Левшина, 1783 г., читаемъ: «Сосудъ яшмовый и съ покрывшкою, изъ котораго благо- «честивѣйшихъ Государей помазуютъ муромъ; по верхъ той крышки змѣйка «золотая съ финифтомъ высокой работы.»

Нигдѣ доселѣ въ официальныхъ извѣстіяхъ не сказано, чтобы это была *Августова крабѣя*, которую лѣтописи и грамоты называютъ *сердолицною, сердолицною, сердоликовою*, и нигдѣ не встрѣчается подтвержденій мнѣнію, что яшмовый сосудъ, съ начала XVIII вѣка, употребляющійся при муро-

(6) Рукопись: Вѣнчаніе на царство Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича 7121 г. N 82, въ 4 въ Главн. Архивѣ М. И. Д.

(7) Древн. Росс. Вивліотека, VII. 463.

(8) тамъ же.

помазаніи Государей, была Августова утварь. За подлинно также неизвѣстно, куда дѣлась Августова крабійца сердоничная. Не утратилась ли она въ нашествіе Поляковъ, или не перешла ли, по завѣщанію или сдѣлкамъ Московскихъ державцевъ, къ Рязанскимъ Князьямъ?

При этомъ не лзя оставить безъ вниманія одной сердоликовой чаши въ собраніи антиковъ Графа С. Г. Строганова; она получена изъ Рязанской губерніи, гдѣ, еще 1822 года, въ старой Рязани найдены древнія Княжескія утвари, теперь хранящіяся въ Оружейной Палатѣ и стилемъ своимъ сходныя съ означенною чашей (9). Можетъ статься, и она принадлежала къ числу этихъ утварей.

Сосудъ этотъ изъ цѣльнаго сердолика, оправленъ въ золото; его золотый поддонъ, украшенный сканью и венисами въ гнѣздахъ, или оправкахъ, походитъ фигурою своею на Мономахову шапку. На *пузь* (корпусъ) его наведены посредствомъ инкрустаціи золотыя полосы, однѣ пересѣкаемыя другими; по мѣстамъ насажены рубиновыя искорки въ золотыхъ репьяхъ. Подъ вѣнчикомъ наведены золотомъ слѣдующія слова, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ: ✠ В В П Δ К Θ Т Ξ Η.

Основываясь на предположеніи Графа Строганова, подтвержденномъ г-мъ Газе, предлагаемъ объясненіе сихъ монограммъ:

В. В. Βασιλεὺς βασιλέων, Царь Царей. Это титуло Византійскихъ Императоровъ часто встрѣчается на легендахъ, такъ какъ *Π Δ πορφυρογέννητος Δεσπότης*, Порфирородный Владыка.

К. Θ. Κωνσταντίνος Θεοφίλου, или Θέκλα.

Этотъ Константинъ, по мнѣнію однихъ, былъ сынъ, а по другимъ, внукъ Теофила иконоборца и Теодоры, поборницы иконопоклоненія. На монетахъ 856 года онъ изображается вмѣстѣ съ Михаиломъ III, который, по свидѣтельству Льва Грамматика, имѣлъ его отъ Евдоксіи Пафлагонянки. Въ числѣ Византійскихъ монетъ одна представляетъ Михаила и Константина на обратной сторонѣ, а Теофила на лицевой, тогда когда уже сего послѣдняго не было въ живыхъ. И такъ, ежели Θ читать *Θεοφίλου*: то выдетъ, что Константинъ былъ Теофиловъ сынъ или внукъ (*ἑγγόνος, ἀπόγονος* или *υἱός*), или въ буквальномъ переводѣ: боголюбезный и благочестивый—титуло Государей. Но какъ у Теофила была дочь Теокла, которая, и по заключеніи ея матери св. Теодоры и сестрѣ въ монастырь, признана была Августою и участвовала

(9) Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи К. Калайдовича. М. 1823. въ 8.

въ правленіи : то могло статья, что Θ начальная буква означала ея имя. Смутная эпоха этого правленія продолжалась отъ 859 до 866 года (10) т. е. до начала царствованія Василя I Македонянина, современника нашему Варяго-Руссу Рюрику. (11) Потомъ, ежели принять, согласно съ мнѣніемъ Графа Строганова, остальные три буквы (съ черточкой вверху) надписи $T\Xi H$ за цифры 368 : то, подразумѣвая 6000, выдетъ, что утварь сія относится къ 860 году, когда жили Θεодора, Константинъ и Θεκλα.

Соображая всѣ сіи обстоятельства, приходишь къ догадкѣ, не есть ли этотъ сердоликовый сосудъ та самая сердоликовая Августова крабія, или сердоличная коробка, о коей упоминають наши лѣтописи и грамоты.

(10) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par F. de Sauley. Metz. 1836, in-8.

(11) Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, von P. Krug, S. P. 1810, in-8.

НОВГОРОДСКАЯ БРАТИНА.

(Рисунокъ Омд. I. № 44, 45.)

Братиной названъ въ надписи на эстампѣ, у Кешпена кратиромъ (*κρατήρ*) (1) этотъ серебряный вызолоченный сосудъ съ двумя ручками, болѣе похожій на стопу, или достоканъ, какіе употреблялись для почерпанія Богоявленной воды ; (2) потому что братина собственно была круглый, кубовастый сосудъ, сходный съ горшкомъ. Иногда принимался онъ за извѣстную мѣру жидкихъ тѣлъ, (которая была менѣе стопы), ставился на монастырскихъ и святительскихъ трапезахъ, служилъ тамъ чашей. Общія, братскія, круговыя чаши, подъ именемъ *богородичныхъ*, или *Пречистыя, трапезныхъ, тропарныхъ, задравныхъ* и т. д. предлагались присутствовавшимъ по очередно и переходили изъ рукъ въ руки. Чаша Пречистыя съ виномъ или медомъ подаваема была на царскихъ, святительскихъ и монастырскихъ столахъ въ честь и славу Пречистыя Богородицы, преимущественно въ праздники Богородичныя ; *тропарною* она именовалась отъ пѣнія тропарей въ продолженіи сего дѣйствія. Св. Θεодосіи Печерскій позволялъ въ монастырѣ своемъ три чаши тропарныя, одну во славу І. Христа, другую въ честь Пречистыя Богородицы, а третью за здравіе Князя. Последнюю Византійскіе историки называютъ *Σδράβιτζα, здравницею, задравною чашею*. (3) За Царскими столами, въ Москвѣ,

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М. 1822, въ 8.

(2) Въ Уставѣ Москов. Патр.; « Въ навечеріи Богоявленія изъ кратира самъ Патріархъ трижды причастился воды и Государю подавалъ. » *Древн. Росс. Вивліов. VI, 159.*

(3) *Scyphus meo plenus. Manuel. Matal. in Chron. M. S. p. 629.*

Патріархъ, при чтеніи канонарха, дѣйствовалъ надъ чашею Пречистыя. (4) И такъ Новгородскій кратиръ, вѣроятно, служилъ такою чашею или употребляемъ былъ для почерпанія св. воды.

Литохромированный здѣсь кратиръ, въ половину натуральной величины, замѣчательнъ по искусству, особенной замысловатости и красоты обронной работы. Въ первомъ мѣстѣ, на внѣшнихъ разграненныхъ стѣнкахъ, представляются изображенія І. Христа, одною рукой благословляющаго, а въ другой держащаго Евангеліе, потомъ Богоматери съ простертыми въ моленіи дланями, далѣе ѿ агноска Петръ съ жезломъ и свиткомъ въ рукѣ, и агна Варкара и и агна Настасіа съ крестами въ рукахъ. Величина фигуръ не превышаетъ шесть головъ. Вокругъ ихъ размѣщены чеканные узоры въ Византійскомъ вкусѣ, состоящіе изъ птицъ и переплетенныхъ между собою листьевъ и цвѣтовъ. Верхъ поддона обнимаетъ бафть изъ чеканныхъ костей. По ободку, или вѣнчику простирается надпись, которую мы предлагаемъ по снимку г. Солнцева : **ПІИТЕ ИЗ НЕА ВСІ, СЕ ІЕСТЬ КРЪВЬ МОА НОВГО ЗАБѢТА; ПОТОМЪ НА ПОДДОНѢ : ✠ СЗ СХСЪДАХ ПЕТРОВА.**

Судя по первой надписи, сосудъ этотъ долженъ быть служебнымъ потиромъ (*ποτήριον ἄγιον, μυστικόν*); но самая его форма и названіе показываютъ другое его назначеніе въ священнодѣйствіи, именно то, какое имѣли кратиры. Вѣроятно, малограмотный художникъ снялъ надпись съ какого нибудь древняго потира, на коихъ обыкновенно она изображается; но не забылъ начертать свое имя на днѣ сосуда въ слѣдующей употребительной формулѣ : **ГІѢ ПОМОЗИ РАВОУ СВОЕМУ КОНСТАНТИНУ. КОГДА ДѢЛАЛХ. АМИНЬ.**

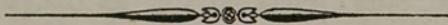
Чтожъ касается до вкладчика Петрова, то намъ не извѣстно его историческое значеніе : о соименномъ же и современномъ ему гостѣ Петровѣ упоминаетъ Нижегородская лѣтопись, въ XV вѣкѣ, что « не было больше « его изъ гостей, что онъ своею казною откупилъ множество плѣнныхъ, « пріобрѣлъ себѣ покупкою вотчины у В. Князя за Кудмою рѣкою, на « рѣчкѣ на Сундованѣ шесть сель; потомъ переселился въ Москву. » (5) Одно ли это лице, или разныя, рѣшить не можемъ. Изображенные на кратирѣ Святые, безъ сомнѣнія, имѣютъ отношеніе къ семейству соорудителя

(4) Древняя Росс. Вивлюэика, XI, 183 и 85.

(5) Карамз. II. Г. Р. V, пр. 45.

сей утвари; потому что вкладчики не рѣдко на утваряхъ церковныхъ и иконахъ изображали лики тезоименитыхъ себѣ Святыхъ. Хотя въ соборной описи и сказано, что кратиръ сдѣланъ тщаніемъ Архіепископа Евфимія; но неизвѣстно, котораго: Евфимія ли, по прозванію *брадатаго*, съ 1423 по 1429 г. или Евфимія *святаго*, съ 1429 по 1458 годъ; самая на сосудѣ надпись ничего объ этомъ не говоритъ. Другой подобный сему кратиръ пожертвованъ Петриловымъ и женою его Варварою, а дѣланъ Оѣроломъ Бра-тиловымъ, какъ значится въ самой надписи. И такъ два еще доселѣ неизвѣстныя имени Константина и Флора должны быть внесены въ списокъ Русскихъ художниковъ, гдѣ занимаютъ почетное мѣсто Козьма, Парамша, Шишка, Макаръ и проч.

Письмена на обоихъ сосудахъ сходны между собою, но на послѣднемъ нѣтъ уже буквы ІЕ, встрѣчающейся на первомъ; вмѣсто буквы О и Е, употребленъ Ъ.



НОВГОРОДСКАЯ ЛАМПАДА.

(Рисунокъ Омд. I. № 46, 47.)

Такъ называемая *лампада Великаго Князя Владимира*, или *свѣчка Великаго Новгорода* хранится въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго собора ; въ описи его сказано : « лампада большая, мѣдная, Греческая, сквозная, на верхнемъ обручѣ и вокругъ образа рѣзные Херсонскіе.» Объ ней мимоходомъ упоминаютъ Кешень въ спискѣ Русскихъ Памятниковъ и Аделунгъ въ сочиненіи о Корсунскихъ вратахъ.

Внѣшность ея заслуживаетъ вниманіе по художественнымъ орнаментамъ и лицамъ историческимъ.

Обручи или ободы съ поддонами двухъ ярусовъ этого паникадила украшены искусною сквозною рѣзью, которая изображаетъ, между лиліями и узорами, Деисуса съ предстоящими ему двумя Архангелами, Апостолами Петромъ и Павломъ, и другими Святыми ; въ числѣ ихъ находятся св. Петръ (Петра), св. Василій, два Саввы и Сергій, какъ можно видѣть изъ Славянскихъ надписей у Святыхъ на хартіяхъ, разобранныхъ Г. Солнцевымъ. На верхнемъ и нижнемъ обручахъ вычеканены, въ коймахъ, крылатые центавры съ такими жъ скипетрами и державами, какіе у Архангеловъ; на поддонахъ шестокрылые Херувимы и также центавры.

Подобное смѣшеніе предметовъ христіанскихъ съ языческими, какъ прежде замѣтили мы, допускалось на многихъ памятникахъ не только за-

падной, но и восточной Церкви. Чтожъ касается до стили сего паникадила, то онъ ближе къ готическому и ломбардскому, хотя и слыветь, подобно другимъ древнимъ памятникамъ искусства въ Россіи, *Корсуискимъ*; можетъ быть, это паникадило сдѣлано подъ вліяніемъ Ганзейскихъ художниковъ.

Кромѣ церковной описи 1804 года, въ письменныхъ памятникахъ не находится свидѣтельствъ, а самая лампада не представляетъ достовѣрныхъ признаковъ, по коимъ можно бы отнести ее ко времени св. Владимира. По недостатку данныхъ, обратимся къ именамъ Святыхъ, здѣсь изображенныхъ, которыя не рѣдко способствуютъ къ приблизительному опредѣленію вѣка и значенія художественныхъ памятниковъ. Между ними замѣтили мы св. Петра въ святительскомъ облаченіи, а Сергія въ одеждѣ преподобнической. Ежели первый не Епископъ Севастійскій, братъ св. Василя Великаго и Григорія Нисскаго, ежели не одинъ изъ Епископовъ Никійскихъ, или Александрійскихъ III вѣка, то долженъ быть св. Петръ Митрополитъ Всероссійскій, прославленный отечественною Церковію въ XIV вѣкѣ. Въ мѣсяцословѣ также не одинъ Преподобный Сергій; ибо Марта 20 празднуется память Преподобнаго Сергія, убиеннаго въ обители св. Саввы отъ Сарацынъ въ VIII вѣкѣ; Юня 28 Препод. Сергія Валаамскаго XV вѣка; Юля 5 Препод. Сергія Радонежскаго, котораго св. мощи открыты въ 1427 году. Принявъ святителя за Севастійскаго или Никійскаго Епископа мы поставимъ преданіе на нѣкоторую степень вѣроятности; признавъ же за Преподоб. Сергія одного изъ двухъ послѣднихъ, изображенныхъ на лампадѣ, находимъ преданіе не основательнымъ и должны отнести этотъ памятникъ не ко времени св. Владимира, но къ началу или половинѣ XV вѣка. Тогда уже Великій Новгородъ чествовалъ новоявленныхъ Святыхъ отечественной Церкви, Петра Митрополита и Преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Валаамскаго; въ 1414 году во имя перваго сооружена была каменная церковь на вратахъ у святой Софіи. (1)

Самое же названіе Софійской лампы *свѣчкою Великаго Новгорода* даетъ поводъ предполагать, что она была обѣтнымъ его приношеніемъ дому святой Софіи въ память какого либо важнаго событія. Священнымъ же именемъ Владимира преданіе запечатлѣло какъ этотъ, такъ и другіе памятники храмоваго художества, въ знакъ народнаго благоговѣнія къ Равноапо-

(1) Новгородская III лѣтопись.

стольному Князю. Могло случиться, что лампадѣ присвоено названіе Владимировой потому, что она посвящена была Новгородомъ гробу св. благовѣрнаго Князя Владимира Ярославича, въ Софійскомъ соборѣ; ибо самыя граматы, лѣтописи и преданія не рѣдко смѣшиваютъ имена сего Владимира и Владимира Мономаха съ Равноапостольнымъ Владимиромъ.



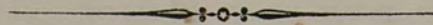
ЖЕЛѢЗНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 48.)

Когда, по прибытіи въ Новгородъ Архіепископа Пимена, въ 1558 году, открыты были св. мощи Епископа Новгородскаго Никиты, которыя скрывала могила 450 лѣтъ: тогда Новгородцы, благоговѣйные къ его памяти, устроили къ гробу его желѣзную лампаду, или такъ названную свѣчу. По формѣ своей и знаменованію тверди, она сходствуетъ съ древними хоросами, (соγονæ, siguli), (2) какіе употреблялись въ церквахъ и вѣшаемы были предъ св. иконами и мощами; также называется *кандиломъ* (κανδῆλα, candelæ, candelabrum), а отъ многихъ свѣчъ — *поликандиломъ*, или *паникадиломъ*, которое вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 12 свѣчъ, и тѣмъ разнится отъ перваго. Въ круговой прорѣзной надписи на ней изображено узловатыми вызолоченными словами: Свѣча великаго Новгорода крѣхъ православныхъ хрестыанъ поставлена номомъ чюдотворца Никитѣ а лѣто 3335 апрѣла въ а день, при Архіепископѣ Пименѣ.

(1) Новгородскія Губерн. Вѣдомости, 1848, N 9.

(2) Григоровича Барскаго путешествіе ко св. мѣстамъ, стр. 521.

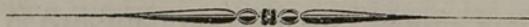


СЕРЕБРЯНАЯ ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 49, 50, 51, 52.)

О значеніи дарохранильницъ, или правильнѣе сказать, Сіоновъ и Іерусалимовъ, упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ о подобныхъ утваряхъ въ соборныхъ церквахъ Новгорода и Москвы. Чтожъ касается до древности этого Новгородскаго Сіона, то, кромѣ стilia чеканной и рѣзной работы, ни надписи, ни мѣстныхъ описи, ни преданія ничего о немъ не сообщаютъ. На кровлѣ его вычеканены поясныя изображенія Деисуса: т. е. Спасителя, съ девятью чинами, въ вѣнцѣ, одною рукой благословляющаго двуперстнымъ сложеніемъ, а въ другой держащаго Евангеліе; Богоматери и Предтечи въ моленіи; Архангеловъ Михаила и Гавріила съ жезлами въ рукѣ и „о агію бланіи“, (Василія) въ фелони и омофорѣ. Если это дѣйствительно св. Василій Великій: то онъ помѣщенъ здѣсь, какъ составитель Литургіи, или какъ тезоименитый св. Василю Архіепископу Новгородскому, который устроилъ въ Софійскомъ соборѣ мѣдныя, вызолоченныя двери и въ 1338 г. велѣлъ Гречину Исаакію росписать каменную церковь Входъ во Іерусалимъ. На корпусѣ этого Іерусалима вычеканены во весь ростъ св. Евангелисты Лука, Іоаннъ, Матѣй и Марко въ одинакихъ одеждахъ, съ Евангеліями въ рукахъ, а другіе семь Апостоловъ съ свитками, только Петръ съ тремя ключами въ одной рукѣ, а въ другой съ жезломъ, который увѣнчанъ крестомъ, утвержденнымъ на полумѣсяцѣ. Очевидно, что художникъ въ изображеніи лицъ подражалъ Византійскимъ образцамъ; самыя надписи, начертанныя от-

вѣсно, состоятъ изъ смѣси греческихъ буквъ съ славянскими, напр. о Агиос Петрос о Агиос Павль, *Іω προδρο* т. е. *Ιωάννης προδρομος*, Іоаннъ Предтеча. При нѣкоторыхъ поставлены въ концѣ четыре точки, крестообразно расположенныя, и змѣвидная фигура. Столбики, или правильнѣе, полуколонки, служащія опорами полукруглымъ теремкамъ, такъ равно и другія вычурныя украшенія носятъ на себѣ печать Византійскаго стиля и сходствуютъ съ подобными памятниками XV и XVI вѣковъ. Четвероконечный крестъ, осѣняющій верхъ этого Сіона, имѣетъ на концахъ репы и шесть яблочь; онъ утверждается на стоянцѣ, или подсвѣчникѣ съ Херувимами.



ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Огд. I. № 53.)

Дарохранительница сія серебряная, вызолоченная, формою своей сходствуетъ съ подобною утварью, описанною подъ N 49; но разнится тѣмъ, что на верху ея, образа замѣняются репейками изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Между столбиками нѣтъ перегородокъ и дверцы, какія находятся на первой. На исподней части купола вырѣзанъ четвероконечный крестъ съ изображеніемъ Спасителя на средокрестіи; на концахъ его четыре репейка; на полѣ означенъ вѣсъ: 15 *гривенокъ*. Хотя утварь сія, находящаяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, попорчена и мѣстами передѣлана; но еще сохраняетъ типъ своей древности, по видимому, восходящей до XV столѣтія.



ПАНАГІЯ АРТОСНАЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 54, 55, 56, 57, 58.)

Утварь сія названа въ надписи на рисунокѣ и въ соборной описи, какъ увидимъ, *артосною*. Артось (*ἄρτος*, квасной хлѣбъ), особенною молитвою освященный въ день св. Пасхи, раздается народу въ субботу на свѣтлой седмицѣ; (1) но хлѣбъ, влагаемый въ панагію, есть богородичный. Чтожъ касается до *Панагій*, *панѣи*, или всесвятой, пресвятой, т. е. Богородицы, то подъ ея названіемъ разумѣется не только троеугольная частица благословеннаго хлѣба, посвященная имени Пречистыя и Пресвятыя Богородицы, но и складный раковинообразный ковчежець, вмѣщавшій въ себѣ сію частицу (*παναγίαριον*, *сівогіум*), какой здѣсь изображенъ. За столомъ она возносилась съ молитвословіемъ и, по раздробленіи ея, вкушаема была присутствовавшими. Для такого дѣйствія въ Уставѣ церковномъ положенъ особенный чинъ, (2) донинѣ исполняемый въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и пустыняхъ. При Византійскомъ дворѣ, какъ свидѣтельствуемъ намъ Козинъ, этотъ обрядъ былъ торжественнѣйшій. « По снятіи кушанья со стола, » говоритъ онъ, « когда Доместикъ приносить хлѣбъ въ панагіарѣ (на блюдѣ, покрытомъ « пеленою, съ изображеніемъ Пресвят. Богородицы), тогда Императоръ

(1) см. Послѣдованіе Артоса въ Пентикостаріи въ Тріодѣ цвѣтвой, л. 15 и 16.

(2) Чинъ возношенія Панагій въ Слѣдованной Псалтыри.

« встаетъ ; потомъ первѣйшій изъ сидящихъ за столомъ, принявъ панагі-
 « аръ, ставитъ его на трапезу, и возвысивъ хлѣбъ, подаетъ его чрезъ До-
 « местика Императору. Какъ только Императоръ приложитъ къ устамъ
 « этотъ хлѣбъ, всѣ возглашаютъ ему *многая лета.* » (3) Подражаніе этому
 обряду встрѣчаемъ и при Россійскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи. Такъ
 на родильные Царскіе столы несли предъ Патріархомъ панагіаръ, на ко-
 емъ онъ возносилъ богородичный хлѣбъ по уставу. (4) Хлѣбъ сей возвы-
 шаемъ былъ не только за трапезою, какъ значится изъ толкованія Сумеона
 Солунскаго, но и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, если кто « хо-
 « четъ отъйти на службу, или въ путь шествовати, или по водамъ плавати,
 « во всѣхъ нашихъ требахъ и обстояніяхъ помощницу твою и хранитель-
 « ницу сущую твердѣйшую призываемъ и множайшую получаемъ отъ воз-
 « ношенія хлѣба сего помощь. » (5) О значеніи, данномъ въ послѣдствіи
 панагіи, какъ высокому отличію Духовенства, сказано въ своемъ мѣстѣ. (4)
 Панагія же, вмѣщавшая богородичный хлѣбъ, для различія отъ наперсной,
 именовалась *столовою, трапезною, иногда артосною, ἀρτοφορίον*, принимая
 Артось въ общемъ его знаменованіи. Изображенная здѣсь на рисун-
 кѣ въ церковной описи Новгородскаго Софійскаго собора 1804 года
 такъ обозначена : « Подъ N 875 панагія артосная, серебряная, золоченая,
 « внутри вырѣзана Троица съ Воплощеніемъ, на верху крышки въ кругѣ
 « Вознесеніе вольячатое, т. е. литое. По краямъ скань золочена, а подъ
 « панагіею четыре Ангела литые, золоченые, поддонъ на литыхъ львахъ
 « поддѣланъ мѣдью, мѣстами поломано ; въсу въ ней съ мѣдью одиннад-
 « цать фунтовъ. » Воплощеніемъ въ описи названъ образъ Богоматери съ
 предвѣчнымъ Младенцемъ, обыкновенно именуемый Знаменіемъ Пресвятыя
 Богородицы ; вокругъ ея по краямъ вырѣзанъ прмось : *Честнѣйшѣю херу-
 вимъ и славнѣйшѣю во истиннѣ сердимъ, безъ истлѣннѣ Бога слова рожд-
 шѣю, сѣрдѣю Бѣѣ тѣ величлемъ.* Складной ковчегъ влагается сверху въ сто-
 янецъ, поддерживаемый съ четырехъ сторонъ четырьмя литыми Ангелами;
 они попираютъ львовъ, которые, одинъ у другаго держа въ зубахъ хвостъ,
 такимъ образомъ соединяются. Изъ этой купы фигуръ слагается цѣлое—сто-

(3) *Codinus de officiis Curiae et Ecclesiae Constantinop.* VII, 23.

(4) см. ниже о панагіяхъ Патріаршихъ.

(5) Древняя Росс. Вивліоенка, XI, 183 и 87

(6) Новая Скрижаль. изд. 4, М. 1816, въ 4.

янецъ для панагіи. Круглый поддонъ по верхнему ободку увѣнчанъ фризомъ изъ цвѣтовъ.

О времени и мѣстѣ сооруженія этой панагіи, равно и о соорудителѣ свидѣтельствуемъ намъ самая на ней надпись :

✠ Къ лѣто 5 ное. д. сотное. мѣ дѣ (7) индикта дѣ мѣдѣ семѣбрѣ дѣ днѣ на възвиженѣ чѣнаго крѣта створена высть панага си. повелѣнѣемъ пресѣцнго Архипѣпа великогѣ Новагорода влѣци ѿ ѿдмниа при великомъ кнѣзѣ Васильѣ Васильевичѣ всеа Руси. при кнѣзѣ Юрьѣ Лодгвѣевичѣ. при посадникѣ великогѣ Новагорода Борисѣ Юрьевичѣ. при тысяцкомъ Дмитреѣ Васильевичѣ. ѿ мастера Иваня Арпиза.

Здѣсь намъ представляются власти духовная и гражданская великаго Новгорода: Великій Князь, Новгородскій Князь, Посадникъ, Тысяцкой и, сверхъ того, самый мастеръ.

Не касаясь В. К. Василя Темнаго, довольно извѣстнаго изъ отечественной Исторіи, скажемъ о прочихъ лицахъ, по ближайшему ихъ отношенію къ Исторіи Великаго Новгорода и къ одному изъ памятниковъ его художества.

Литовскій Князь Юрій Семеновичъ, Лугвѣевичъ, или Лугвѣевъ съ женою своею переѣхалъ въ Новгородъ 1433 года. Пробывъ тамъ около семи лѣтъ, онъ отправился въ Литву, гдѣ Великій Князь Казимиръ Ягайловичъ далъ ему свою отчину: Мстиславль, Крачевъ и другія волости. « Онъ же « возгордясъ, засяде Смоленскъ и Полотескъ и Витепскъ, и бяше ему не « полезно, и людемъ мятежъ велій и брань; » по сему онъ того же лѣта удалился въ Москву. (8)

Въ Исторіи Новгорода Евфимій II достопамятенъ не только архипастырскими подвигами, но и сооруженіемъ многихъ каменныхъ церквей и палатъ, поставленіемъ звонящихъ часовъ. По свидѣтельству I Софійскаго лѣтописца, « онъ устрои сосуды церковные служебные и иные сосуды на потребу « церквей. » Къ этому числу отнести можно и описываемую нами панагію, которая показываетъ, на какой степени стояло художество въ добровольномъ Новгородѣ подъ вліяніемъ Ганзейскихъ мастеровъ. Этотъ Архіепископъ, причтенный къ лику Святыхъ, правилъ Епархіей Новгородскою съ 1429 по 1458 годъ.

(7) (6944 — 1436)

(8) Татищева Истор. Росс. Спб. 1784, IV, 540, 540 и 41.

Новгородскій Посадникъ Борисъ Юрьевичъ встрѣчается и въ Новгородскомъ лѣтописцѣ. (9) Имя его на панагіи служитъ къ опредѣленію времени, когда онъ занималъ эту должность.

Дмитрій Васильевичъ, какъ Тысяцкой, т. е. военачальникъ въ городѣ, занималъ второе мѣсто послѣ Посадника, какъ Намѣстника.

Наконецъ мастеръ Иванъ Арипъ, дотолѣ нигдѣ не попадавшійся намъ въ письменныхъ памятникахъ, долженъ быть иностранецъ, одинъ изъ Ганзейскихъ мастеровъ. У Дюканжа въ Словарѣ среднелатин. *Agripus* значитъ сабля. Но имя это встрѣчается намъ и въ половинѣ XVIII столѣтія. Такъ называемая Запорожская Библия въ 1743 году обдѣлана и украшена золотыхъ дѣлъ мастеромъ Арипомъ. Если онъ былъ потомокъ Новгородскаго «Арипа, жившаго предъ нимъ за три вѣка, какъ замѣчаетъ Академикъ Кепенъ, то можетъ статься, что, въ продолженіе всего этого времени, мастерство переходило отъ отца къ сыну и тогда у насъ встрѣчаемъ мы нѣкоторымъ образомъ тоже, что иностранцы называютъ *Künstlerfamilien.*» Какъ I Новгородская лѣтопись упоминаетъ о Нѣмецкихъ и Новгородскихъ мастерахъ, которые приводили въ исполненіе благочестивыя желанія Владыки Новгородскаго: то къ числу первыхъ принадлежалъ и Арипъ, современникъ Олора Братилова и Константина, золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

(9) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М., 1822, въ 8.

СТАРИННЫЯ ЛАМПАДЫ,

КАЛИТА И ТРУБА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисунокъ Омд. I. № 59.)

Первыя хранятся въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ уѣзднаго города Александра, а остальные въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова.

Лампады сии изъ мѣди и серебра, разной формы, какъ значится на рисункѣ; кромѣ стили и преданія, ничто не опредѣляетъ ихъ древности.

Калита, давшая прозваніе Великому Князю Московскому Іоанну I, есть слово татарское, значущее суму, кошелекъ на поясѣ; оно встрѣчается въ духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей. (1) Калита Іоанна IV устроена изъ красной камки съ серебряными вызолочеными бляшками. Сходный съ нею кошелекъ находится въ собраніи древностей у П. О. Карабанова. По видимому, набожный Царь оставилъ эту калиту на память въ любимой имъ Псково-Печерской обители, которой не могъ взять Стефанъ Баторій и которая многократно и доблѣственно выдерживала сильныя нападенія и осады Лифляндскихъ рыцарей. (2)

Мѣдная вызолоченая труба, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ трофеевъ войны Русскихъ съ Лифляндцами и Поляками. На краяхъ ея вырѣзана слѣд. надпись: HANNS HUPSCMAN NURMKEK. 16. V. T. 45.

(1) см. Собраніе Государств. грамотъ, I, N 34 «поясъ золотъ съ калитою.»

(2) Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. Египія. ч. I, Кіевъ, 1831, въ 12.

С І О Н Ы.

(Рисунокъ Отд. I. № 60.)

Сіонами, или церковными Іерусалимами назывались ковчеги, имѣющіе подобіе церкви. Происхождение и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно. Въ лѣтописи читаемъ, что въ 1160 году Суздальскій Князь Андрей Боголюбскій во Владимирскій соборъ устроилъ церковный златый Іерусалимъ, украшенный драгоценными камнями. (1) Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владимира и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время Архіерейскаго служенія, на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ, вмѣсто митры, (2) также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ. (3) Наконецъ въ древнихъ требникахъ Римско-Католической Церкви, между прочими утварями упоминается Сіонъ (Sion, Sium), который носилъ Епископъ, вмѣсто знамени. (4) Въ пѣснопѣніяхъ Восточной православной Церкви Сіонъ иногда принимается въ смыслѣ Іерусалимской Церкви, какъ напр. въ стихирахъ 8 гласа: « Радуйся, Сіоне святыи. » По сему такой ковчегъ называется въ старыхъ описяхъ то *Сіономъ*, то *Іерусалимомъ*. Самая Церковь

(1) Карамз. II. Г. Р. III, пр. 27.

(2) Описаніе Новгор. Соф. собора въ *Новгор. Губ. Вѣдом.* 1848, N. 9.

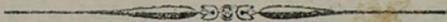
(3) Древн. Росс. Вивліюника. т. X, 169.

(4) *Ducangii Glossarium med. et inf. Latinitatis*, v. *Sion*.

ковъ ; вѣсу въ немъ 11 ф. 67 зол. Четыре стороны этой церкви украшены чеканными ликами І. Христа съ Богоматерью и Предтечею, четырехъ Евангелистовъ и Апостоловъ Петра, Павла, Іакова, Сімона и Андрея, по большей части, съ книгами въ рукахъ, какъ знаменіями ихъ посланія.

Верхъ храма состоитъ изъ тройныхъ теремковъ, въ коихъ вычеканены поясныя изображенія 36 Ангеловъ. Надъ теремками еще видны четыре головы съ вѣнцами, вѣроятно, Евангелистовъ. На шейкѣ съ рѣшетчатыми окнами возвышается чешуйчатая глава, осѣненная осмиконечнымъ крестомъ. Дверцы во внутренность этого Сіона нѣтъ. Надъ карнизомъ идетъ слѣдующая надпись : к лѣто 7244 сдѣланъ бысть си Єрусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго і Христомъиного великаго Кнѣзѣ Ивана Васильевича Государѣ всеѣ Руси к ѣе лѣто господарствѣ его. в црковь Успеніѣ Прѣтѣмъ и ко гробѣ чюдотворца Петра на Москвѣ.

Сооруженіе сихъ Іерусалимовъ относится къ 1486 году, ознаменованному покореніемъ Тверскаго Княжества Московскому Государству и возвращеніемъ Всероссійскаго Митрополита Геронтія на свой престолъ. Судя по стилю памятника и надписямъ это дѣло Московское.



КОВЧЕГЪ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

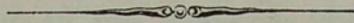
(Рисунокъ Огд. I. № 61.)

Дарохранительница сія, или ковчегъ замѣчательнъ не столько вычурностію и затѣйливостію работы, драгоцѣнностію украшеній, какою отличаются древнія утвари, сколько простотою стilia и знаменитостію вѣнценоснаго вкладчика, если только можно заключить объ этомъ изъ словъ самой надписи: « Сна скъчалъ скиніа содѣлана въ Архангельскій соборъ, что в царствѣищемъ великомъ градѣ, при державѣ Великаго Государа Царя и Великаго Кнѣзя Петра. » Хотя скинія эта имѣетъ видъ гробницы съ крышкою; однако она, подобно церкви, увѣнчана тремя главами. На лицевой сторонѣ вырѣзана Тайная Вечеря, надъ кою читаемъ: Вечери Твоеѣ Тайныѣ, а на обратной Херувимъ.

СТАРИННАЯ ЛАДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 62, 63.)

Мѣдное ладанохранилище сіе, подобно другимъ ладанницамъ и св. утварямъ, представляетъ пятиглавую церковь, увѣнчанную осмиконечными крестами ; на одномъ изъ нихъ литое распятіе. На нижней ея части, въ узорочной каймѣ изображены левики; съ двухъ сторонъ карнизъ замѣненъ слѣдующею надписью, снятою нами съ рисунка г. Солнцева : Превображеніа Гдѣ Бга ѿ Спаса нашегѡ Іиса Хрста въ Старицкой соборѣ въ монастырѣ інокѡв Ѳеогностѣ Іосифова монастыря. Въ соборномъ служеніи такая ладанница, подобно Сіонамъ, или Іерусалимамъ, выносіма была на маломъ и великомъ выходахъ.



ЛА ДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 64, 65.)

Принадлежностью къ кадилу была изображенная здѣсь ладанница (*argula thuraria*), которую носилъ діаконъ и архидіаконъ на маломъ и великомъ выходѣ, какъ видно на старинныхъ образахъ. Св. Архидіаконъ Стефанъ, Лаврентій и Евплъ иногда изображаются на алтарныхъ дверяхъ церкви, съ ладанницею въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой, какъ знаменіями своего служенія.

Представленная здѣсь на эстампѣ серебряная ладанница имѣетъ подобіе шатроваго храма, утвержденнаго на подножіи; внѣшнія ея стѣнки украшены изображеніями разныхъ Святыхъ съ ихъ утварями. Узорочность орнаментовъ и отдѣлка обнаруживаютъ замысловатость и ловкость художника, а стиль вообще сего памятника свидѣтельствуетъ о древности его. На краю вырѣзано: *ѿ грицьннги мѣк спол.* Сходная съ нею ладанница XVII вѣка въ Новоспасскомъ монастырѣ содержитъ въ себѣ два помѣщенія, одно для ладана, другое для темьяна, или оиміана, который въ чинѣ освященія церкви также называется *воскомастикю* отъ соединенія воска съ мастикою и ладаномъ. (1)

(1) см. Акты Археограф. Экспедиціи, III, 191.

ЗОЛОТОЙ ПОТИРЬ
ЦАРЯ ФЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 66.)

Потиръ этотъ, вышиною 8 вершковъ $\frac{5}{4}$, съ дискомъ, лжицею и копѣемъ, изъ чистаго золота, украшенъ крупными изумрудами и яхонтами; на чашѣ, кромѣ надписанія словъ Спасителя у *Матѳ.* XXVI, 27, *Марка* XIV, 23 и *Луки* XXII, 20, наведены финифтью поясныя изображенія Десуса, замѣчательныя искусствомъ работы, такъ какъ и въ шести клеймахъ на поддонѣ изображенія страстей Христовыхъ.

Вѣсомъ потиръ сей съ приборомъ 30 фунтовъ, 58 золотниковъ.

О времени устроенія сей драгоценной утвари свидѣтельствуеть слѣд. на ней надпись: *Повелѣніемъ Великого Гдѣря Црѣ и Великого Кнѣзя Феодора Алексѣевича всея великія и малыя Россіи и вѣлыя Самодержца сн соуды златыя построены къ соборной Церковь Успеніа Пресвѣтыя Бцы в лѣто 4381 (1680)*



ЗВѢЗДИЦА И ТАРЕЛОЧКА ЗОЛОТЫЯ И ЛОЖКА КОСТЯНАЯ.

(Рисунокъ Омд. I. № 67.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора Звѣздца (*ἀστέρισκος*) покрывающая дискось, богата по металлу и по украшеніямъ финифтью и драгоценными камнями. Состоя изъ четырехъ луковъ, между коими четыре луча, она образуетъ осмиконечную звѣзду, подобіе небснаго свѣтила, путеводившаго Волхвовъ въ Вифлеемъ. (1) На ней читаемъ слѣд. надпись : « лѣта 7311 (1585) мѣсца іюліа въ ѿ день сдѣлана бысть сіа звѣзда въ соборнѣю ѿ апостольскѣю церковь Пречистыа Богородицы честнаго ѿ славаго ѿ Успеніа, при благоутѣрномъ Царѣ ѿ великомъ Князѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, повелѣніемъ Господина Преосвященнаго Діонисіа, Митрополіта всеа Росіи. »

Къ ней принадлежатъ два золотыя блюда, которыя называются у Грековъ *λόχαι*, у Римлянъ *patinae*, *patenae*. На одномъ наведенъ финифтью осмиконечный крестъ на Голгоѣѣ, съ терновымъ вѣнцемъ на средокрестіи и съ надписью по краямъ : « Крестъ чюемъ поклоняемъ Владыко » и пр. а на другомъ — Воплощеніе въ видѣ Знаменія Богоматери и съ надписью вокругъ : « Все оупобаніе мое къ Тебѣ возлагаю, Мати Божіа, сохрани мѣ ко своему си кровѣ. »

Края обоихъ блюдцевъ усажены изумрудами и яхонтами въ гнѣздахъ.

(1) Истор. догмат. и таинств. изъясненія на Литургію, изд. 2. М. 1818, въ 4.

Наконецъ на этомъ же рисункѣ представлена ложка изъ рыбьей кости, принадлежавшая, по преданію, Первосвятителю Московскому Петру; но въ соборной описи 1628 г. она названа лжицею св. Іоны Митрополита. Въ соборной же описи 1627 года упомянута: « ложка костяная, на кольцѣ, обложена серебромъ лжичка и ворворка низана жемчугомъ. » По видимому, лжица сія принадлежитъ къ келейной, а не къ церковной утвари.



АНТОНІЕВЫ СОСУДЫ.

(Рисункъ Омд 1. № 68.)

У этого потира чаша, рукоятіе и поддонъ изъ празеленой яшмы; вся поверхность его усѣяна гранеными изумрудами, лазоревыми и червчатыми яхонтами въ гнѣздахъ съ золотыми листочками, врѣзанными въ яшму, подобно яшмовой братинѣ, съ такою же нарѣзкой, въ Московской Оружейной Палатѣ. Съ обѣихъ сторонъ чаши, на золотыхъ плащахъ финифтяныя изображенія Пресвятой Троицы и четверочастный крестъ съ копіемъ, тростию и слѣдующими монограммами: ІС. ХР. НК. ФП. ФП. ТК. ПР., а по вѣнцу чаши наведены золотомъ слова І. Христа: ✠ ΠΙΕΤΕ ΕΞ ΑΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ ✠ т. е. « Пите изъ нея вси. » Какъ граненые камни и золотая нарѣзка, такъ равно и плащи съ финифтью наложены въ послѣдствіи на этотъ потиръ, который въ Россіи находится уже болѣе семи вѣковъ.

По описи соборной 1627 г. назначена цѣна сему потиру 451 рубль, 6 алтынъ и 4 деньги.

Къ нему принадлежатъ лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, дискосъ изъ празеленой яшмы въ золотой оправѣ, на подобіе блюда съ мусійнымъ изображеніемъ Предвѣчнаго Младенца подъ звѣздою на дискосѣ, между четырьмя четвероконечными крестами. На двухъ дугахъ или лукахъ золотой звѣздицы вырѣзаны слѣдующія слова побѣдной пѣсни Трїпостасному Богу, возносимой на Литургіи: ✠ ΤΟΝ ΕΠΙΝΙΚΗΝΟΝ ΥΜΝΟΝ ΙΑΛΟΝΤΑ ΒΟΛΟΝΤΑ ΚΕΚΡΑΓΟΤΑ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ: ΑΓΝΟΣ, ΑΓΝΟΣ, ΑΓΝΟΣ. т. е. τον ἐπινικιον ὑμνον: ἄδοντα, βοῶντα,

κεκραυότα καὶ λέγοντα: ἅγιον и пр. поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, святъ, святъ.

Подобныя надписи Греческія и Славянскія обыкновенно встрѣчаются на потирахъ (*ποτήρια*, *calices eucharistici*), кои означаютъ не только такую чашу, но даже другіе сосуды, изъ коихъ вкушали пречистую кровь причастники Тайной Вечери. На древнихъ иконахъ Иисусъ Христосъ изображенъ причащающимъ Апостоловъ изъ узкогорлаго сосуда, похожега на алавастръ. Въ отличіе потира отъ обыкновенной посуды называютъ его *святымъ*, (*ἅγιον*) *царственнымъ*, (*βασιλικόν*) *спасительнымъ* (*σωτήριον*) и т. д.

Такіе потиры дѣлаемы были, по принятой Церковію формѣ и изъ опредѣленнаго къ тому вещества, особенно изъ хрустала или дерева, (1) также изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра. Древній хрустальный потиръ хранится въ ризницѣ Успенскаго собора, а деревянные сосуды Преп. Сергія и Никона въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры. (2) Св. Іоаннъ Златоустъ въ 51 Бес. на Матѳея упоминаетъ о *ποτήριον χρυσοῦν καὶ λιθοκόλλητον*. Самоцвѣтные камни агатъ и яшма употребляемы были въ Христіанской Церкви на служебные сосуды, къ которымъ относятся и описываемые нами, извѣстные подъ именемъ *Антоніевыхъ*. Въ запискахъ Новгородскаго Антоніева монастыря означено, что «сосуды его были яшмовые, сердоликовые и хрустальные.» Всѣ эти три сосуда донинѣ хранятся въ ризницѣ М. Успенскаго собора. (3)

Название свое получили они отъ св. Антонія Римлянина, игумена одного изъ первыхъ монастырей въ Новгородѣ. По сказанію Пролога, положивъ эту драгоценную утварь въ бочку, онъ пустилъ ее въ море, откуда она приплыла въ Волховъ; тамъ рыбаки вытащили ее сътыю близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Антоніевъ монастырь; а самъ Антоній приплылъ чудеснымъ образомъ на камнѣ, который вдѣланъ въ стѣну паперти монастырскаго собора. (4) Въ княженіе Мстислава Владимировича Мономаха, Римскій выходецъ Антоній поселился въ Новгородѣ, гдѣ основалъ и монастырь 1106 г. Великій Новгородъ чтилъ эти сосуды, какъ святыню отечественную; но Царь Иванъ Васильевичъ, по приведеніи его на всю свою волю, взялъ ихъ въ Москву

(1) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S. C. Augusti, III, Leipz. 1837.

(2) и въ другихъ церквахъ. См. Русская старина, сост. П. Снегиревымъ, т. IV, V и VI.

(3) Исторія Росс. Іерархіи. III, 126.

(4) Карамз. И. Г. Р. II, пр. 210.

и посвятилъ Дому Пресвятой Богородицы вмѣстѣ съ другими Новгородскими святынями.

Сперва Антоніевы сосуды хранились въ Патріаршей ризницѣ, а теперь украшаютъ ризницу Успенскаго собора.

Они употреблялись при торжественнѣйшихъ служеніяхъ. Такъ при вѣнчаніи на царство Феодора Алексіевича 1676 года, Патріархъ Іоакимъ изъ большаго Антоніева потира положи въ кристальный Пречистой крови Христовой, подалъ вкусить Государю. (5) На соборѣ противъ раскольниковъ 1682 г. въ Грановитой Палатѣ подѣ председательствомъ Царевны Софіи, сей же Патріархъ представлялъ имъ Антоніевы сосуды въ доказательство древности четверочастнаго креста, на нихъ изображеннаго. (6)

(5) Древняя Росс. Вивліюэнка, XI, 191.

(6) Описаніе Стрѣлецк. бунта очевидцемъ, современ. рукопись въ библіот. П. Н. Царскаго, въ 12.

СТАРИННОЕ ПАНИКАДИЛО ТЕРЕМНОЙ ЦЕРКВИ.

(Рисунокъ Отд. 1. № 69.)

Это мѣдное и вызолоченое паникадило въ три яруса; его перья съ шандалами обвиваютъ матицу на подобіе цвѣтовъ. Верхъ ея увѣнчанъ осмиконечнымъ крестомъ, а низъ оканчивается мѣднымъ глобусомъ; къ нему прежде привѣшено было строфокамиловое яице, коему Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ символическое значеніе. Соразмѣрное въ частяхъ и красивое въ цѣломъ паникадило это виситъ предъ алтаремъ въ кремлевской церкви Словущаго Воскресенія. По сравненіи его съ другими паникадилами XVII столѣтія, украшающими Московскія церкви, можно заключать, что оно имѣ современно.

СТАРИННОЕ МѢДНОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 70.)

Паникадило это виситъ предъ древнимъ алтарнымъ иконостасомъ въ верхнемъ придѣлѣ Московскаго Благовѣщенскаго собора, не во имя св. Іоанна Богослова, какъ сказано въ надписи на рисунокѣ, но въ честь Входа во Іерусалимъ.

Оно изъ желтой мѣди, прежде позолоченой. Главныя части его литыя, а прочія кованыя и чеканныя. На матицѣ его утверждёнъ осмиконечный крестъ, а глобусъ оканчивается звѣриною головой, съ отверстою пастью : по видимому, это, голова дельфина ; потому что дельфинъ, по сказанію Григорія Великаго, служилъ употребительнѣйшимъ символомъ въ Церкви, какъ намѣкъ на плователей и на корабль ; посему даже и свѣтильники церковные назывались *delphini*. (1) Прекрасно выдѣланные шандалы утверждены на перьяхъ, перевитыхъ виноградными листьями. Осмиконечный крестъ, вѣнчающій верхъ матицы, кажется, послѣ придѣланъ, соотвѣтственно назначенію сего многосвѣтильника въ Православной Церкви. Легкость и красивость рисунка, чистота и ловкость работы, отличая это паникадило отъ прочихъ XVII вѣка, дѣланныхъ Дмитріемъ Сверчковымъ и Иваномъ Григорьевымъ съ товарищи, даютъ поводъ предполагать, что оно произведено иностранными мастерами, каковъ былъ Голландецъ Госсомъ, (2) украсившій паникадилами

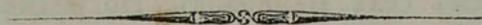
(1) *Gregori magni Epist. I, 66.*

(2) Расходная книга по Патріарш. приказу, 7162 (1644 г.) № 32. « Иноземецъ Голландскія земли Нѣмецъ Иванъ Госсомъ дѣлалъ восемь паникадилъ. »

нѣкоторые кремлевскіе храмы при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, или вывезено сыномъ его Алексіемъ изъ Литвы въ числѣ военной добычи.

Въ Восточной и Западной Церквахъ издревле находились такія паникадила, извѣстныя подъ именемъ: *согонæ*, *Kronleuchter*, *phaga*, *cabatæ*, *canthaga*, *phagacanthaga*, *λύχνου*. (3) Такъ какъ онѣ служили украшеніемъ и вмѣстѣ освѣщеніемъ храма, то Россійскіе Государи давали ихъ вкладомъ въ разныя церкви, ознаменовывая даръ этою гербомъ, который короновалъ ихъ матицу. Устроенныя же доброохотными дателями и Святителями въ XVII вѣкѣ, были съ осмиконечнымъ крестомъ на верху матицы. Одно изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ паникадилъ пожертвовано въ М. Успенскій соборъ бояриномъ Морозовымъ, въ 1660 году; оно было о шести ярусахъ со многими шандалами, во 113 пудъ и 1 фунтъ. На позолоту его употреблено 2000 червонцевъ и столько же заплачено за работу иностранному мастеру. Въ 1812 году оно похищено непріятелями.

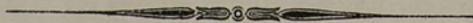
(3) Handbuch der christlichen Archæologie, von D. I. C. Augusti, III B. Leipz. 1837, in-8.



ТРИ СТАРИННЫЕ ПОДСВѢЧНИКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 71.)

Два изъ нихъ мѣдные, находятся въ кремлевской церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Одинъ поставной предъ мѣстными иконами, а другой — выносной. Въ рисунокѣ ихъ обнаруживается красивость фигуры, а въ стилѣ — сходство съ подобными произведеніями XVII столѣтія; но ни художникъ, ни вкладчикъ не ознаменовали этихъ памятниковъ надписями. Малоцѣнность вещества и затѣйливость формы отличаютъ другой запрестольный желѣзный подсвѣчникъ въ церкви св. Іоасафа Царевича, въ подмосковномъ Государевомъ селѣ Измайловѣ. Посрединѣ его стержня клеймо съ двуглавымъ орломъ означаетъ принадлежность его къ Царской церкви, или Царскій вкладъ.



ДРЕВНІЯ ВОЩАНИЦЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 72, 73.)

Въ Ризположенской церкви Московскаго Кремля предъ мѣстными образами стоятъ четыре вощаницы, или тощія росписныя свѣчи на мѣдныхъ поддонахъ съ тремя левицами. Онѣ состоятъ изъ деревяннаго столба, вышиною въ 5 четвертей, обложеннаго воскомъ, по коему наведены мозаично восковыми красками травы и цвѣты въ родѣ энкастики, извѣстной Грекамъ и Римлянамъ. Три вощаницы сохранены въ первоначальномъ своемъ видѣ, а четвертая, послѣ 1812 года, возобновлена по образцу первыхъ. Сверху надъ ними утверждены мѣдные шандалы, какихъ прежде не было; ибо свѣчи вставлялись въ средину вощаницы. По крайнему ободу идетъ вязью надпись, которая показываетъ намъ время устройства сихъ узорочныхъ свѣчъ въ Патріаршество Іосифа, правительствовавшаго съ 1642 по 1652 годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о существованіи тогда при этой церкви Патріаршаго двора. Передаемъ надписи съ двухъ свѣчъ, кромѣ третьей, гдѣ слова, большею частію, изгладились или обломались, и кромѣ четвертой, на коей вновь изображены онѣ согласно съ первыми.

1) Лѣта жъзрна поставлена сіа свѣща предъ образомъ Пресвѣтлыя Богородицы Ризъ Положеніа, повеленіемъ Великаго Господина Свѣтѣйшаго Іосифа Патріарха Московскаго и всея Русіи въ церкви Ризположеніа, что на Патріаршемъ дворѣ.

2) Лѣта жърнг Октября въ ѿ день повѣленіемъ Великого Господина Святѣйшаго Іосида Патріарха Московскаго ѿ вса Русні въ церквѣ Пречистые Богородицы Ризположеніе, что на еко Государя Патріарше дворѣ, предъ мѣстой образа Пресвятые Богородицы Одегитрїе поставлена сіа свѣща.

Представляя здѣсь памятникъ церковнаго благолѣпія изъ XVII вѣка, нельзя оставить безъ замѣчанія, что прежде не въ одной Ризположенской Патріаршей церкви, но и въ соборахъ и церквахъ, кромѣ подсвѣшниковъ и лампадъ, находились такія вощаницы, у образовъ, на поклонѣ въ алтарномъ иконостасѣ, и назывались *поставными, тощими, мѣстными*, а выносныя свѣчи *ослопными*. Подобно какъ у Грековъ православныхъ, у Русскихъ нерѣдко бывали вощаницы и лампы обѣтными и неугасимыми, (1) кои горѣли предъ образами, или св. мощами день и ночь; въ среднѣ ихъ вкладывалась свѣча, которую и зажигали. Такія вощаницы ставили Великіе Князья предъ чудотворными иконами и раками угодниковъ Божіихъ, но и предъ гробами родительскими. Иногда всѣмъ Новгородомъ и Псковомъ сооружаема была, по обѣщанію, неугасимая свѣча въ Софійской или Троицкой соборы. Такъ Великій Князь Василій въ 1509 году устроилъ предъ Св. Троицею въ Псковѣ, а предъ Софіею Премудростию Божіею свѣщи неугасимыя. (2) Царь Іоаннъ IV въ 1569 году прислалъ въ Новгородъ къ мощамъ св. Никиты Епископа Новгородскаго мѣстную свѣчу, которая поставлена была на каменномъ бѣломъ стулѣ. Лѣтописи наши нерѣдко упоминаютъ о чудесномъ самовозгораніи свѣчей въ церквахъ. Св. Алексій Митрополитъ взялъ съ собою въ Орду для исцѣленія Тайдулы свѣщу отъ вощаницы, затеплившейся въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ гробами отеческими Великіе и Удѣльные Князья ставили неугасимыя свѣчи съ тѣмъ, какъ они оговариваются въ духовныхъ своихъ грамотахъ, чтобы «не перестала память родителей и свѣча бы ихъ не угасла.» (3) Загасить свѣчу надъ гробомъ, по объясненію Арцыбышева, значило тоже что шевелить костями. (4) Но также послѣ отпѣванія, загасить и положить свѣчу на гробъ усопшаго, знаменовало вѣчное забвеніе всякой вражды. Ближайшій примѣръ тому встрѣчаемъ въ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ

(1) *κανδήλα ἀσβεστός*, неугасимое, *ἀχοίμητος*, неусыпающее. *Sniceri Thesaurus eccl.* II. p. 32.

(2) *Карамз.* II. Г. Р. VII. пр. 383.

(3) *Собран. Госуд. грам.* I. гр. 1353 г.

(4) *Повѣствованіе о Россіи.* I. стр. 161, пр. 454.

при передѣлкѣ пола, на гробницѣ Никона Патріарха найдены положенныя восковыя зеленыя свѣчи, какія Царь Θεодоръ Алексѣевичъ устроилъ для его отпѣванія. Поставленіе свѣчи у гроба родительскаго почиталось дѣломъ столь важнымъ и священнымъ, что сынъ Даніила Галицкаго прислалъ 1294 г. къ умиравшему Князю Волынскому Владимиру Перемышльскаго Святителя Мемнона выпросить у него Брестъ «на свѣчу для гроба Даніилова.» (5) Кромѣ того, при свадебныхъ обрядахъ Государей, сверхъ обручальныхъ, употреблялись, свадебныя вощаницы, похожія на Ризположенскія мѣстныя; на нихъ были обручи большіе, широкіе, края чеканныя, обои золоченыя. Такъ на свадьбѣ Царя Михаила Θεодоровича съ Евдокією Стрѣшневою, Государева свѣча была въ три пуда, а Государынина въ два. (6)

Таково назначеніе давали свѣчамъ въ отечественной Церкви, гдѣ онѣ, составляя необходимую принадлежность при Богослуженіи, имѣютъ духовное, символическое знаменованіе.

(5) *Карамз.* II. Г. Р. IV, 118.

(6) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1616 году, Февр. 5 и пр. М. 1810 г. въ 4.

СТАРИННЫЙ ФОНАРЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 74.)

Этотъ выносный фонарь принадлежитъ Воскресенскому монастырю, что называется Новый Иерусалимъ; онъ устроенъ изъ дерева, обложеннаго вычурными орнаментами изъ мѣди и бляшками изъ олова. Ему дано подобіе церкви съ шатровыми верхами, у конхъ недостаетъ только крестовъ. Вмѣсто стеколъ, вставлена слюда. Затѣйливость и красивость въ цѣломъ и частяхъ свидѣлствуютъ объ искусствѣ и тщательности художника. По видимому, этотъ выносный фонарь относится ко времени основателя Новаго Иерусалима, Патріарха Никона.

Самое названіе, какъ и утварь заимствованы изъ обрядника Византійской Церкви; потому что *φανάριον* значитъ свѣтецъ, фонарь. (1) Такіе церковные фонари въ крестныхъ хожденіяхъ носили предъ св. иконами, или предъ св. дарами, когда ихъ препровождали изъ церкви въ домъ къ опасно больнымъ. Они изображены на старинныхъ св. иконахъ и встрѣчаются въ церковныхъ описяхъ, такъ на пр: въ описи Москов. Успенскаго собора 1628 года: «фонарь слоденъ круглой.» Изъ его устава видно, что при Патріархахъ употреблялись въ крестныхъ хожденіяхъ фонари: *большой, средний и малый*. (2) Огромный фонарь, съ двуглавымъ орломъ, доннынъ обыкновенно носятъ въ крестныхъ ходахъ Московскихъ.

(1) *Ducangii Glossar. mediæ et inf. Græcitat.*

(2) Древняя Росс. Визіюенка, X, 163, 166 и 283.



ЧАША ВРЕМЕНЬ ЦАРЯ ЮАННА IV,

ШАНДАЛЬ ВРЕМЕНЬ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА И СТАРИННОЕ КАДИЛО.

(Рисунокъ Омд. 1. № 75.)

Сии церковныя утвари, разныхъ вѣковъ и разнаго стиля, хранятся въ Архіерейской ризницѣ, въ Смоленскѣ.

Чаша серебряная, по видимому, водосвятная; подпись кругомъ ея вѣнчика свидѣтельствуеть, что утварь эта устроена при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ.

Шандалъ, или правильѣе, выносный подсвѣчникъ, серебряной, отличается красотой рисунка и чистотою работы, не позднѣе XVII вѣка. Перехваты и вычурные его кронштеты вызолочены.

Мѣдное кадило замѣчательно какъ древностью своей, такъ и необыкновенною формою; сквозная крышка его похожа на шатровый верхъ церкви.



БИЛО, РИПИДА И КРЕСТИКИ.

(Рисунокъ Омд. I. № 76.)

Мы уже представили здѣсь нѣсколько достопамятныхъ древностей изъ ризницы Новгородскаго Софійскаго собора; теперь еще обратимъ вниманіе на хранящіяся въ ней вещи, кои изображены на эстампѣ подъ N 76: древнюю рипиду, крестики и било.

1) Рипида (отъ *ρίπιδιον*, опахало, вѣрь) имѣетъ верхъ серебряный, образующій четырьмя клеймами крестъ, рукоятіе деревянное, обтянутое краснымъ сукномъ. Чинъ литургіи намъ указываетъ ея употребленіе, которое, по сказанію св. Іакова Апостола у Климента VIII, 12, въ священнодѣйствіи было древнее. Въ первенствующей Церкви рипиды устраиваемы были изъ павлиньихъ перьевъ, или тонкихъ пергаминныхъ кожицъ. Первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было отгонять воздушныхъ насѣкомыхъ, чтобы онѣ не могли коснуться святаго хлѣба, или впасть въ раствореніе чаши; потомъ рипидамъ дано высшее, духовное знаменованіе и подобіе шестокрылатыхъ Херувимовъ, какіе вѣроятно изображены были и въ клеймахъ Новгородской рипиды, представляя присутствіе небесныхъ духовъ при совершеніи таинства. (1)

2) Крестики тѣльные, или тѣльняки, яшмовые, оправленные въ серебро позолоченное и украшенные самоцвѣтными камнями. Подобные перѣдко

(1) Историч. догмат. и таинств. изъясненіе на Литургію II. *Дмитревскаго*, изд. нов. М. 1818, въ 4.

попадаютъ въ числѣ привѣсокъ на образахъ, въ соборныхъ и монастырскихъ ризницахъ и въ собраніяхъ древностей у любителей.

3) Мѣдная чаша на поддонѣ съ неснятою по краямъ надписью, хотя и названа на эстампѣ *билломъ* или *кандією*; но было собственно есть деревянная доска, или полоса желѣза, въ которую ударяли колотушкою въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ не было колоколовъ, какъ напр. въ Палестинѣ: оно называется у Греческихъ монаховъ (*σημαντήριον*, или *σημάντρον*, *pulsus lignorum*)

(2) Чтожъ касается до изображенной здѣсь чаши, то она ничто иное, какъ настоятельная трапезная, въ которую Игуменъ или Архимандритъ ударялъ за братскою трапезою, когда слѣдовало перемѣнять, или снимать кушанье. Для такого употребленія, какъ видно изъ Мстиславовой грамоты Юрьеву монастырю, Всеволодъ далъ ему серебряное блюдо: « Велѣлъ іесмь бити въ « нѣ на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаіеть. » Еще въ древнѣйшія времена монашества былъ извѣстенъ обычай ударять въ чашу или звонить въ колокольчикъ за столомъ для перемѣны кушанья, чтобы не нарушить безмолвія въ монашескихъ общежитіяхъ; объ немъ упоминаетъ Кассіанъ, писатель V вѣка, въ книгѣ своей: *de institutis coenobiorum*, IV, 17. (3)

(2) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S. C. *Augusti*, III. В. Leipz. 1837, in-8.

(3) Труды и Записки Общества Ист. и Древн. Росс. III. 1.

ЕВАНГЕЛІЕ, ПИСАННОЕ АЛЕКСОЮ ВЪ XII ВѢКѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 77.)

Славянское сіе Евангеліе въ десть, XII вѣка, харатейное, по древности своей, второе послѣ Остромирова списка, составляетъ одно изъ палеографическихъ сокровищъ Московскаго Архангельскаго собора; оно, какъ значитъ въ послѣсловіи, писано въ 1125 году Алексою Лазаревымъ, сыномъ пресвитера, для Новгородскаго Князя Мстислава Владимировича, внука Всеволода, отъ котораго дошла до насъ грамота Юрьеву монастырю. Миниатюры, писанныя корпусными красками, во многомъ сходны съ Остромировымъ спискомъ, какъ напр: по изображенію тельца съ хартією, который является Евангелисту съ высоты, усѣянной звѣздами и по надписи: *симъ образомъ тельцемъ Дхъ Сѣый ѡбисл Дмцѣ.* Въ послѣсловіи сказано «*и козникъ Црю городѣ и оучинихъ хмипетъ.*» Последнее слово, остававшееся доселѣ неизъясненнымъ, (1) весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμεπετέω*, преклоняюсь до земли, и значитъ поклоненіе.

Рукопись эта, драгоценная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣ важна и въ художественномъ, по своему окладу древней, можетъ быть, современной ей работы. Доски Евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разные Святые и съ

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ *П. Кеппена*, М. 1822, стр. 32. — Труды Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III, к. 1. Примѣч. на грамоту В. К. Мстислава Влад. *Митрополита Евгенія*.

середникомъ, на коемъ наведенъ мусією ликъ Спасителя, окруженнаго четырьмя Евангелистами, двумя Архангелами и двумя Серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. Окладъ убранъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что писатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава, котораго онъ называетъ *своимъ царемъ*. Титуль этотъ, по замѣчанію Кеппена, здѣсь встрѣчается въ первый разъ при имени Князей, которые иногда величаемы были Каганами. Извѣстно, что удѣльный Князь Мстиславъ послѣ 1125 г. вступилъ на Великокняжескій Кіевскій престолъ, или, какъ онъ говоритъ самъ въ грамотѣ своей: « держа Роускоу землю въ своіе княженіе. »



НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ НАЧАЛА XIV ВѢКА.

(Рисункъ Отд. I. № 78.)

Харатейное Евангеліе съ Апостоломъ, хранящееся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лауры, какъ памятникъ палеографіи и торевтики XIV вѣка, драгоцѣнно пятивѣковдою древностью и достопамятно вѣнценоснымъ его вкладчикомъ, современникомъ Преподобному Сергію. Оно писано на пергаментѣ въ десть, въ два столбца, четкимъ уставомъ; дневныя чтенія изъ Евангелистовъ и Апостоловъ расположены по церковному порядку. Доски его обложены басменнымъ вызолоченымъ серебромъ, на коемъ выбиты разныя изображенія распятаго І. Христа (Іис Хрсъ Црѣ Слѣкы), Божіей Матери (Бм Мфлрн), Іоанна Богослова (Аггл нѡ) и Евангелистовъ. На окладѣ передней доски наведена чернью слѣдующая надпись: « въ лѣто жсѡѡнк мѣсѣца Декабрѣ осьмый надесѣть день, на память сѣго мѣчнк Сѣвастіана, создано кысть Евангѣлѣ се благокѣрнымъ Кнѣземъ Великимъ Сімеономъ Ікнокичемъ. » Слова сіи указываютъ, безъ сомнѣнія, на украшеніе Евангелія; рукопись же могла быть и древнѣе.

Подобныя памятники благочестія почти всегда были въ связи съ какими нибудь важными происшествіями. Сынъ и преемникъ Калиты, Симеонъ возвратился изъ Орды 1344 года, Октября 26, « пожалованный « Богомъ и Царемъ. » Предполагають, что это Евангеліе устроено Симеономъ въ благодарность Господу за благополучное совершеніе опаснаго путешествія. (1)

(1) Историч. описаніе Святотроицкія Сергіевы лауры. М. 1843, стр. 37. Арцыбышева повѣствованіе о Россіи, II.

Такое соображеніе можетъ быть правдоподобнымъ ; но вмѣсто 5508 лѣтъ отъ С. М., слѣдовало бы вычитать 5509 л.; ибо мѣсяць сооруженія былъ Декабрь. Въ такомъ случаѣ выйдетъ 1343 годъ, когда В. К. Симеонъ съ Митрополитомъ Теогностомъ ѣздилъ въ Орду къ Хану Джанибеку. Въ 1346 или 47 г. Симеонъ, по призыву Новгородскаго Владыки Василя и по благословенію Митрополита Теогноста, « сѣде на столѣ своемъ » въ Великомъ Новгородѣ. (2) Вскорѣ появился въ землѣ Русской « моръ золь, » извѣстный подъ именемъ черной смерти, отъ коей суждено кончить жизнь Великому Князю въ 1353 году. Такія событія, важныя въ государственной жизни, давали поводъ къ сооруженію церквей и св. утварей, какъ благодарственныхъ или умилоостивительныхъ жертвъ.

Тогда Сергій подвизался въ пустынномъ уединеніи, а братъ его Стефанъ былъ игуменомъ Московскаго Богоявленскаго монастыря и духовникомъ Великаго Князя Симеона Іоанновича. Изъ чего слѣдуетъ, что устроеніе этого напрестольнаго Евангелія въ Москвѣ современно основанію Троицко-Сергіевой обители. Но какъ изъ надписи не видно, чтобы оно предназначено было для сей обители : то, можетъ статья, послѣ дано вкладомъ на поминовеніе соорудителя и скрыто было во время нашествія Эдигея, предавшаго огню Троицкій монастырь, въ 1408 г.

(2) *Новгородская I и II летопись* въ Полномъ собраніи Русскихъ летописей, I.

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ КОНЦА XIV ВѢКА.

(Гусуновъ Омд. I. № 79, 80, 81.)

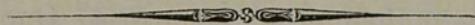
Харатейное сіе Евангеліе въ десть, писанное уставомъ, переплетено въ бархатъ; верхняя доска его обложена вызолоченнымъ серебромъ со сканью, по краямъ закраи изъ того же металла съ финифтяными изображеніями святыхъ Ефрема, Саввы, Евѳимія, Николая Еписк. Мирликійскаго, трехъ вселенскихъ Святителей, изъ Московскихъ одного Петра, изъ Ростовскихъ Леонтія и Преподобнаго Сергія. По краямъ лицевой доски вырѣзана слѣдующая надпись: « в лѣт. 759 (1392) Шарт. индикта ѿ, оковано кыс ѿвагліе се при велицѣмъ Кнѣзѣ Васильи Дмитріевичѣ всеа Русси и Пресвѣтѣмъ Кипріанъ Митрополитѣ Кіевскомъ всеа Русси) повеленьемъ раба Бжжъ Феодора Андрѣевича. » Последнее имя встрѣчается намъ 1371 и 1389 г. между послухами духовнаго завѣщанія Великаго Князя Дмитрія Іоанновича. (1) На первомъ листѣ Евангелія читаемъ собственноручную подпись Митрополита Платона: « Сіе Евангеліе дано отъ Великаго Князя Василя Димитріевича, подписалъ смиренный Платонъ, Митрополитъ Московскій и Архимандритъ Троицы Сергіевой лавры, 1798 года. » (2) Но изъ первой надписи не видно, чтобы оно дано было въ Сергіеву обитель самимъ Великимъ Княземъ, а только въ его княженіе устроено повелѣніемъ Феодо-

(1) Собр. госуд. грам. I, стр. 92 и грам. 1271 г. стр. 61.

(2) Троицко-Сергіева лавра, соч. И. С. 1842, въ 12.

ра Андрѣевича, который былъ Московскій бояринъ и, вѣроятно, братъ бояръ, свидѣтельствовавшихъ духовную Великокняжескую, Александра и другаго Θεодора Александровичей.

Хотя надпись эта прямо указываетъ намъ на 1392 годъ устроения оклада на Евангеліе; но сему противорѣчитъ изображеніе на немъ Препод. Сергія, который преставился въ томъ же самомъ году, а св. мощи его открыты и прославлены въ 1425 году. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключать, что при позднѣйшемъ возобновленіи и украшеніи оклада, присоединенъ образъ Преподобнаго основателя Троицкой лавры.



ЦАРСКОЕ НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1693 ГОДА.

(Рисункъ Отд. 1. № 82, 83, 84.)

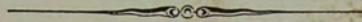
Драгоцѣннѣйшее по матеріаламъ, великолѣпнѣйшее по украшеніямъ, прекрасное по художеству, сіе Евангеліе, единственное въ своемъ родѣ, вышиною 1 аршинъ съ $\frac{1}{8}$, шириною 11 вершковъ. Оно напечатано на большой Александрійской бумагѣ Евангельскими буквами, въ Москвѣ 1689 года. Заставки въ заглавіяхъ замѣняются миниатюрами, писанными искусною кистью, каймы по листамъ кругомъ разцвѣчены красками съ золотомъ. Изображенія четырехъ Евангелистовъ отличаются правильностью и твердостью рисунка, блескомъ колорита. Такъ какъ въ числѣ Царскихъ иконописцевъ находились тогда Русскіе и чужестранные живописцы: то съ достовѣрностію можно полагать, что сіи миниатюры ихъ произведеніе.

Но окладъ несравненно превосходитъ богатствомъ и великолѣпіемъ драгоцѣнныхъ украшеній роскошную печать св. книги; съ обѣихъ сторонъ онъ золотой. По верхней его доскѣ наложены короны, цвѣты, травы и узоры изъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ съ финифтью, между коими на семи большихъ изумрудахъ вырѣзаны обронною работою лики Господа Вседержителя, Богоматери, Предтечи и четырехъ Евангелистовъ. Вся поверхность лицевой доски столь роскошно усѣяна драгоцѣнными камнями, что они сливаются какъ бы въ одну массу. На обратной доскѣ наведены финифтью по золоту лики разныхъ Святыхъ.

По краямъ оклада вырѣзана слѣд. надпись :

« Во славу Всетворца Господа Бга и въ честь Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, Благочестивѣйшіе Великіе Государи Цари и Великія Князи Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели и повелители въ 12 лѣто царства ихъ, и мати ихъ, благочестивая Великая Государыня, благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна въ Богожеланномъ своимъ царскимъ усердіи, изволиша сіе святое Евангеліе Исусъ Христово напечатанное устроити изряднымъ художествомъ и украсить отъ своихъ царскихъ сокровищъ превеликимъ иждивеніемъ, златомъ и драгимъ каменіемъ, при благороднѣйшемъ Великомъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Петровичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, на 4 году возраста его, и устроя повелѣша оное отдать въ великую соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Кирѣ Адрианѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, въ царствующемъ, великомъ и преславномъ градѣ Москвѣ, мірозданія 7202, отъ воплощенія же Бога слова Исусъ Христа 1693 года, мѣсяца Декаврія въ 25 день. »

Время устроенія сего напрестольнаго Евангелія совпадаетъ съ путешествіемъ юнаго Петра въ Архангельскъ, куда не хотѣла отпускать заботливая мати его, для перваго морскаго путешествія. Вѣроятно, это было обѣтнымъ ея приношеніемъ Дому Пресвятой Богородицы о сохраненіи сына ея. Въ царствованіе Екатерины II Евангеліе это было возобновлено украшеніями и въ такомъ видѣ сохранилось до нашихъ временъ, какъ священнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ Царскаго благочестія. Въ храмовой праздникъ и въ день коронованія Государей Россійскихъ оно выносятся двумя діаконами на маломъ выходѣ.



МИТРЫ ІОВА И НИКОНА, ПАТІАРХОВЪ ВСЕЯ РОССІИ.

(Тисунокъ Омд. I. № 85, 90.)

Въ Московской Патріаршей ризницѣ, митры перваго и шестаго Патріарховъ Всероссійскихъ Іова и Никона, напоминая намъ лица, замѣчательныя въ Исторіи Іерархіи и Государства и отчасти сходныя своимъ жребіемъ, въ тоже время обращаютъ вниманіе на происхожденіе, первоначальное знаменованіе и введеніе сего главнаго іераршескаго отличія.

Митра есть слово Греческое *μίτρα*, означающее головную повязку, увясло, наглавіе, кидаръ, тоже что *τιάρα*, какая извѣстна была у Фригійцевъ и другихъ восточныхъ народовъ. (1) Такъ какъ она составляла отличительное украшеніе вообще Іудейскихъ первосвященниковъ, а со времени Давида и Царей, (2) то въ подражаніе первымъ Архипастыри Христіанской Церкви усвоили себѣ подобное наглавіе. У первосвященниковъ на золотой дщицѣ, украшавшей чело кидара, изображены были слова: *святѣиѣ Господня*, (3) замѣненныя на митрѣ Архіерейской ликами Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. (4) Въ вѣкъ I. Христа, по свидѣтельству Іосифа Флавія, жрецы изъ

(1) *I. Iani* Archaeologia biblica. Vienna, 1814, in-8.

(2) II. *Царствъ* XII, 30.

(3) Начертаніе церковно-библейской Исторіи, Митрополита *Филарета*, Спб. 1827, въ 8.

(4) Разсужденіе о началѣ, возможности и знаменованіи церковныхъ облаченій, соч. *К. Китовича*. Спб. 1804. въ 4.

племени Маккавеевъ, бывшее вмѣстѣ и Царями, къ митрѣ присоединили тройную корону. И такъ, по первоначальному происхожденію, митра составляла главную утварь Царей и первосвященниковъ, какъ символъ помазанія и власти. Церковь Христіанская, нерѣдко обращающая внѣшнее, вещественное въ символы духовнаго, сообщила митрѣ высокое значеніе *славы Господа и власти*, данной отъ него служителямъ святилища, (5) посему-то Евсевій называетъ ее *вѣнцемъ славы*. (6) Вселенскій Святитель Іоаннъ Златоустъ въ похвалѣ Евангелію внушаетъ рукополагаемому Епископу, что « *принятіе вѣнца (τῆρας)* знаменуетъ Евангеліе, что хотя онъ всѣмъ глава « и надъ всѣми имѣетъ державу, но и самъ состоитъ подъ закономъ. »

Первое употребленіе митрѣ святительскихъ встрѣчается намъ въ первенствующей Церкви. По свидѣтельству Епифанія и Евсевія, Апостолы св. Іаковъ, братъ Господень и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, въ знакъ духовнаго помазанія, носили на своемъ наглавіи *дщцу злату*. Это подтверждается дѣянїями Константинопольскаго собора, въ IX вѣкѣ, противъ Фотія, гдѣ между прочимъ сказано, что Патріархъ Іерусалимскій Θεодосій послалъ въ даръ къ Цареградскому Патріарху Игнатію съ подиромъ и нарамникомъ *митру (μίτρα)* св. Іакова, брата Господня. (7) Этотъ же самый Θεодосій утверждаетъ, что предмѣстники его, Патріархи и онъ самъ, возлагали себѣ на главу митру, когда имъ надлежало входить въ святилище для богослуженія. По примѣру св. Апостоловъ, и Вселенскіе Святители украшались кидаромъ; ибо св. Григорій Назіансинъ называетъ *кидаромъ (κιδάρις)* то наглавіе или увясло, которое онъ носилъ; впрочемъ онъ не изъяснилъ намъ, какую оно имѣло фигуру и употреблялось ли прочими Епископами. Въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ упомянуто *о шапкѣ Іоанна Златоуста*, привезенной въ Москву 1558 года Юрьевскимъ Архимандритомъ. (8) До раздѣленія Церкви на Восточную и Западную и въ послѣдствїи, извѣстно было въ Римско-Католической Іерархіи употребленіе митрѣ, которыя, до Ліонскаго собора въ 1249 году, служили отличіемъ для кардиналовъ. Во времена же Патріарха Валсамона, въ XII вѣкѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуется, одинъ только Патріархъ Александрійскій надѣвалъ на себя митру въ слу-

(5) *Исход.* XXVIII, 36 и 40. *Премудр Солом.* XVIII, 24

(6) *Eusebii Historia eccles.* X, с. 4.

(7) *Euchologion, s. rituale graecorum, opera Jac. Goar, ed. II, Venetiis, 1730, in-f. p. 315.*

(8) *Карамз.* II. Г. Р. VIII, пр. 587

женіи. Причиною сему онъ полагаетъ то, что, когда св. Кирилль, Патріархъ Александрійскій предсѣдательствовалъ на III Вселенскомъ Соборѣ за Целестина Римскаго Патріарха, тогда возложилъ на главу свою золотую митру, каковую носили Римскіе Патріархи по праву, данному св. Сильвестру Константиномъ Великимъ. (9) Но видно, что постоянное употребленіе митры въ то время еще не было узаконено; ибо, по словамъ Вальсамона незадолго до него, даже одинъ хартофилаксъ Константинопольской церкви надѣвалъ митру въ служеніи и въ торжественныхъ шествіяхъ.

По сказанію великаго логовѣта Епифанія, (10) Императоръ Василій Младшій, современникъ Владимира I, царствовавшій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, возложилъ царскую діадиму на Патріарха Іерусалимскаго Теофила, за примиреніе съ Цареградскимъ Патріархомъ. Вѣроятно, по примѣру его, Царь Алексій Михайловичъ пожаловалъ корону Патріарху Никону. Въ XV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуется Симеонъ Θεσσαлонійскій, не только Патріархъ Александрійскій, но и многіе другіе носили уже митры, основываясь на древнемъ, еще ветхозаконномъ преданіи. Когда же съ паденіемъ восточной Имперіи, Церковь утратила много веледѣній своихъ обрядовъ и утварей, тогда, вѣроятно, прекратилось употребленіе митръ Епископами; ибо Русскіе наши путешественники въ Іерусалимъ Арсеній Сухановъ (11) около половины XVII вѣка и Василій Барскій въ 1727 году (12) согласно свидѣлствуютъ что, кромѣ Іерусалимскаго Патріарха, никто изъ тамошнихъ Епископовъ не возлагалъ на себя митры при священнослуженіи.

Между тѣмъ какъ на Христіанскомъ востокѣ, подѣ владычествомъ Латинцевъ и Магометанъ, внѣшнія отличія сана Іераршескаго подверглись измѣненію, Россійская Церковь и подѣ ярмомъ Монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ они приняты были отъ Византійской Церкви.

Въ числѣ святительскихъ отличій и митра издревле въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только Епископовъ, но даже и нѣкоторыхъ Архимандритовъ, какъ видно изъ соборнаго свитка, напечатаннаго при Іоакимѣ

(9) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій. Спб. 1804, въ 4.

(10) *Eriphanii adversus haereticos*, t. I l. IX. ed. Coloniae. 1682, f.

(11) Проскинитаріи, или поклонникъ, въ рукоп.

(12) *Василій Григоровича Барскаго путешествіе къ Святѣмъ мѣстамъ*. Спб. 1778, стр. 225.

мовскомъ служебникѣ 1668 г., также изъ дѣяній Московскаго собора, бывшаго при Патріархѣ Іоасафѣ 1675 года. Но предоставленіе сего отличія зависѣло отъ соизволенія Царя и Святителя, а послѣ уже введено въ общее употребленіе у всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ и Архимандритовъ. (13)

Какъ Царская корона, или вѣнецъ, такъ равно и Архіерейская митра нерѣдко назывались *шапками*. Но первоначально между *митрою* и *шапкою* полагалось то различіе, что первая была съ образами и украшала Архіереевъ, а послѣдняя только съ перекрестьемъ и носима была Архимандритами; въ послѣдствіи названія сіи были смѣшаны. Святительскія митры, жалованныя Царями подъ именемъ коронъ, имѣютъ вокругъ шапки зубчатый вѣнецъ, или обручъ; одна изъ таковыхъ коронъ называлась *большою*, а другая *меньшою*. Митры Патріаршія и Митрополичьи различались отъ Епископскихъ и Архимандричьихъ не столько формою, сколько украшеніями и матеріаломъ. Такъ напр. въ великіе праздники на служеніи Патріарху предоставлена уставомъ митра съ крестомъ и короною, Митрополитамъ шапка золотая, или серебряная позолоченая, Архіепископамъ и Епископамъ шапка среброкованая. (14)

Чтожь касается до изображенныхъ здѣсь митръ перваго и шестаго Патріарховъ Московскихъ, въ концѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣка, то онѣ разнятся какъ своею формою, такъ равно и убранствомъ. Первая сходствуетъ съ древними митрами Митрополитовъ и Епископовъ, въ какихъ они обыкновенно изображаются на старинныхъ иконахъ. Она имѣетъ видъ низменной шапочки съ опушкою или околышемъ изъ горностаеваго мѣха; сдѣлана изъ лазоревой камки, шитою волоченымъ золотомъ. На маковицѣ ея, вмѣсто креста, какой осѣняетъ другія Патріаршія митры, вышитъ и обнизанъ мѣлкимъ жемчугомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, вокругъ коего слѣдующія слова: «*Все оупоканіе мое к Тебѣ возлагаю, Мати Божіа, Ты мѣ сохрани подъ крокомъ Твоимъ!*» На челѣ изображенъ Деисусъ, по сторонамъ св. Апостолы Петръ и Павелъ и другіе Святые, которыхъ имена трудно разобрать. Надъ околышемъ кругомъ идетъ надпись, низанная жемчугомъ: «*Призри съ неба, Боже, и виждь и посѣти киноградъ сей, его же наслади десница Твоя!*» На серебряномъ плащѣ

(13) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церков. облаченій. Спб. 1804, вѣ 4.

(14) Исторія Росс. Іерархіи. 1 и 11.

вырѣзано: « лѣта 3941 Сѣнтѣбрѣ въ 11 день сдѣлана сіѣ шапка новелѣніемъ Святѣйшаго Іека Патріарха Московскаго ѿ всея Росіи. »

Въ духовной грамотѣ своей Іовъ, 1597 г. упоминаетъ, что онъ « устроилъ на свои келейныя, заздравныя и заупокойныя милостинныя деньги « въ домъ Пресвятыя Богородицы шапки, саки и пр. » (15) Присланная же Іову отъ Цареградскаго Патріарха митра, слывающая короною Палеолога, вдвое выше описанной нами шапки, конусообразная съ перекрестьемъ на тульѣ и съ осмиконечнымъ крестомъ на верху.

Никонова митра, названная въ описи *большою короною*, отличается отъ первой величиною, искусствомъ работы, роскошью и узорочностью украшеній, тѣмъ велелѣніемъ, какое сей Патріархъ старался придать Святительскому сану. По серебряной вызолоченой доскѣ ея, надъ обручемъ въ коронахъ размѣщены изображенія Спасителя и XII Апостоловъ, какія украшали корону Царицы Ирины, супруги Θεодора I (16); надъ ними въ четырехъ клеймахъ накладныя съ финифтью иконы Богоматери и Гавріила Архангела благовѣствующаго, потомъ тезоименитыхъ Царю Алексію Михайловичу и Царицѣ Маріи Ильиничнѣ св. Алексія Божія челоуѣка и Маріи Египтяныни. Съ верху митры спущено перекрестье, состоящее изъ разныхъ драгоценныхъ каменьевъ и обнизанное кафимскимъ жемчугомъ; на маковицѣ ея возвышается четвероконечный крестъ изъ Греческихъ алмазовъ; при подножіи его двойная осмугольная звѣзда — символъ надежды. (17) На обручѣ, обнимающемъ, вмѣсто мѣховой опушки, края, или рога митры, въ гнѣздахъ и репьяхъ вставлены изумруды, лалы и яхонты, кои представляютъ въ ней *вѣнецъ отъ каменій драгихъ*. Святолѣпная утварь сіѣ запечатлѣна слѣдующею лѣтописью въ звѣздѣ: « Въ царствѣ благочестивѣйшаго Великаго Государа Царя ѿ Великаго Кнѣзя Алексіѣ Михайловича всея великіѣ ѿ малыѣ Росіи Самодержца, духовнаго пастырства при Великомъ Господинѣ, Архіепископѣ царствующаго града Москвы ѿ всея великіѣ ѿ малыѣ Росіи Святѣйшемъ Патріархѣ Никонѣ, въ вѣчнѣю память Болрина Никиты Івановича Романова 4471 г. Іюніа 11 день. » Какъ святительская утварь сіѣ, такъ равно и надпись напоминаютъ намъ блестящую эпоху славы и могущества Никона, когда Самодержецъ, при-

(15) Древняя Росс. Вивліоонка, IV, 123.

(16) Карамз. II. Г. Р. X, пр. 217.

(17) *Andreae Alciati emblemata cum commentariis*. Patavii, 1661, in-4.

знательный за его подвиги ко благу Церкви и государства, за спасение своего семейства отъ моровой язвы, именовалъ его своимъ другомъ и далъ ему титулъ *Великаго Государя*. Но Никонъ, отрекавшійся отъ сего высокаго титула, названъ въ надписи на сей митрѣ *Великимъ Господиномъ*, а на другой митрѣ Греческой: *κύριος, κύριος*, что значить и Господинъ и Государь. Кромѣ благоволенія и признательности Царя къ Патриарху, этотъ даръ свидѣтельствуеть о благоговѣннн его къ памяти дяди своего, боярина и дворецкаго Никиты Ивановича Романова, погребеннаго 1655 года, Декабря 11, (18) въ Новоспасскомъ монастырѣ, этомъ родовомъ кладбищѣ рода Романовыхъ, гдѣ Никонъ до Патриаршества своего былъ Архимандритомъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что какъ на этой коронѣ, такъ и на Греческой митрѣ Никона, годъ изображенъ Арабскими цифрами не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, что служитъ доказательствомъ употребленія Арабскихъ цифръ и лѣтосчисленія отъ Р. Х. еще до Петра I. Если же принять числовой знакъ 1 за церковный, а не Арабскій, то судьба это число мѣсяца обрекла Никону концемъ его Патриаршескаго служенія; извѣстно, что онъ, спустя послѣ того три года, добровольно оставилъ Святительскій престолъ 10 Юня. (19)

(18) Выходы Государей Царей и Великихъ Князей съ 1632 по 1682 годъ, изд. II. Строева. М. 1844, въ 4.

(19) Акты Археографической Экспедиціи. IV, 149.

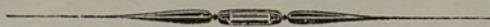
ПАТІАРШАЯ МИТРА.

(Рисунокъ Омд. I. № 86.)

Митра сія, по преданію, Патріарха Іоакима, болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на Святительскую шапку; въ описи Патріаршей ризницы она названа *среднею*. На ней нѣтъ образовъ и надписей, кои опредѣляли бы ея значеніе и время устроенія; но она замѣчательна богатствомъ и великолѣпіемъ украшеній, искусствомъ Царскихъ ювелировъ XVII вѣка.

Золотое ея перекрестье, или запона, наложенная на червчатый бархатъ, блистаетъ драгоцѣнными камнями и жемчугами. Вокругъ митры надъ нижнимъ вѣнцемъ одиннадцать золотыхъ коронокъ съ лалами, изумрудами, яхонтами и алмазами. Между перекрестьемъ наложены репы, или розетки изъ драгоцѣнныхъ камней; вдоль простираются пряди бурмицкаго жемчуга. Верхъ увѣнчанъ алмазнымъ четвероконечнымъ крестомъ.

Вѣсу въ этой митрѣ 4 фунта и 69 золот.



МИТРА НИКОНА ПАТРИАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 87.)

Эта митра, названная въ описи *большою*, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ по богатству украшеній и по искусству работы. Какъ и въ предыдущей, золотая ея заплата, усеянная лалами, червчатыми и лазоревыми яхонтами, изумрудами и алмазами, образуетъ четвероконечный крестъ, соединенный вверху съ многоугольною звѣздой въ заплать, а къ низу съ вѣнцомъ изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней между двумя прядями жемчуга. Звѣзда служитъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ алмазовъ и яхонтовъ; другой алмазный крестъ утверждень на передней сторонѣ митры. Между перекрестьемъ, обнизаннымъ прядями окатистаго жемчуга, вставлены четыре клейма съ финифтяными изображеніями Евангелистовъ съ крупными изумрудами. Подъ клеймами на финифтяныхъ плащахъ читаете слѣдующую надпись :

Здѣлана сіа свѣтительская шапка великомъ Господинѣмъ Свѣтѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Русіи мѣста *3рѣ, Октября въ 10 день по повелѣніемъ великаго Государя Царя и великаго Князя Алексѣя Михайловича и его благоверныхъ Царицы и великіа Княгини Маріи Ильиничны.

Хотя въ надписи и означень 1651 годъ; но въ описи Патріаршей ризницы правильнѣе 1653 г.; ибо Никонъ облечень саномъ Патріарха 1652 г. Іюля 25.

Въ 1775 году Святительская митра сія передѣлана, по желанію Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, когда онъ, оставивъ дворъ, учился церковному уставу въ Александро-Невской лаурѣ и носилъ монашескую одежду. (1) Преданіе говоритъ, что Потемкинъ примѣривалъ эту митру, будетъ ли она ему въ пору.

Вѣсомъ утварь эта 6 фунтовъ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ.

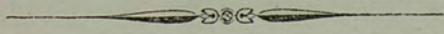
(1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. *Д. Н. Баитышъ-Каменискимъ*, ч. IV.

МИТРА,
ПОЖАЛОВАННАЯ ЦАРЕМЪ АЛЕКСІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ НИКОНУ ПАТІАРХУ,

(Рисункъ Отд. I. № 88.)

Эта драгоценная утварь, подобно предъидущей, есть памятникъ особеннаго благоволенія Царя Алексія Михайловича къ Никону Патріарху, котораго онъ называлъ своимъ другомъ.

Формою своей она болѣе походитъ на древнія митры, чѣмъ другія Патріаршія митры и короны. Основа ея алтабасная. Перекрестье ея и вѣнецъ состоятъ изъ крупнаго жемчугу, между коимъ вставлены репы изъ драгоценныхъ камней и на передней сторонѣ камей изъ лазореваго яхонта съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Верхъ ея осѣненъ осмиконечнымъ крестомъ. Между перекрестьемъ вставлены четыре клейма финифтяныя съ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ. При подножіи ихъ наведена финифтью слѣд. надпись: *Здѣлана сіа склѣпительская шапка великомъ Господинѣмъ Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, лѣта 7378, марта 11, по повелѣніемъ великаго Гдѣря и великаго Кнѣзя Алексѣя Михайловича всея Русіи и ево благоверной Црцы и великой Кнѣгини Маріи Ильиничны.*



ГРЕЧЕСКАЯ МИТРА.

(Рисунокъ. Отд. I. № 89.)

Въ описи Патриаршей ризницы она названа *меньшею*, также известна подъ именемъ *Цареградской* и болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на святительскую митру. На золотой алтабасъ этой митры наложена золотая прорѣзная запона, усѣянная драгоцѣнными камнями и украшенная финифтяными травами и цвѣтами; между ими размѣщены золотыя съ черною пупки. На запонѣ изображенъ Спаситель; по сторонамъ чеканные золотые образа четырехъ Евангелистовъ. Подъ осмиконечнымъ крестомъ золотая чашка съ чернью, кою наведены поясныя изображенія трехъ Московскихъ Святителей и о агіос Василиосъ Кесаризки. Кромѣ послѣднихъ словъ, нѣтъ никакихъ признаковъ Греческаго дѣла; да и Греческія слова могли быть списаны Московскимъ художникомъ съ Греческаго образа. Соединеніе же трехъ мѣстныхъ Святителей ясно показываетъ, что митра сія устроена между учрежденіемъ праздника ихъ при Іовѣ Патриархѣ и принесеніемъ въ Москву мощей св. Филиппа Митрополита при Іосифѣ Патриархѣ. По видимому, она была передѣлана, какъ и показываютъ ея орнаменты, относящіеся не къ одному времени и не къ одному стилю.

Вѣсу въ ней 3 фунта и 26 золотниковъ.



МИТРА,
ПРИСЛАННАЯ ИЗЪ ГРЕЦІИ КЪ ПАТРИАРХУ НИКОНУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 91.)

Митра эта, названная въ описи *короною*, по преданію, прислана къ Никону изъ Греціи, гдѣ уже извѣстно было имя и вліяніе на дѣла Московскаго Первосвятителя. Форма ея соотвѣтствуетъ этому названію, а богатство разнообразныхъ узорочій ея назначенію въ Патриаршемъ служеніи, ознаменованномъ торжественностью и великолѣпіемъ.

Основу митры составляетъ серебряная вызолоченая доска, на коей положено перекрестье, запоны и репы изъ разныхъ драгоценныхъ камней и жемчуговъ. На верхушкѣ двѣ осміугольныя звѣзды, вставленныя одна въ другую, служатъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ червчатыхъ яхонтовъ и изумрудовъ. Вокругъ звѣздъ на финифтяномъ ободкѣ изображена слѣдующая надпись изъ Псалма XX, 4: «*ἔθηκας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου. Ζωὴν ἠτήσατό σε, καὶ ἔδωκας αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν. Τοῦ μακαριωτάτου Πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχολίας καὶ πάσης Ρωσίας κυρίου κυρίου Νίκωνος σημημαῖω, (σημεῖον?)* т. е. «Положилъ « еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Живота просилъ есть, у тебе и « далъ еси ему въ долготу дній. Блаженнѣйшаго Патриарха великаго града « Москвы и всея Россіи, Господина Никона знаменіе, 1653. »

Хотя образа на митрѣ Греческаго дѣла и писмена на нихъ Греческія; но изъ самой надписи не видно, что корона эта прислана изъ Греціи Ни-

кону Патріарху, вскорѣ по вступленіи его на святительской престолъ. Вѣроятнѣе, она доставлена отъ вселенскихъ Патріарховъ одному изъ предшественниковъ Никона, а имъ она только украшена драгоценными камнями и Греческою надписью; потому что онъ и другія древнѣйшія утвари своихъ предшественниковъ запечатлѣлъ своимъ именемъ.

Между перекрестьемъ, на четырехъ золотыхъ плащахъ, или клеймахъ, вычеканены и наведены чернью Св. Евангелисты съ Греческими надписаніями ихъ именъ и зачала Евангеліи у každого. Надъ нижнимъ вѣнцомъ возвышаются двѣнадцать городковъ, или рещевъ изъ жемчуговъ, изумрудовъ и яхонтовъ, представляющихъ подобіе криновъ и числомъ своимъ намѣкающихъ на XII Апостоловъ. Всомъ ета митра 5 фунтовъ. Сходная съ нею и, какъ вѣроятно, по образцу ея сдѣланная, также кованая митра есть даръ Патріарху отъ Царя Алексія Михайловича и Царицы Маріи Ильиничны, какъ показываютъ самыя надписи на ней и финифтяные образа Св. Алексія Божіяго челоуѣка и Маріи Египетской, имъ тезоименитыхъ. Съ того времени распространились митры златокованныя, которыя замѣнили прежнія мягкія; онѣ жалуемы были, какъ особыя преимущества, Архіереямъ и даже Архимандритамъ.



ПАТРИАРШІЕ КЛОБУКИ.

(Рисунокъ Омд. I. № 92, 93.)

Патріаршіе клобуки, здѣсь изображенныя, даютъ намъ поводъ коснуться вообще значенія и употребленія клобуковъ, преимущественно бѣлыхъ, нѣкогда составлявшихъ предметъ состязаній на соборахъ Россійской Церкви и посему относящихся какъ къ Исторіи, такъ равно и Археологіи.

Собственно *клобукъ*, на новогреческомъ *καβούκη* есть покрывало изъ шерстяной, или шелковой ткани, носимое монахами сверхъ каптыря, или камилавки; въ таинственномъ смыслѣ онъ означаетъ *шлемъ спасенія*. (1) Изъ отечественной исторіи открывается намъ, что въ древности на Руси отъ употребленія клобуковъ или черныхъ шапокъ заимствовали свое названіе народы Черкаскаго племени, *Черныя клобуки* и что не только Великіе и удѣльные Князья, но и слуги Княжескіе носили на головѣ клобуки; (2) потомъ даже при крещеніи на младенцевъ, какъ видно изъ древняго Требника, надѣвали клобучки, или куколи, родъ шапочекъ. (3) Чтожъ касается до монашескаго наглавія, то нерѣдко подъ словомъ *клобукъ* разумѣютъ и покрываемую имъ

(1) Новая Скрыжаль, соч. Пресв. Вспіаміа, изд. 4. М. 1816, вѣ 4.

(2) Карамз. И. Г. Р. 1, пр. 90, 457, 11, 71, 152, пр. 353.

(3) Молитвенникъ или Требникъ изъ Греч. языка на Словенской преведенный изслѣдованнымъ изъ друкарнѣ Пана Ѳ. Ю. Балабаба, Стратинское издаванье, року 1606, вѣ 4.

камилавку; даже въ среднемъ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ *καμίλαβα*, *camilabo*, значитъ покрывало на камилавкѣ святительской, спущенное крылами, или космами, на обѣ стороны, тоже что клобукъ. Шапочка сія, или скуфья *καμελαύμιον*, по мнѣнію Кедрина, Леона Аллація и Гоара, происходитъ отъ *κάμηλος* верблюды и *ἀνχήν*, выя и тѣсный входъ, потому что у Восточныхъ иноковъ для защищенія головы отъ солнечнаго зноя, она дѣлалась изъ верблюжей шерсти съ покрываломъ, или клобукомъ, коего заднимъ концемъ образуется горбъ, что подало поводъ другимъ производить слово сіе отъ *καῦμα*, зной, варъ и *ἐλάυνω*, укрошаю, слѣд. шапка, защищающая отъ жара. (4) И такъ наглавію сему, сперва принятому необходимою, въ послѣдствіи придано символическое значеніе, наконецъ оно обращено въ знакъ отличія.

Въ порядкѣ іераршескомъ Россійской Церкви издревле клобуки Митрополиты и даже Епископскіе отличались иногда бѣлымъ цвѣтомъ отъ черныхъ клобуковъ монашескихъ; но такое отличіе не было въ ней повсемѣстнымъ и постояннымъ, какъ видимъ въ восточныхъ церквахъ православнаго исповѣданія. Въ Александрійской Церкви, при торжественныхъ случаяхъ, и скитскіе старцы облакались въ бѣлую одежду.

По сомнительному сказанію Русскаго толмача Димитрія, бывшаго въ Римѣ въ началѣ XVI вѣка, бѣлый клобукъ первоначально былъ дарованъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Константиномъ Великимъ Римскому Патріарху Сильвестру; въ XIV вѣкѣ изъ Рима перенесенъ въ Царьградъ, откуда Патріархъ Филофей, рукоположившій Св. Алексѣя Митрополита, прислалъ въ даръ Новгородскому Архіепископу Василю бѣлый клобукъ, хранящійся въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго Собора. Такое іераршеское отличіе присвоили себѣ и преемники его, въ томъ числѣ Геннадій, къ которому писалъ сказаніе изъ Рима Димитрій толмачъ. Но Московскій соборъ 1666 года призналъ это сказаніе лживымъ и неправымъ, « еже писа отъ вѣтра главы своя. »

Митрополитъ Платонъ, основываясь на томъ, что гораздо прежде Василя Новгородскаго, первый Епископъ Ростовскій Леонтій носилъ бѣлый клобукъ, съ вѣроятностію полагаетъ, что обыкновеніе сіе заимствовано не изъ Новгорода; но существовало прежде отъ самаго начала Христіанства

(4) *Ducangii Glossarium ad scriptt. mediæ et infimæ graecitatis*, 2 t. Lugduni, 1688, f.

въ Россіи. (5) Обращаясь къ исторіи Константинопольской Церкви, откуда вѣра христіанская пересаждена въ Россію, мы находимъ тамъ образцы бѣлому клобуку, коего Димитрій Толмачъ отыскивалъ въ Римѣ, именно: Іоаннъ Кантакузинъ, при описаніи вѣнчанія на Царство Іоанна Палеолога, замѣчаетъ, « что на главѣ у Патріарха было бѣлое покрывало, украшенное золотомъ и съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери и Предтечи » (ἐπὶ τῆς κεφαλῆς), какое обыкновенно нашивали прежніе Патріархи изъ бѣлаго Духовенства » (6). Послѣ того какъ у Грековъ оставленъ былъ обычай производить Патріарховъ и Митрополитовъ не изъ монашества: то и вышелъ изъ употребленія бѣлый клобукъ, замѣненный чернымъ, какой донинѣ у нихъ носятъ Патріархи и Митрополиты. Вѣроятно, на такомъ основаніи Цареградскій Патріархъ даровалъ бѣлый клобукъ Новгородскому Архіепископу Василю, избранному и хиротонисанному въ 1331 году изъ приходскихъ священниковъ Козмодемьяновской церкви въ Новгородѣ.

Сверхъ того, о древнѣйшемъ употребленіи бѣлаго клобука Россійскими Архипастырями, представляютъ намъ различныя мнѣнія два Московскіе собора 1564 и 1666 годовъ. На первомъ, бывшемъ послѣ смерти Всероссійскаго Митрополита Макарія, прежде Архіепископа Новгородскаго, въ присутствіи Царя Іоанна Васильевича, разсуждаемо было: « почему Митрополитъ Всероссійскій носитъ черный клобукъ, тогда какъ прежніе Русскіе первопрестольницы Петръ и Алексій, Іоаннъ Архіепископъ Новгородскій, Леонтій, Игнатій и Исаія Ростовскіе Святители носили бѣлые клобуки и теперь Пимень Архіепископъ Новгородскій, подобно предшественникамъ своимъ, употребляетъ такой же клобукъ? » Въ подтвержденіе сего приведены соборною грамотой и образа Первосвятителей Московскихъ и Владыкъ Ростовскихъ и потомъ сказано, что « въ писаніи не обрѣли, чего для бѣлые клобуки оставлены Всероссійскими Митрополитами. (7) Но спустя послѣ того столѣтіе, Московскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Восточныхъ Патріарховъ Паисія и Макарія, вопреки первому, объявилъ въ статьѣ объ иконописцахъ, подписанной по арабски однимъ Антиохійскимъ Патріархомъ, что « несправедливо иконописцы пишутъ Св. Петра, Алексія и Іону,

(5) М. Платона Краткая Церковная Росс. Исторія. М. 1805, ч. I, стр. 239 и 40.

(6) Historiarum Ioannis Cantacuzeni ex imperatoris. III, с. 36.

(7) Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ въ 1 т. Актовъ историческихъ, изд. Археограф. Коммисіею. Спб. 1841, въ 4.

« Московскихъ Чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ , зане они клобуки бѣ-
 « лые не носиша и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ
 « сей обычай и ниже Киприанъ и Фотій Митрополиты и прочіи , которіи
 « поставлени быша во Царьградъ во Архіерейство, носиша бѣлыя клобуки. »
 Съ Василія, « Архіепископа Новгородскаго , продолжаетъ дѣяніе соборное ,
 начали Новгородскіе Іерархи носить бѣлые клобуки , кои, послѣ Геннадія,
 приняли и Московскіе Митрополиты. (8) По видимому, дѣяніе собора 1564
 года , неизвѣстно было собору 1666 года и свидѣтельства лѣтописей, изъ
 коихъ Никоновская и Русскій Временникъ подтверждаютъ , что « бѣлые
 клобуки изначала носили въ Россіи Митрополиты и Епископы » Этому
 доказательство представляетъ памятникъ XI вѣка Святославовъ сборникъ ,
 гдѣ на миниатюрѣ изображены Святители не въ черныхъ клобукахъ, но въ
 бѣловидныхъ. Сверхъ того, лѣтописецъ указываетъ намъ на Митяя , наре-
 ченнаго преемникомъ Св. Алексія Митрополита, что онъ самовольно возло-
 жилъ на себя бѣлый клобукъ , потомъ упоминаетъ о Св. Киприанѣ , прив-
 шемъ такой клобукъ, наконецъ о Митрополитѣ Пименѣ, съ котораго снятъ
 былъ бѣлый клобукъ, по повелѣнію В. К. Дмитрія Донскаго. (9) Такіе факты
 опровергають слова соборной грамоты : « ниже бысть еще въ Россійскихъ
 « странахъ сей обычай и что предъ Геннадіемъ Архіепископомъ Новгород-
 « скимъ никто отъ Архіерей нигдѣ носи бѣлый клобукъ, точію единъ Ген-
 « надій. » Присутствовавшіе на соборѣ Восточные Патриархи и духовныя
 особы изъ Бѣлорусцевъ, не зная, по видимому, Русской Исторіи и Русскихъ
 древнихъ обычаевъ , судили объ этомъ по обычаю своей страны , который
 распространили и на Русское Духовенство.

Между тѣмъ, опровергнувъ неосновательное сказаніе Дмитрія Толмача,
 они не отвергли « нѣкотораго древняго обычая въ Великороссійскомъ Госу-
 « дарствѣ, » по коему дозволили Митрополитамъ носить бѣлый клобукъ.
 Объ этомъ древнемъ обычаѣ, какъ увидимъ далѣе, упоминаетъ дѣяніе Мо-
 сковскаго собора 1675 г.

Какъ бы то ни было, но и въ Россіи XVI вѣка, не повсемѣстно и
 безразлично было употребленіе сего Святительскаго отличія, основанное на
 древнемъ отечественномъ обычаѣ. Такъ при поставленіи Митрополита Іоа-

(8) Никон. Лѣтопись, IV, 231.

(9) Карамз. И. Г. Р. IV, 273, пр. 360. V, 57, 61, пр. 60, 232.

саѣа 1539 г. упомянуть просто *клобукъ*; а 1564 г. въ чинѣ хиротонисанія Аѳанасія, бывшаго дотолѣ протопопомъ Благовѣщенскаго собора и духовникомъ Царя Іоанна Васильевича, сказано о возложеніи *бѣлаго клобука*. (10) Хотя въ 1564 году « Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили и « укрѣпили, что отъ сего времени Митрополитамъ Русскимъ учинить древною почесть носить имъ клобуки бѣлые съ рясами и Херувимами; » но въ чинѣ поставленія Митрополита 1581 года значитъ, что ношеніе бѣлаго или чернаго клобука зависѣло отъ соизволенія Государя — « како Царь повелить. » (11)

Съ учрежденіемъ же Патріаршества въ Москвѣ, 1589 года, постоянно узаконено Святителямъ употребленіе бѣлаго клобука; одинъ только Никонъ, по примѣру восточныхъ Патріарховъ, иногда носилъ чернѣй клобукъ, какой донинѣ хранится въ ризницѣ Воскресенскаго, что новый Іерусалимъ, монастыря.

Въ Патріаршей ризницѣ находится 24 бѣлыхъ клобука, кои въ старой описи называются Митрополичьими и Патріаршими; всѣ они изъ шелковой ткани, низменные, съ полусферическимъ каптыремъ, съ малыми воскриліями или рясами, и только на одномъ изъ нихъ вышитъ Серафимъ, какъ увидимъ далѣе.

Отличіемъ Патріаршихъ клобуковъ отъ Митрополичьихъ были нашитыя на нихъ изображенія Деисуса и Херувимовъ, также водруженный на маковицѣ ихъ крестъ. Хотя М. Евгенийъ утверждаетъ, будто до Никона Патріарха клобуки были безъ св. иконъ и безъ воскрилій, съ какими носили ихъ Новгородскіе Архіепископы; (12) однако на клобукѣ Патріарха Филарета видимъ и св. иконы и воскрилія. Покрывало сіе обыкновенно было или чешуйчатое камчатное, или вязеное изъ шелка; оно украшалось жемчугомъ и драгоценными каменьями; образа на немъ были шиты шелкомъ или наведенныя чернью на серебряныхъ и золотыхъ дробницахъ, или плащахъ. По назначенію своему и времени употребленія, клобуки были *большаго наряда*, какіе надѣвались въ большіе праздники, *средняго* и *меньшаго наряда*, *рядовые* или повседневные; (13) потомъ теплые изъ лисьихъ черевъ,

(10) Акты Археографической Экспедиціи. I, и въ Актахъ историческихъ, I, N 173, Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ.

(11) Собраніе Госуд. грам. II, 69.

(12) Историч. разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

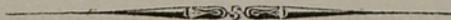
(13) Книга: Списокъ съ переписной Патріаршей домовою казны, 7166 г. N 543.

покрытые бѣлымъ бархатомъ. Каптырь или камлавка была низменная, полусферическая, похожая на скуфью. Съ Никонова времени замѣтно болѣе великолѣпія и знаменательныхъ украшеній, какія онъ любилъ придавать своему сану; тогда вошли въ употребленіе Греческіе такъ называемые рогатые клобуки. На соборѣ 1675 года опредѣляется это Святительское отличіе слѣдующимъ образомъ: Патріархъ имѣетъ въ ношеніи на великіе праздники клобукъ бѣлый, « на немъ водруженъ крестъ вверху, въ концахъ же образы чудотворцевъ обнизанные. Въ прочіе дни на клобукахъ Серафимы и кресты обнизаны напередъ имущіе. Патріаршій камлавъ имѣти, аще и бѣловидѣнъ изъ яковы либо вещи, по обычаю нашея Всероссийскія страны, точію со нашивеніемъ Херувима, паче же приискреннѣ имѣти нашвенъ образъ креста. » (14) Изъ числа клобуковъ большаго наряда изображены здѣсь два, замѣчательные по богатству украшеній и по принадлежности ихъ знаменитымъ въ отечественной исторіи Святителямъ; одинъ, по описи Патріарха Филарета Никитича, другой Патріарха Никона, которые имѣли титулъ *Великихъ Государей*. Лица одного писаны съ стариннаго портрета въ Теремномъ дворцѣ, а другаго съ современнаго Никону Патріарху портрета въ Воскресенскомъ, что новыи Іерусалимъ, монастырѣ. Первый вязеный изъ крученаго шелка, съ Херувимомъ на главѣ, вынизаннымъ изъ жемчуга; на рясахъ или воскриліяхъ восемь золотыхъ дробницъ, или плащей, на коихъ наведены чернью лики св. Николая, трехъ Вселенскихъ, трехъ Московскихъ и трехъ Ростовскихъ Святителей, на заднемъ крылѣ дробница изображаетъ св. Варлаама, Новгородскаго чудотворца. На маковицѣ клобука нѣтъ креста, какой водруженъ на клобукѣ Никона. На семь клобукѣ камчатномъ, вмѣсто Херувима въ главѣ, вышитъ шелками и обнизанъ жемчугомъ Деисусъ, а на воскриліяхъ три Вселенскихъ и четыре Московскихъ Святителя, въ томъ числѣ и св. Филиппъ Митрополитъ, наконецъ св. Алексій Божій человекъ, тезоименитый Царю Алексію Михайловичу. Края воскрилій обсажены негранеными изумрудами, яхонтами и крупнымъ жемчугомъ. Хотя на сихъ Патріаршихъ наглавіяхъ нѣтъ лѣтописи, кромѣ надписанія на ликахъ Святыхъ, но сіи самыя лики замѣняютъ ее. На клобукѣ Филарета Ростовскіе Святители напоминаютъ, что прежде онъ былъ Ростовскимъ Митрополитомъ; на Никоновомъ ликѣ св. Филиппа знаменуетъ

(14) Древн. Росс. Вивліоѳека. XVI, 308.

присоединеніе сего Іерарха Патріархомъ къ собору Московскихъ Святителей, а изображеніе св. Алексія Божія челоуѣка указываетъ на дружественныя отношенія Царя къ Патріарху, котораго онъ называлъ въ грамотахъ своихъ « избраннымъ и крѣпкостоятельнымъ пастыремъ, возлюбленнымъ « любимцемъ и содружебникомъ своимъ. » (15)

(15) Акты Археографической Экспедиціи, IV, N 57.



ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ СЪ СВОИМЪ КЛИРОМЪ.

(Рисункъ Омд. I. № 94.)

Это изображеніе, въ старинныхъ рамахъ, писанное на холстѣ, вышиною около трехъ, а шириною около двухъ аршинъ, занимаетъ мѣсто на хорахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или новомъ Іерусалимѣ. На немъ представленъ во всемъ святольпномъ величїи своего сана, на горнемъ или Святительскомъ мѣстѣ, знаменитый Патріархъ Никонъ, основатель этого монастыря, какъ значится и въ надписи: *свѣтѣйшаго Никона Патріарха Московскаго ѿ всѣхъ Россїи*. Надъ головою его видѣнъ на стѣнѣ образъ Богоматери; Патріарху предстоитъ клиръ его. Всѣ они въ полномъ облаченіи, какъ должно быть въ соборной службѣ. На Патріархѣ тотъ же самый омофоръ и таже митра, какія хранятся въ Патріаршей ризницѣ; на персяхъ у него панагія и крестъ. Въ лѣвой рукѣ у него посохъ съ рогами; правая положена на раскрытую книгу, которую держитъ предъ нимъ юный поддьякъ Германъ. Ему предстоятъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его сослужебники: Архимандритъ Воскресенскаго монастыря Герасимъ въ фелони и митрѣ, потомъ духовный отецъ его, Іеромонахъ Леонидъ, Іеромонахъ Іовъ, Архидіаконъ Евфимій, Діаконъ Іосія, поддьяконъ Іліодоръ и наконецъ поддьякъ Серафимъ, держащій въ рукахъ Патріаршія четки и очки. Какъ всѣ сїи лица изъ монашествующихъ, то можно съ достовѣрностію полагать, что живописецъ изобразилъ святительское служеніе, или пропо-

вѣданіе Слова Божія въ монастырѣ Воскресенскомъ. По своему значенію въ первенствующей и отечественныхъ Церквахъ, замѣчательнъ для насъ въ Патріаршемъ клирѣ Архидіаконъ, какъ первенствующій надъ діаконами. Онъ въ монашескомъ клобукѣ, потому что въ Архидіаконы при Патріархахъ, Митрополитахъ и Архіепископахъ поставлялись изъ монашесствующихъ. Чинъ этотъ существовалъ въ Россійской Церкви до изданія Духовныхъ штатовъ 1764 года. (1) Наконецъ этотъ самый отрокъ, поддьякъ Серафимъ сопровождалъ Патріарха на соборъ, созванный въ Чудовѣ монастырѣ для низложенія этого Святителя, и тамъ, не смотря на препятствія, предстоялъ ему съ крестомъ.

По содержанию своему и времени, это изображеніе важно не только въ художественномъ, но и въ историческомъ отношеніи, потому что представляетъ намъ не только черты и облаченіе великаго дѣятеля въ отечественной Церкви, но и его клиръ — его сотрудниковъ, сострадальцевъ. (2)

Въ правильныхъ и вмѣстѣ рѣзкихъ чертахъ Патріарха выражается какое то самосознаніе ума, пылкость и стойкость характера, крѣпость воли; не смотря на то, что переступилъ за полвѣка своей жизни, онъ еще сохранилъ бодрость и свѣжесть силъ тѣлесныхъ; умное и одушевленное его лице составляетъ рѣзкую противоположность съ окружающими его лицами. Дстойное быть на первомъ планѣ, оно выражаетъ готовность на молитву и подвигъ. По сходству его съ изображеніемъ подъ N 92 и съ другими, можно заключать, что онъ списанъ здѣсь съ природы. Въ окружающихъ его лицахъ выражено различіе характеровъ, возрастовъ, націй и положеній. Возмите напр. лице духовника Патріаршаго: оно являетъ маститаго старца, опытнаго въ монашеской жизни, украшеннаго сѣдинами, благо-разуміемъ и смиреніемъ. Ему противоположны лица Архидіакона и Діаконовъ полныя силы, юныя, свѣжія; мужественныя ихъ черты общають мужественный басистый голосъ, для котораго они избирались Патріархомъ, любителемъ святольпности церковнаго служенія. Подобно какъ у другихъ сослужебниковъ, во взорахъ его выражается вниманіе къ словамъ Святителя; между тѣмъ какъ глаза двухъ юныхъ поддіаконовъ устремлены на Патріарха, въ ожиданіи мановенія его — одинъ, чтобы пере-

(1) Историческое разсужденіе о чинахъ Греко-Россійской Церкви, чит. въ собр. Александровской Академіи Кандидатомъ Богословія Д. Малиновскимъ. Спб. 1805, въ 4.

(2) Начертаніе жизни и дѣяній Никона П. М. соч. Архимандрита Аполлоса. М, 1846, въ 8.

вернуть листъ въ книгѣ, другой, чтобы подать ему очки и четки. Судя по лицеочертанію, нѣкоторые изъ клириковъ Никона похожи на Грековъ, Евреевъ, Молдаванъ. И дѣйствительно, окружая себя иностранцами, для перевода и сличенія книгъ съ Греческаго и Латинскаго языковъ, любознательный Архипастырь нерѣдко самъ съ ними занимался. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ и собесѣдниковъ раздѣляли съ нимъ опалу и заточеніе.

Въ сочиненіи картины, художникъ, вѣрный приличію и чинности, пожертвовалъ мѣстности законными условіями перспективы. Стѣсняясь размѣщеніемъ лицъ, онъ принужденъ былъ смѣшать второй планъ съ третьимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пропорціи головъ, для того, чтобы выказать въ своемъ свѣтѣ всѣ лица, имѣвшія свое значеніе въ клирѣ Патріаршемъ. Еслибъ поставить ихъ по обѣ стороны Патріарха: то однѣ заслонили бы другихъ. Всѣ же на одной сторонѣ, въ одинъ рядъ, не могли бы размѣститься; для сего онъ поставилъ ихъ въ два ряда; однихъ надъ другими, такъ какъ поступаютъ зоографы въ многолюдныхъ иконахъ. Кромѣ этого, въ картинѣ недостаетъ еще перспективнаго воздуха. Но головы нарисованы правильно и отчетливо, лицамъ дано соотвѣтственное ихъ характеру выраженіе.

Въ цѣломъ замѣтно согласіе и теплота колорита, такъ что это произведеніе можно признать однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ портретной живописи XVII столѣтія въ Россіи. Разительную съ нимъ противоположность по стилю и нѣкоторое сходство въ чертахъ лица представляетъ изображеніе Никона на иконѣ св. Царей Константина и Елены, стоящей на Голгоѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, Патріархъ съ Царемъ и Царицею въ моленіи припадаетъ къ подножію креста. Тамъ видѣнъ живописецъ—художникъ, здѣсь иконописецъ—подражатель.

По выраженію, картина сія болѣе принадлежитъ къ Фламандской, или Голландской, чѣмъ къ Италіанской или Фряжской школамъ. Послѣдователи первой находились въ числѣ Царскихъ и даже Патріаршихъ зоографовъ, которые при Государевомъ и Святительскомъ дворахъ составляли родъ Академіи художествъ. Между ними были и чужестранные живописцы: изъ Австріи Данило Вухтеръ и Иванъ Детерсъ, изъ Швеціи Дерсонъ, или Детерсонъ, изъ Англіи Иванъ Инглесъ, изъ Польши Станиславъ Лопуцкій, Василій Познанскій и пр. Они перенесли къ намъ стиль школы, тогда господствовавшей въ Европѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ истинное понятіе о портретной живописи. Не показываетъ ли даже самое названіе портретовъ *иконами*, (*εἰκόνος*) *подобіями*, (*ὁμοίωματα*) потомъ

парсунами, персонами, (personæ, personne) *лицами*,—что портретное искусство сперва заимствовано Русскими отъ Грековъ, потомъ отъ Итальянцевъ и Нѣмцевъ. Хотя опыты въ немъ извѣстны были Русскимъ еще въ Кіевѣ при В. К. Святославѣ Ярославичѣ (3) и въ Москвѣ при Іоаннѣ III; но въ XVII вѣкѣ оно стало болѣе распространяться, когда художники начали изучать красоту внѣшнихъ линій и вносить въ искусство личность и народность. Тогда, кромѣ св. иконъ, Царскія и Святительскія палаты, боярскіе хоромы и свѣтлицы украшались портретами Государей и Іерарховъ. По свидѣтельству Рейтенфельса, 1670 года: «нѣкоторымъ особамъ позволялось имѣть «въ своемъ домѣ портретъ Царя, въ знакъ особенной милости.» (4) Въ Титулярникѣ 1672 года, помѣщены портреты Царей Михаила и Алексія, Царевича Алексія Алексіевича и Никона Патріарха. Въ переписной книгѣ Оружейной Палаты 1687 года значатся: «Парсуна Великаго Государя Царя «Михаила Ѳеодоровича на дскѣ длиною 1 аршинъ 10 вершковъ, шириною «1 аршинъ 1½ вершка; Парсуна Великаго Государя Царя Алексія Михай- «ловича писана по полотну, длиною 3 аршина съ 2 вершки, шириною 2 «аршина 1 вершокъ.» (5) Хотя портреты Патріарховъ не ставились надъ гробницами ихъ въ Успенскомъ соборѣ, подобно какъ Царскіе въ Архангельскомъ; но они сохранялись въ Чудовѣ монастырѣ и въ Патріаршей ризницѣ. Когда въ 1632 г. скончался св. Діонисій, Архимандритъ Сергіевой лавры: тогда, по сказанію его жизнеописателя, собрались къ его гробу многіе изографы списывать его лице. (6)

Употребляя науки и художества для своихъ цѣлей, дальновидный Никонъ воспользовался и портретною живописью, чтобы сохранить изображеніе свое и своихъ любимцевъ и сослуживниковъ въ созданномъ имъ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ назначилъ себѣ могилу на мѣстѣ погребенія Царя-священника Мельхиседека въ древнемъ Іерусалимѣ.

Къ сожалѣнію, на самой картинѣ, по всей вѣроятности, современной Никону Патріарху, не нашли мы ни имени художника, ни году ея писанія.

(3) Въ Святославовомъ Сборникѣ 1072 г. миниатюрныя изображенія на пергаментѣ Княжескаго семейства.

(4) Очерки К. Тромошина, N 22, ст. о изображеніяхъ Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича, соч. И. Снегирева.

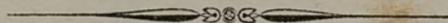
(5) Журн. Минист. Нар. Просв. Июль, 1830 года.

(6) Житіе Препод. Діонисія, Архимандрита Троицко-Сергіева монастыря.

Принимая въ соображеніе самую надпись, гдѣ этотъ Святитель названъ только *Патріархомъ Московскимъ* и *всѣя Россіи*, можно бы предполагать, что изображеніе Никона писано до 1655 г., когда ему, за спасеніе Царскаго семейства отъ моровой язвы, дано Царемъ титуло *Великаго Государя*, которое онъ неохотно принялъ. Но если предположить мѣстность въ Воскресенскомъ монастырѣ, коего строеніе начато въ 1656 году: то надобно отнести эту картину къ годинѣ испытанія Никона, когда ему поставили въ вину невольное присвоеніе титула Великаго Государя и когда этотъ вольный изгнанникъ, отряси прахъ отъ ногъ своихъ въ воротахъ кремлевскихъ, *связанный духомъ*, отошелъ въ свой новый Иерусалимъ. Последнее подтверждаетъ изображенный на картинѣ Воскресенскій Архимандритъ Герасимъ, который вступилъ 1658 г. въ управленіе монастыремъ послѣ Стефана, построившаго тамъ первую деревянную церковь въ честь Воскресенія Христова. (7)

Это изображеніе стояло прежде въ соборѣ Воскресенскаго монастыря надъ Патріаршимъ мѣстомъ. Но Императоръ Павелъ I, поклонившійся здѣсь Никону, замѣтивъ, что оно портится отъ сырости, велѣлъ наклеить его на доску и помѣстить на хорахъ у придѣла въ честь Тихвинскія Богоматери, гдѣ находится и донинѣ.

(7) Исторія Росс. Іерархіи. II, 350.



ПАТРИАРШАЯ ХОДИЛЬНАЯ ОДЕЖДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 95, 103.)

Вмѣстѣ съ церковными облаченіями Святителей въ Московской Патриаршей ризницѣ уцѣлѣла и повседневная, ходильная ихъ одежда, или ряски, по коимъ можно судить о покроѣ платья, о ростѣ и станѣ Патриарховъ. Такія четыре ряски, однѣ изъ двоemorхаго, а другія изъ гладкаго бархата, вишневаго и таусиннаго цвѣта, подложенныя тафтою и дорогами т. е. шелковою полосатою тканью. Двѣ изъ нихъ, приписанныя Патриарху Никону, длиною 2 арш., съ широкими рукавами; а прочія двѣ длиною 1 арш. 14 вершк., съ узкими рукавами. Первыя застегиваются шелковыми пуговицами отъ шеи по грудь, а другія во всю длину разрѣзныхъ полъ. Шею обхватываетъ въ родѣ воротничка узкій ожерелокъ изъ бархата.

На заглавномъ листѣ книги Шведскаго посла Петрея, бывшаго въ Москвѣ при Самозванцахъ, находимъ изображеніе Московскаго Патриарха въ ряскѣ, сходной съ вышеописанными. (1) Какъ первый Патриархъ Іовъ тогда сосланъ былъ въ заточеніе: то, вѣроятно, у Петрея представленъ лжепатриархъ Игнатій въ его обычномъ костюмѣ. Въ такихъ же рясахъ, застегнутыхъ пуговицами съ верху до низу, изображены Архіереи на картинахъ коронаціи Царя Михаила Ѳеодоровича.

Изъ жизни Никона видимъ, что Царь Алексій Михайловичъ пожаловалъ Святителю изъ своей Царевой ризницы множество священныхъ и *вплн-*

(1) Historie und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkowy.

нихъ одеждъ ; посему вѣроятно, и описанныя нами рясы были ничто иное, какъ Царскіе становые кафтаны, обращенные въ рясы. (2) Такіе же кафтаны или платна и кабаты иногда употребляемы были на сакосы.

При сравненіи Патріаршихъ рясокъ съ верхнею ходильною одеждою Цареградскихъ Патріарховъ (3) и съ сутанами (*sottana*) Римскихъ Папъ, Кардиналовъ и Прелатовъ, (4) открывается разительное сходство, которое намъ о первоначальномъ единообразіи въ облаченіяхъ Восточной и Западной Церквахъ.

Но какъ сіи ходильныя одежды Московскихъ Патріарховъ не составляютъ еще всего ихъ наряда (костюма), то, для дополненія его, мы заимствуемъ свѣдѣніе изъ грамотъ, кроильныхъ книгъ и описей Патріаршей домовою казны. Изъ тѣхъ и другихъ видно, что одежда ихъ была *употребительная при священнослуженіи, и вишняя, повседневная, ходильная и пздовая, или походная*. Не касаясь здѣсь первой, осмотримъ послѣднюю, которая намъ показываетъ внутренній бытъ и образъ жизни Святителей.

Монашеская ходильная одежда Русскихъ, заимствованная отъ Грековъ, сначала не разнилась покроемъ и цвѣтомъ у чернецовъ, властей и Архіереевъ ; она была нижняя и верхняя, какъ-то : власяницы, или свиты, рясы и мантии, по большей части, короткія, и клобуки съ каптыремъ или кукули. Въ Печерскомъ Патерикѣ одежда иноческа, соотвѣтствующая обѣту вольной нищеты, называется *чернеческими рубами*. Въ уставной грамотѣ Суздальскаго Архіепископа Діонисія, 1382 года, даже воспрещено монахамъ носить нѣмецкія сукна и шубы бараньи съ пухомъ. (5) Нѣкоторыя неважныя въ ней измѣненія произошли отъ ея приспособленія къ климату и образу жизни ; посему въ Россіи и различалось монашеское одѣяніе, одно по *Греческому*, а другое по *Русскому обычаю*, какъ видно изъ дѣяній Московскаго собора 1666 и 67 годовъ, гдѣ сказано : « одѣяніе монахомъ по « Греческому обычаю благословися ; укоряющіе таковое священства извер- « гаются. » Иерархи и власти, возвышаясь надъ рядовыми чернецами, отли-

(2) Исторія о всехвальномъ и достоблаженномъ Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ, рукоп. устас. въ 4, N 174, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(3) *Costumes de la cour de Rome*. 1843, in-8.

(4) см. Изображеніе Константинопольскаго Патріарха въ D. I. Heinessii *Abbildung der alter u. neuen griechischen Kirche*. Leipz. 1711, in-4.

(5) Акты Археограф. Экспедиціи. I, N 5.

чались не столько покроемъ, цвѣтомъ, сколько богатствомъ и великолѣпиемъ *вишней* ходильной своей одежды, такъ равно отличіями сана. По свидѣтельству Гваньини, писателя XVI вѣка, « платье у Епископовъ было черное, подобно прочимъ монахамъ, иногда шелковое. » (6) Но въ послѣдствіи они стали употреблять и цвѣтное изъ разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, каковы: бархаты гладкіе, золотые, двоєморхіе, камки кизилбашскія, обьяри, тафты, дороги, сукна нѣмецкія и тройцкія. Первый Патріархъ Московскій въ духовной грамотѣ своей, 1597 г., упоминаетъ о *манатяхъ, шубахъ* и *рясахъ*, сдѣланныхъ имъ на свой домашній обиходъ. (7) Въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича, 1630 года, находимъ *шубы нарядныя* и *санныя*, крытыя атласомъ и барбейракомъ багровымъ, *ряски* холодныя и теплыя изъ бархата багроваго и таусиннаго, черныя барбейраковыя, подложенныя тафтою. (8) Сверхъ рясы, при выходахъ надѣвались Святителями *манаты*, или мантии съ источниками, скрижалями и поматами изъ бархата и другихъ шелковыхъ тканей; повседневныя изъ нихъ въ древности были короткія, по колѣна, а праздничныя длинныя. Перемонатка возлагалась сверхъ рясы на персяхъ. Кромѣ рядоваго ходильнаго платья, какъ значится въ описи, было у Патріарховъ особенное ѣздовое или дорожное, къ которому принадлежатъ *мятли* и *кошуми*, помѣщенные въ описи 7138 года. Первые такъ описаны: « мятель, сукно темно-синее, подложенъ киндякомъ зеленымъ, пугвицы шелкъ черенъ, » а другія: « кошуля, тафта двоеличная, шелкъ вишневь, да зеленъ, исподъ черева песповые бѣлы. »

Мятель, вѣроятно, отъ Нѣмецк. *Mantel*, составляла родъ верхней одежды, или епанчи, какую издревле нашивали не только Князья, но и слуги княжескіе. (9) Чтожъ касается до *кошуми*, то въ Польскомъ языкѣ встрѣчается сходное съ нею *koszula*, рубаха; но, по ближайшему объясненію Словаря Россійской Академіи, кошуля есть нижняя мужская и женская одежда, по большей части, подбитая какимъ либо мѣхомъ, на подобіе полукафтаны или полшубка. Хранящееся въ Патріаршей ризницѣ портище

(6) De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. В. D. 1582, in-4.

(7) Древн. Росс. Вивліоѳика. VI, 133.

(8) Опись Патріаршимъ келейнымъ вещамъ 7138 г, N 11, въ Госуд. Архивѣ и опись Патріаршей казны 7139 г, связка 209 въ Придв. Архивѣ

(9) Карамз. И. Г. Р. II, пр. 353.

изъ Турецкаго золотнаго атласа по зеленой землѣ, подложенное осиновымъ киндякомъ и подпушенное брусничною камкою, составляетъ спаленное платье, въ родѣ халата. Изъ головныхъ покрововъ въ описи 1630 г. упомянуты : *шапочки* холодныя изъ камки ; *клобуки теплые* изъ лисьихъ черевъ, покрытые бѣлымъ рытымъ бархатомъ ; *треухъ* соболій подъ обьярми гвоздичными ; шляпа перекрестки черны, подложена бархатомъ чернымъ ; шляпа Цареградская бархатъ черенъ, подложена камкою лазоревою. Въ Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла Патріаршая шляпа изъ лебединого пуха, присланная изъ Китая ; она круглая съ широкими полями ; на полусферической ея тульѣ былъ нашитъ изъ позументовъ крестъ, споротый въ 1812 г. Французами. Подобныя шляпы (*κλεῖσις*) носили Цареградскіе Патріархи сверхъ камилавки. (10)

Мѣсто ролдуговъ, или перчатокъ, замѣняли *рукавки* холодныя и теплыя ; первые были изъ вязенаго шелка, а другіе песцовыя. Обувь Патріаршую составляли *сапоги*, *калиги* или *сандалии*. Въ рукахъ Патріархъ носилъ *лѣтвицу*, родъ четокъ, съ лапостками. Жезлы и посохи у него были одни воскресныя, другіе панихидныя и вседневныя.

Какъ въ Царскомъ, (11) такъ и въ Патріаршемъ гардеробѣ встрѣчается исподнее платье : въ описи домовою казны Патріарха Филарета Никитича значится : « *штаны*, тафта лазорева, на бѣлыхъ черевахъ. » Наконецъ въ той же описи находимъ свѣденіе о *постель* Патріаршей ; ее составлялъ : « войлочекъ обшитъ сафьяномъ лазоревымъ, да шуба одѣвальная баранья. »

Какъ за домовою бѣлою казною Патріарха были особыя смотрители, такъ равно строенемъ ея занимались скатертники, свитошники и портныя, которые входили въ составъ Патріаршаго Двора.

(10) D. S. M. Heinescii Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.

(11) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора. изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

ДРЕВНѢЙШІЯ ОБЛАЧЕНІЯ НОВГОРОДСКИХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ.

(Рисункиъ Отд. I. № 96, 97, 98, 99, 100.)

Ризница Новгородскаго Софійскаго собора украшается драгоцѣнными, по древности, нетлѣнію и святынь, облаченіями и утварями Новгородскихъ Святителей Никиты и Моисея. Св. мощи одного опочиваютъ на вскрытіи въ этомъ соборѣ съ 1107 г., а другаго въ Сковородскомъ монастырѣ съ 1329 года.

Св. Никита, постриженикъ Кіевопечерскаго монастыря, подвижникъ, затворникъ и чудотворецъ, по смерти Новгородскаго Епископа св. Германа, избранъ и поставленъ былъ на святительскій престолъ въ Новгородѣ, 1096 или 97 году; преставился 1107 года, Января 31.

При открытіи св. мощей его, въ 1550 году, найдено на немъ облаченіе, сохранившееся нетлѣннымъ въ могилѣ, гдѣ оно лежало 450 лѣтъ. Все облаченіе состоитъ изъ фелони, эпитрахили, поручей, палицы, штофныхъ коричневаго цвѣта, гаруснаго пояса, омофора изъ бѣлаго люстрина, изъ синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ; на ней вышиты золотомъ кресты и Серафимы съ словами: «Сѣрафимъ.» Такая шапочка служила митрою. Къ этой Епископской утвари XI вѣка принадлежитъ Архіерейскій посохъ, о коемъ ниже будетъ сказано, и желѣзныя вериги, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, найденныя на мощахъ Іерарха. Въ день открытія нетлѣнныхъ его останковъ принесена была Новгородцами ко гро-

бу его желѣзная лампада, хранящаяся въ ризницѣ, съ круговою прорѣзною надписью: Свѣча Великаго Новгорода свѣхъ православныхъ хрестіанъ, поставлена новымъ чюдотворцѣмъ Никитѣмъ въ лѣто 7335, 11 прѣла въ 1 день, при Архіепіскопѣ Пименѣ.»

Бѣлый клобукъ знаменитаго Архіепископа Новгородскаго Василя представляетъ намъ не только памятникъ церковной древности, возводимый безъотчетнымъ преданіемъ ко временамъ Константина Великаго, но и предметъ притязаній Владыкъ Новгородскихъ на первенство и преній на помѣстныхъ соборахъ. Въ 1352 году наглавіе сіе прислано Цареградскимъ Патріархомъ Филошеемъ первому Василю, возведенному на степень Архіепископа изъ бѣлыхъ священниковъ. (1) Василювъ клобукъ, вязанный изъ бѣлаго крученаго шелку, состоитъ изъ каптыря, или полусферической шапочки, съ длинными отвѣсами, украшенъ крупнымъ жемчугомъ и яхонтами. Долго подобное отличіе было принадлежностью однихъ Владыкъ Новгородскихъ, потомъ присвоено себѣ Всероссийскими Митрополитами и Патріархами. (2)

Святитель Моисей, предъ блаженною кончиною своею, 1329 года, удалившійся въ основанную имъ Сквородскую обитель, оставилъ въ Софійской сокровищницѣ памятники своего служенія и подвижничества: стяжанное имъ Евангеліе, (3) свои желѣзныя вериги и омофоръ, изображенный на рисункѣ N 97. Св. этотъ нарамникъ изъ дымчатой шелковой матеріи съ четвероконечными крестами и вышитыми на краяхъ словами: « Моисей Архіепіскопа, молитками Свѣтыа Софїи. » (4)

(1) Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

(2) см. ст. о клобукахъ.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ, II. Кеппена. М. 1832, въ 8.

(4) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора въ Новгород. Губ. Вѣдом. 1838 г, N 9. Историческое описаніе святыни Новгородской. Спб. 1848, въ 8.

РИЗА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ И ЕГО ЛОЖКА.

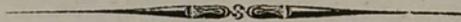
(Рисункъ Омд. I. № 101.)

Священническая риза, или *фелонь* св. основателя Троицко-Сергіевой лавры представляетъ въ ризницѣ разительную противоположность своею простотой и скудостію съ драгоценнѣйшими облаченіями, кои блестятъ золотомъ и драгоценными камнями. Она сшита изъ грубой ткани, болѣе похожей на крашенину, чѣмъ на бумажную ткань темноорѣховаго цвѣта, съ оплечьемъ изъ такой же матеріи синеваго цвѣта. Спереди три серебряныя вызолоченныя пуговицы, на кои во время священнодѣйствія поднимали петли подола фелони; назади подъ оплечьемъ нашиты маленькіи крестикъ и звѣздца или кустодія, знаменующая камень гробный, на коемъ сидѣлъ Ангелъ по Воскресеніи Христовомъ. Риза сія подбита, въ послѣдствіи, шелковою матеріей. Въ ней 1797 г. Апрѣля 23, Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ Императора Павла I, прибывшаго въ Троицкую лавру, послѣ своей коронаціи, на поклоненіе св. мощамъ Преподобнаго Сергія; въ ней онъ служивалъ въ день его праздника, какъ преемникъ его настоятельства. При освященіи двухвѣковой деревянной церкви, строенія св. Архимандрита Діонисія, перенесенной изъ села Подсосенья на Корбуху, знаменитый витія Церкви, Митрополитъ Филаретъ 1844 г. Сентября 28 священнодѣйствовалъ въ ризѣ Преподобн. Сергія.

Къ описанію Сергіевой фелони за нужное почитаемъ прибавить, что въ настоящее время сія св. одежда получила измѣненный видъ, потому что передняя часть ея, для удобства въ служеніи, постепенно была укорачи-

ваема, такъ что теперь она покрываетъ половину стана. Въ восточной православной Церкви фелоній, или *фелонь* (*φελόνιον* и *φαιλόνιον*) употреблялась, какъ древняя форма и собственно означала верхнюю длинную и широкую одежду, отъ *φαίνεται*, покрываетъ и *ὅλος*, весь т. е. одежда, покрывающая все тѣло. Въ прежнія времена ее носили и Архіереи при священнослуженіи. Скрижаль, гл. 28, даетъ ей знаменованіе той хламиды червленной, коею Христось облеченъ былъ Иудеями во время своего страданія. По толкованію Симеона Сол. « фелонь означаетъ высшую и свыше подаваемую силу и осіяніе духа, свѣтлость первѣйшихъ горнихъ Чиновъ. » Такою свѣтлостію свыше озаренъ былъ Преподобный Сергій, удостоенный сослуженія Ангеловъ.

Здѣсь на рисунокѣ соединенъ съ памятникомъ церковной скудости и остатокъ келейной простоты—деревянная столовая ложка Преподобнаго Сергія, какъ кажется, изъ дикой яблони. Она хранится въ шкафѣ при св. его мощахъ вмѣстѣ съ монашескою его мантией, парамандомъ, поручами и домашнею утварью.



НОЖЪ, НОЖНЫ СЪ КОШЕЛЬКОМЪ

И СТАРШНЯЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЧАША ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 102.)

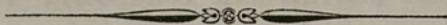
Ножикъ съ черенкомъ изъ дерева, по видимому, яблоннаго и съ костяною оправой на концѣ; суконныя ножны его показываютъ, что св. старецъ носилъ его съ собою въ дорогѣ при поясѣ, что и донинѣ дѣлаютъ поселяне. Но прославится ли стѣкира безъ стѣкущаго ея? (1) Сей великій подвижникъ, соединяя трудъ съ молитвою, плотничалъ топоромъ, чтобы выработать себѣ кусокъ черстваго хлѣба у собрата; вѣроятно, и ножъ свой употреблялъ онъ не только на раздѣленіе своего хлѣба нищимъ, но и на вырѣзываніе ложекъ и другой столовой утвари, и тѣмъ самымъ подалъ примѣръ трудолюбія, какому слѣдовали старцы Троицкіе. Въ 1619 г. они поднесли деревянныя братины, ставки и ковши своего издѣлія Патріарху Цареградскому Теофану, а въ 1676 г. Патріархамъ Александрійскому Паисію и Антиохійскому Макарію, посѣтившимъ святую обитель Преп. Сергія. Подобныя утвари посылали они Царямъ и Царицамъ. Монастырское издѣліе, перешедшее въ посадъ дало начало промышленности деревянною посудой, которую покупали богомольцы. Изъ столовой утвари особенно тамъ славились каповыя ложки и чашки, кои вырѣзывались изъ березовой болонны, или выплывка.

Къ такимъ келейнымъ издѣліямъ принадлежитъ изображенный здѣсь деревянный ставецъ или чашка, похожая на братину; за трапезой у всякаго старца былъ свой ставецъ: *что старецъ, то ставецъ.*

(1) *Исаія Прор. X, 15.*

Въ одной изъ проповѣдей своихъ Митрополитъ Платонъ, обращаясь къ симъ памятникамъ св. Сергія, говоритъ : « сіи ризы, въ коихъ онъ свя-
« ценнодѣйствовалъ, сія лжица, сей ножичекъ, послужившіе его потребамъ
« тѣлеснымъ, сей посошокъ, подкрѣплявшій его старость и слабость, по
« наружности своей, ничего не имѣютъ драгоцѣннаго, или лестнаго ; но,
« по внутренности, всякихъ бисеровъ и многоцѣнныхъ камней драгоцѣн-
« нѣе : — они освящены его пото́мъ и озлащены его добродѣтелей подви-
« гами. А потому они, яко одушевленные, всѣ громогласно вопіють : Хри-
« стіане ! не въ златѣ и сребрѣ, но въ добродѣтели и благочестіи постав-
« ляйте свое богатство. » (2)

(2) Поучительныя слова Митрополита Платона, XVI, 140 и 146.



КЛОБУКЪ, ТРОСТЬ, ЧЕТКИ, ШЛЯПА, САПОГЪ, САНДАЛИИ И БРУСОКЪ

НИКОНА ПАТРИАРХА.

(Рисунокъ Отд. 1. № 103.)

Это памятники труженической, келейной жизни Патриарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Иерусалимѣ, гдѣ онъ съ иноками ходилъ на службу въ церковь, а съ работниками дѣлилъ труды при сооруженіи дивнаго храма въ честь Воскресенія Христова, по образцу Иерусалимскаго.

Въ монастырской церкви онъ украшалъ себя уже не бѣлымъ, но чернымъ клобукомъ, какой изображенъ на рисункѣ. Клобукъ этотъ разнится отъ обыкновеннаго монашескаго только вышитымъ на его челѣ Херувимомъ. На работу онъ ходилъ въ пуховой шляпѣ; на ней уже нѣтъ такого креста, какой нашить на Патриаршей шляпѣ, хранящейся въ Патриаршей ризницѣ. Четки его косяныя съ шелковою кистью. Трость его не съ рогами, или перечиною и не съ яблоками, или шипками, но съ набалдашникомъ, составляла для него не отличіе сана, но опору въ ходьбѣ. Кожаный сапогъ съ желѣзной подковкой показываетъ намъ форму обуви, мѣру его ноги, такъ какъ и кожаныя сандалии, или босовики, съ желѣзными подковками. Наконецъ брусокъ, въ серебряной оправѣ съ драгоценными камнями, свидѣтельствуетъ, что руки Никона, воздѣваемые на молитву и благословленія, не чужды были работы.



АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОСОХЪ И ЦАРСКАЯ ЧАРОЧКА.

(Рисунокъ Омд. 1. № 104.)

Ризница Смоленскаго Успенскаго собора хранитъ въ себѣ два памятника усердія Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича : Архіерейскій посохъ и ковшечекъ для вливанія теплоты. Одинъ окованъ серебромъ съ чеканными вызолоченными яблоками и съ крестомъ на верху перечины. Другой серебряный, съ надписью, означающею имя вѣнценоснаго вкладчика ; на днѣ его вырѣзанъ двуглавый орелъ съ двумя коронами на головахъ, а на другой сторонѣ слова : *вес м золотниковъ*.

ПОСОХЪ СВ. ЕПИСКОПА НИКІТЫ И СВЯТИТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 105.)

Въ числѣ священныхъ древностей и драгоценностей, ризница Новгородскаго Софійскаго собора заключаетъ въ себѣ Архіерейскій посохъ Новгородскаго Святителя Никиты, преставившагося 1107 или 108 года, а по Слѣдованной Псалтири, 1101 года. По видимому, въ ознаменованіе Животворящей Троицы, этотъ посохъ составленъ изъ трехъ жимолостныхъ тросточекъ съ костяными рѣзными яблоками или шипками; рога, или поперечины его, и подъ ними первое поле, обложены моржовой костью, по коей вырѣзаны разные Святые. Изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ выпали; но изъ надписей видно, что на поперечинѣ были лики Спасителя съ Богоматерію и Предтечей, Архангеловъ Гавріила и Михаила, Апостоловъ Петра и Павла, Вселенскихъ Святителей, далѣе на первомъ полѣ Московскаго Святителя Петра и Ростовскаго Леонтія, благовѣрныхъ Князей, Владимира перваго въ зубчатой коронѣ, Бориса и Глѣба, въ княжескихъ шапкахъ, съ крестами въ рукахъ, Препод. Феодосія и Антонія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, св. Евѣимія, св. Онуфрія и Макарія Египетскаго и пр. Выборъ Святыхъ для изображенія на св. утваряхъ, какъ мы не однократно замѣчали выше, бывалъ не случайный, но съ какою нибудь мыслию. Удивительно, что между ими нѣтъ Святаго, тезоименитаго Святителю Никитѣ.

Обронная рѣзьба, стилемъ своимъ сходствуя съ подобными произведеніями ваянія, чеканнаго и литейнаго художества въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуеть, что рѣзьба на кости издревле была любимымъ и обычнымъ занятіемъ въ Русскомъ народѣ. Въ Новгородѣ же она могла процвѣтать еще и по тому, что промышленность доставляла ему изъ Архангельска моржовую кость для издѣлій.

Согласно съ мѣстнымъ преданіемъ и церковною описью, этотъ посохъ относится къ XI столѣтію. Но преданію и описи противорѣчатъ изображенія на посохѣ Святителя Московскаго Петра и Преподобнаго Сергія, которые принадлежатъ къ XIV вѣку. Празднованіе же памяти ихъ установлено отечественною Церковью еще того позднѣе, такъ что въ Святцахъ XVI вѣка они еще именуется *появленными чудотворцами*.

Если жъ принять, что самый жезлъ, т. е. однѣ три тросточки, дѣйствительно принадлежалъ Святителю Никитѣ, а украшенъ рѣзьбою на кости въ послѣдствіи, то тѣмъ можно примирить несогласіе, сблизивъ въ этомъ памятникѣ вѣкъ Московскихъ Святителей съ временемъ Новгородскаго Владыки. Желательно бы еще знать, когда и кѣмъ украшенъ этотъ Святительскій жезлъ? За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, надобно прибѣгнуть къ вѣроятностямъ, какія представляетъ изображеніе св. Евфимія и св. Макарія рядомъ съ св. Онуфріемъ, между тѣмъ какъ послѣдній обыкновенно изображается на иконахъ и празднуется Церковію вмѣстѣ съ св. Петромъ Аѳонскимъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія были въ Великомъ Новгородѣ два духовные Владыки, ревнители церковнаго благолѣпія и покровители художествъ: Архіепископы Евфимій II, правившій паствою съ 1429 по 1458 годъ, и Макарій, съ 1526 по 1540 годъ, потомъ Митрополитъ Всероссійскій, наименованный отъ современниковъ *чуднымъ, предивнымъ и святымъ*; памятниками его любви къ знанію и искусству остались великія Четы-Миней, Степенныя книги и св. иконы, имъ изображенныя или поправленныя. Статся можетъ, что тотъ или другой, украсивъ рѣзьбою на кости пастырскій жезлъ своего святаго предшественника, ознаменовалъ память свою изображеніемъ на немъ тезоименитыхъ себѣ св. Евфимія Великаго и Макарія Египетскаго. Такъ не рѣдко вкладчики, строители и художники на св. утваряхъ, иконахъ и другихъ памятникахъ, посвященныхъ Церкви, вмѣсто своего имени, выставляли тезоименитыхъ себѣ Святыхъ, какъ своихъ предстателей.

Наконецъ, принимая въ соображеніе внѣшнюю форму, знаменованіе и употребленіе посоховъ, кстати замѣтимъ, что такіи посохъ, жезль, (*δικαιολιον*) иногда называемый *пастерцею*, составлялъ знаменіе и отличіе Святителей, какъ пастырей словеснаго стада Христова. Въ древности онъ имѣлъ подобіе буквы Т, такъ какъ и Новгородскій св. Никиты, (1) иногда съ крестомъ, не рѣдко полумѣсяць, то вверхъ, то внизъ обращенный. По объясненію Симеона Θεσσαλονіискаго, de sacram: «Посохъ имѣетъ поперечину, загнутую назадъ наподобіе острога, чтобы прогонять ожесточенныхъ и зловредныхъ и наконецъ, чтобы знаменовать крестъ Христовъ.» Съ Никона Патріарха появляются жезлы съ двумя змїями на поперечинѣ, напоминающіе намъ превращеніе жезла Моисеева въ змїю. Какъ издревле такое изображеніе было символомъ мира, посему и присвоено Архипастырями, благовѣстниками мира. Пастырская утварь сія называется «жезломъ правленія и утвержденія.» Иногда поперечина его украшается изображеніемъ распустившихся цвѣтовъ въ память того, что Аароново Архіерейство утвердилось жезлопрозябеніемъ. (2) При хиротонисаніи Митрополитовъ онъ вручаемъ былъ имъ Великими Князьями и Царями, какъ напр. при поставленіи Всероссійскаго Митрополита Іоасафа 1539 г. «и подалъ Князь Великій Святителю жезль въ десную руку съ слѣд. словами: «Всесвятая и Живоначальная Троица, дарующія тебѣ сей Святительскій престоль великіа Митрополіа всеа Русьскіа земля, да наставитъ и укрѣпитъ святительство твое, во еже сохранить и соблюсти нашу вѣру всего православнаго Христіанства неподвижно и безмятежно и все еже о Христвѣ порученное тебѣ стадо упasti и направить на путь истинный во многолѣтствѣ и здравіи твоемъ.» (3) При этомъ обыкновенно вручаемъ былъ жезль Первосвятителя Московскаго Петра, доннынѣ хранящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Первому Патріарху Московскому Іову на поставленіи также Царь Θεодоръ Іоанновичъ подалъ этотъ жезль, своими руками возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ дровомъ, бархатную мантию и бѣлый клубукъ. (4) Но при поставленіи Патріаршескомъ Филарета Никитича, 1619 г. уже Іерусалимскій Патріархъ Θεοφανъ

(1) *Goar, Euchologion, s. rituale graecorum.*

(2) *Жезль, Москва. 1666, въ л.*

(3) *Акты Археограф. Экспедиции. I, N 184.*

(4) *Карамз. II. Г. Р. X, 121.*

вручилъ ему посохъ великаго чудотворца Петра Митрополита, а Царь далъ ему панагію злату, украшену драгимъ каменіемъ и бисеромъ, мантию бархатну со источники и клобукъ бѣлъ шелковый. (5)

Неизвѣстно, какому лицу и времени принадлежала изображенная здѣсь старинная Святительская панагія, украшенная финифтяными узорами и драгоценными камнями и жемчугомъ. Этотъ ненадписанный памятникъ также находится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

(5) Древняя Россійск. Вивлюэнка. VI, 156.

ЯНТАРНЫЙ ПОСОХЪ
ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 106.)

Между Великокняжескими и Царскими посохами въ Оружейной Палатѣ находится янтарный посохъ Патриарха Филарета Никитича, присланный къ нему въ 1632 году Курляндскимъ Герцогомъ Иаковомъ. Этотъ знакъ уваженія Герцога къ Патриарху относится къ тому времени, когда Курляндія вошла въ сношенія съ Россією. Послѣ кончины Патриарха Филарета, посохъ этотъ поступилъ въ число Царскихъ сокровищъ.

Посохъ этотъ, составленный изъ янтарныхъ штукъ, украшенъ искусною рѣзьбою въ Нѣмецкомъ вкусѣ.



**ПАРАМАНДЪ,
ПОЯСЪ И ЧАШЕЧКИ,
НАЙДЕННЫЯ ВЪ ГРОБѢ ВЪ ЦЕРКВИ СПАСА НА БОРУ.**

(Рисункъ Отд. I. № 107.)

Въ притворѣ Кремлевской дворцовой церкви Спасъ на Бору, гдѣ съ XIV по XV вѣкъ былъ монастырь, открыты въ 1836 г. при передѣлкѣ стѣнокъ, подъ каменнымъ помостомъ два каменные гроба, покрытые такою же плитою; одинъ у южной, другой у сѣверной стѣны со входа. Въ первомъ найдено еще неистлѣвшее тѣло въ широкомъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами, палеваго цвѣта; голова его, сохранившая кожу и волосы, покрыта шелковымъ убрусомъ. Въ ногахъ у него лежала берцовая кость и чашечка глиняная, муравленая. Въ другомъ гробѣ открытъ полуистлѣвшій оставъ, судя по краткости бедренныхъ костей и тазовому выгибу позвоночнаго столба, женскій. Кости сохранили свое естественное положеніе до того, что руки остались сложенными, только голова, отдѣлившаяся отъ туловища, лежала поодаль, вѣроятно, отъ того, что истлѣло изголовье, на коемъ она покоилась. На груди у него былъ кожаный парамандъ, съ ремешками; чресла его обнималъ такой же поясъ. Въ ногахъ лежала глиняная чашечка, какъ и у другаго, муравленая, и остатки кожаныхъ сандалій.

Безъ сомнѣнія, тѣла сіи погребены тогда, когда еще Спасопреображенскій Княжескій монастырь служилъ усыпальницею не только своихъ настоятелей и монаховъ, но, какъ увидимъ далѣе, Князей и Княгинь, ко-

гда они въ немъ принимали предсмертное постриженіе, а нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь остатокъ жизни въ келейномъ уединеніи.

Каменные гробы окладомъ своимъ похожи на открытые въ Кіевѣ, старой Рязани и другихъ мѣстахъ Россіи. Подобно Египетскимъ, они обхватываютъ голову, туловище и ноги человѣка, какъ бы влагалища. Впрочемъ окладъ, или форма гробовъ былъ въ древней Руси не всегда одинаковъ; потому что находили каменные гробы, высѣченные изъ цѣльнаго бѣлаго камня, на подобіе ящика, или трапеціи, какъ напр. гробъ В. К. Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. По указанію лѣтописей, въ каменные раки не рѣдко вкладывались деревянные гробы, или *колоды*, *ковчегъ*, *корсты*, *буды*. (1) Случалось, что въ гробъ отца клали дѣтей. Тѣло Владимира Васильковича философа, 1287 г. «положиша въ отнѣ гробѣ.» (2) Хотя, по принятому обычаю, въ древности у Русскихъ погребали усопшихъ въ самый день ихъ кончины, до захожденія солнца: [«то бо послѣднее солнце «видятъ до общаго Воскресенія;»] но, если не готова была каменная рака, то погребеніе отлагали до другаго дни, какъ то случилось—было съ тѣломъ Князя Давида Святославича. (3) Такой гробъ замазывали. (4) Надъ могилами Князей и Княгинь въ церквахъ обыкновенно ставили каменные гробницы, или надгробницы съ покровами и выносными образами, предъ которыми горѣла неугасимая свѣча, чтобы «память родителей не угасала.» (5) Это называлось, говоритъ лѣтопись, «послѣднюю службу сотворить родителямъ «своимъ.» Поминовеніе считалось священною обязанностью въ день кончины и тезоименитства усопшихъ, и въ родительскія субботы. Тогда ставили на гробъ ихъ кутью, служили панихиды и заупокойныя обѣды; со двorca давали на братію колачи, рыбу и квасы—и у Спаса на Бору, гдѣ Іоаннъ Калита кормилъ и одѣвалъ убогихъ, раздавали нищимъ милостыню по душѣ поминаемыхъ—и въ притворѣ храма надъ Княжескими гробами или въ боковой трапезѣ творилось заупокойное учрежденіе для иноковъ. Гробы родительскіе для дѣтей были жертвенниками обѣтовъ; *у отня гроба* они заключали союзы, *утверждались между собою* клятвою, какъ будто предъ живымъ *послухомъ*; на сырной недѣлѣ

(1) Карамз. II. Г. Р. III, пр. 23. Еухологішнь, або молитвословъ, или Требникъ, напеч. въ Кіевѣ Митрополитомъ Петромъ Могилою. 1646 г. въ дестъ.

(2) *Ипатьевская лѣтоп.* подъ 1285 годомъ.

(3) Карамз. II. Г. Р. IV, пр. 263.

(4) тамъ же II. Г. Р. II, пр. 228.

(5) см. ст. о воцаницахъ.

и отправляясь въ походъ, они приходили прощаться, въ первый день Пасхи—христосоваться. Такова была святыня гробовъ родительскихъ, ввѣренная не внутренности храма Преображенскаго, гдѣ опочиваютъ св. мощи Святителя Пермскаго Стефана, но притвору его. Издревле, притворъ церковный, какъ въ Царьградѣ, такъ и на Руси служилъ усыпальницею Княжеской; потому что на Востокѣ, отъ первыхъ вѣковъ, не дозволялось никого погребать во внутренности храма. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуеть намъ, что «сынъ «Константина Великаго вмѣнилъ за особенную честь, что отца его похоронили при входѣ въ храмъ. Что дверники въ Царскомъ дворцѣ, говоритъ «онъ, то Цари во гробѣ у храма.» На такомъ основаніи, притворъ Преображенской церкви опредѣленъ былъ для погребенія Московскихъ Князей и Княгинь, которыхъ гробы лежатъ въ землѣ подъ каменнымъ помостомъ. Но надъ ними давно уже нѣтъ надгробницъ. Вѣроятно, онѣ разрушены, или самыя гробы опущены въ землю тогда, когда Поляки, занимавшіе Кремль около 19 мѣсяцевъ, по словамъ Аврамія Палицына, искали въ могилахъ сокровищъ.

Къ сожалѣнію, на самыхъ гробахъ и на утваряхъ нѣтъ надписанія именъ, кои могли бы для насъ разоблачить тайну могилы. Древніе Синодики, куда вносились для поминовенія имена здѣсь погребенныхъ, истлѣли въ пожарахъ. Однѣ безгласныя кости, одни безъимянные знаки ихъ сана не скажутъ намъ, кому и когда они принадлежали. Но, къ счастью, лѣтописи сохранили намъ имена Великихъ Князей и Княгинь, погребенныхъ въ притворѣ этого храма. Въ 1393 году, здѣсь положенъ юный сынъ В. К. Дмитрія Донскаго Іоаннъ, въ иночествѣ, Іоасафъ подлѣ гроба бабы своей, Княгини Александры Князь Ивановны, вдовы В. К. Іоанна Іоанновича, скончавшейся 1364 года. Здѣсь гробы Великої Княгини, инокини Елены, ум. 1332 г. первой супруги В. К. Симеона гордаго, Маріи, и второй его супруги Анастасіи Литовской, ум. 1345 г. В. К. Марія, разведенная съ супругомъ своимъ, принявъ ангельскій образъ съ именемъ Феотиніи, пребывала въ этомъ монастырѣ до блаженной кончины своей, которая постигла ее, спустя 46 лѣтъ послѣ супруга ея. Тѣло ея положено въ монастырѣ у Спаса на Москвѣ 1399 г. Марта 31; но, 1473 г. вѣроятно, при возобновленіи церкви, «обрѣтена въ тѣлѣ неврежена ни чѣмъ, только ряса истлѣла.» (6) Великій Князь Іоаннъ III, призвавъ благочестивую Игуменью Алексѣевскую Уліану, повелѣлъ ей облечь мощи прабабки своей «во всѣ новыя ризы монашескія.»

(6) Софійскій временникъ. I, 423. II, 140,

И такъ, если это не останки юнаго инока Иоасафа, сына Донскаго, то должны быть мощи Феотиніи, сохранившія на себѣ невредимо священные знаки иноческаго сана,—парамандъ и поясъ, такъ равно свидѣтельство елеосвященія—скудельный сосудецъ.

По своему отношенію къ церковной Археологіи, сіи древнія св. утвари заслуживаютъ особенное вниманіе.

Извѣстно, что парамандъ, *paramandu*, или *аналавъ*, возлагается при постриженіи въ монашество; обыкновенно, его прикрѣпляютъ крестообразно шнуромъ между раменами. Симъ священнымъ убрусомъ закрывали лице усопшему иноку. У Гоара такъ описанъ сей знакъ монашескаго образа: «парамандъ « есть четвероконечный доскутъ, длиною въ одну пядень, который посред- « ствомъ длинныхъ шнуровъ прикрѣпляется къ рукамъ и плечамъ. На немъ « обыкновенно изображаются знаменія страстей Спасителя, крестъ большой « съ четырьмя меньшими по сторонамъ и съ словами: ІС ХР НК, т. е. Иисусъ « Христосъ побѣдилъ.» Таковы параманды, донинѣ употребляемые иноками и устроиваемые обыкновенно изъ бумажной, шерстяной или шелковой ткани. Но изображенный на эстампѣ парамандъ, какъ мы замѣтили, кожаный, хорошо сохранившійся, длиною $4\frac{3}{4}$, а шириною 3 вершка. Изъ кожи они дѣлались согласно съ толкованіемъ Симеона Фессалонійскаго, который говоритъ: что « Аналавъ изъ кожъ животныхъ за мірскихъ умерщвленіе, отъ раменъ спреди « крестовидно и созади знаменіе креста имущій, паче же самый изобразующій « крестъ. » (8) вмѣсто креста, вытиснутые XII господскихъ праздниковъ съ надписями представлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Благоуѣщеніе, Прекращеніе, Рожьтко Х҃ско, Распятіе Х҃ско, Встрѣченіе Х҃ско, Воскресеніе Х҃ско, Крещеніе Х҃ско, Вознесеніе Г҃не, Воскресеніе Лз҃рво, Шѣтке Д҃ха ст҃го, Вх҃дъ к҃ Іер҃салмъ, Успеніе ст҃ Б҃ці.

Замѣчательно, что въ числѣ праздниковъ, здѣсь изображенныхъ, находятся такіе, какіе не вошли въ составъ господскихъ, донинѣ принимаемыхъ Православною Россійскою Церковію, напр: Распятіе Господне и Лазарево Воскресеніе; за то нѣтъ такихъ, какіе теперь причислены къ дванадцатымъ напр. Воздвиженіе честнаго креста, Введеніе и Рождество Богородицы. Это показываетъ, что въ XIV вѣкѣ отечественная Церковь наша принимала тѣ же господскіе праздники, какіе показаны у Никифора Каллиста, жив-

(7) Euchologion, s. rituale Græcorum, auct. I. Goar.

(8) Новая Скрижаль, изд. 4, Москва, 1816, въ 4.

шаго въ томъ же вѣкѣ. Онъ излагаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Благовѣщеніе, Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Преображеніе, Лазарево Воскресеніе, Входъ во Іерусалимъ, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа и Успеніе Пресв. Богородицы. (9) Съ росписаніемъ праздниковъ у Каллиста согласно изображеніе ихъ на парамандѣ, найденномъ въ гробѣ у Спаса на Бору.

На кожаномъ поясѣ вытиснуты тѣ же праздники, что и на парамандѣ. Напоминая иноку поясъ *успенный* Предтечи, по словамъ св. Германа, онъ знаменуетъ умерщвленіе плоти и возобновленіе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовность на всякое доброе дѣло.

Кромѣ вещества и значенія этой утвари, замѣчательнъ въ ней способъ тисненія. На ней вытиснуты выпукло изображенія и надписи посредствомъ мѣдной доски, на коей онѣ вырѣзаны были вглубь. Такое дѣло походитъ на печатаніе неподвижными буквами; отъ него сдѣланъ переходъ къ оттилкамъ гравированныхъ досокъ и къ печатанію подвижными буквами. Въ дѣлахъ о пожарѣ Московскомъ 1737 г. упомянута «старая доска мѣдная, что печатають кожи.»

Не оставимъ безъ вниманія и двухъ скудельныхъ сосудовъ, лежавшихъ въ гробахъ. Они не одинакой величины и сдѣланы искусно изъ глины, муравленые; одинъ грановитый, желтоватаго цвѣта, другой гладкой, зеленоватой. Значеніе ихъ такое же въ чинѣ отпѣванія, какое у Грековъ *κανθήλα τοῦ εὐχελαίου*. (10) Послѣ отпѣванія усопшаго, наполнивъ ихъ оставшимся отъ елеосвященія масломъ съ краснымъ виномъ, изливали его на покойника, а самый сосудецъ клали ему во гробъ.

Описанныя нами утвари осматривалъ Государь Императоръ Николай I, столь внимательный и благоговѣйный къ отечественной древности и святынѣ. Найденныя въ гробахъ бывшимъ придворнымъ Протоіереемъ, а нынѣ Протопресвитеромъ У. С. Василюемъ Иван. Платоновымъ, онѣ хранятся въ алтарѣ у Спаса на Бору.

Наконецъ нельзя не пожелать, чтобы на стѣнахъ притвора выставлены были доски, съ именами погребенныхъ здѣсь Князей и Княгинь.

(9) Дни богослуженія Православной Греко-Россійской Церкви. Спб. 1837, вѣ 8.

(10) Handbuch der christl. Archäologie, von D. Augusti, III, 554.

ПАНАГІЯ ПАТРІАРХА ІОАСАФА.

(Рисункъ "Оид. 1. № 108.)

Между Великокняжескими и Царскими регаліями въ Оружейной Палатѣ находится и Патріаршая панагія, прекрасная по работѣ и драгоценная по матеріаламъ. Лицевую ея сторону украшаетъ оправленный въ золото камей изъ большаго хризопраза, на коемъ вырѣзанъ образъ Успенія Богоматери, храмовой Патріархіи. Греческая надпись: *ἡ κοίμησις τῆς ὑπεραγίας Θεοῦ*, (1) обнаруживаетъ Греческое издѣліе, которое Московскимъ художникомъ вставлено въ панагію, украшено драгоценными камнями и финифтью, ознаменовано Русскими надписями. Съ обратной стороны открывается половинка, на коей наведены чернью слѣд. надписи, крестообразно размѣщенныя: и мощи святаго мученика Евстаѳа, Плакиды, святаго мученика Меркурія, Преподобнаго Александра Свирскаго, Великомученика Пантелеймона. « Въ срединѣ читаете: *Лѣта 5704. по келѣніемъ Великаго Госпѣна Святѣйшаго Іоасафа Патріарха Московскаго ꙗже всѣа Росіи здѣлана сѣа панагѣа.* » Годъ (1671) показываетъ, что она принадлежала седьмому Патріарху Московскому Іоасафу II, хиротонисанному изъ Архимандритовъ Троицко-Сергіевы лавры 1667 года, Декабря 29 и скончавшемуся 1672 года, Февраля 17. Неизвѣстно только, по какому случаю, этотъ знакъ Святительства поступилъ въ Оружейную Палату, вмѣсто Патріаршей ризницы.

(1) т. е. Успенія Пресвятыя Богородицы.

ПАНАГІИ ПАТРІАРШІЯ.

(Рисунокъ Омд. I. № 109, III.)

Патріаршія панагіи наминають намъ знаки Святительскаго отличія ; по первоначальному своему происхожденію и употребленію, онѣ совершенно имѣли различное знаменованіе и назначеніе. Начало панагіи относится къ Апостольскимъ временамъ. Древнее преданіе, какъ отголосокъ первенствующей Церкви, сообщаетъ намъ слѣдующее : « по вознесеніи І. Христа, Апостолы всегда оставляли за трапезою незанятое мѣсто въ память небснаго своего Учителя, который въ Св. Писаніи именуется *хлѣбомъ животнымъ*, (1) и на убрусцѣ выше трапезы полагали хлѣбець, » иже хотяше « Спасъ свѣсти, егда плотію пребываше. » (2) Предъ окончаніемъ трапезы, они съ благодареніемъ Богу возносили этотъ хлѣбъ, называвшійся *частію Господней*, и славили великое имя Пресвятыя Троицы. Когда же въ Гевсиманіи, по успеніи Богоматери, необрѣтенной во гробѣ, они, по обыкновенію, вознесли съ славословіемъ Пресвятыя Троицы, *часть хлѣба, отложеннаго для Господа*, въ это самое время внезапно явилась на воздухѣ Божія Матерь въ сонмѣ Ангеловъ и привѣтствовала ихъ словами : « радуйтесь ! Я съ вами есмь во вся дни ! » Обрадованные Апостолы единогласно воскликнули : « Пресвятая Богородица, помогай намъ ! » (3) Такое от-

(1) *Исходъ*. XVI, 13. *Іоанна Еванг.* VI, 33.

(2) Повѣсть о воздвиженіи Пречистыя Богородицы хлѣба въ полномъ собраніи твореніи Максима Грека списокъ съ списка 1765 г. въ л. въ библиот. *И. Н. Царскаго*. N 244.

(3) Чинъ о панагіи, бываемый въ обителяхъ по вся дни. См. *Слѣдов. Псалтырь*. Euchologion. sive rituale Græcorum, opera *Iac. Goar*, ed. II, Venetii, 1730, f.

радное видѣніе и воззваніе послужили для нихъ свидѣтельствомъ о возстаніи изъ гроба и вознесеніи на небо Богоматери, съ тѣмъ вмѣстѣ освященіемъ трапезнаго ихъ воспоминанія. Завѣтное преданіе объ этомъ было основаніемъ къ учрежденію въ нѣкоторыхъ Греческихъ лаврахъ, особливо въ Аѳонской горѣ, а наконецъ, по примѣру ихъ, и въ нашихъ отечественныхъ монастыряхъ, священнаго, знаменательнаго обряда—возношенія за трапезою благословеннаго хлѣба въ честь Богоматери. Отъ Пресвятаго ея имени хлѣбъ сей именовался *панагією* т. е. пресвятою, а складной ковчежець, куда онъ влагался, *панагіѳоріон*. Въ послѣдствіи названіе содержимаго дано содержащему, и въ общемъ употребленіи *панагія* принимаема была, вмѣсто панагіара, на коемъ изображался ликъ Богоматери и св. Троицы. Чинъ панагіи обыкновенно совершается въ концѣ трапезы, болѣе въ праздники. По данному знаку колоколомъ или биломъ, всѣ встаютъ и, по молитвословіи, возносятъ сію панагію съ возгласеніемъ: «Пресвятая Богородица, помогай намъ!» потомъ раздробивъ этотъ хлѣбъ, раздѣляютъ его присутствующимъ. За тѣмъ иногда предлагалась такъ называемая *чаша Богородичная*, или *Пречистыя*. Для сего употребляемы были: чаши, братины, красовули и фіалы, а изъ напитковъ: медъ или красное виноградное вино, растворенное водою.

Впрочемъ не только за монастырскими трапезами, но и за столами Византійскихъ Императоровъ отправлялся чинъ панагіи, какъ видѣли выше изъ приведеннаго сказанія Георгія Кодина, Византійскаго писателя XV в. Комментаторъ его присовокупляетъ, что обрядъ этотъ также совершался народомъ въ церквахъ и домахъ.

По примѣру Византійскаго двора, завѣтный этотъ обрядъ, какъ выше замѣчено, совершался при торжественныхъ столахъ у Московскихъ Государей и Патріарховъ. Такъ за Царскими столами въ золотой Палатѣ 1619 и 1642 годовъ, по случаю поставленія Патріаршаго, Святитель «дѣйствовалъ надъ Богородичнымъ хлѣбомъ.» На праздничные, родильные и именинные столы у Государя, Патріархъ шелъ въ преднесеніи св. иконъ и панагіара; но промежду Патріаршества не износили панагіара. (5) Чинъ панагіи совершаемъ былъ за Патріаршими столами въ праздникъ Пасхи, въ память Первосвятителя Петра, въ память Митрополитовъ и Патріарховъ Московскихъ, въ день Успенія Богоматери, когда

(4) *G. Codini de offic. Constant. VII, 23.*

(5) Древн. Росс. Вивліоѳика. XV, 187.

Царь приглашаемъ былъ Святителемъ «хлѣба кушать въ дому Пречистыя Богородицы,» т. е. въ Патріаршей столовой палатѣ. За такими столами предлагались чаши съ возношеніемъ имени: *чаша Петра Митрополита*, какъ первопрестольника, *чаша Царская* и *Патріаршая*. Два столовые панагіара или панагіи, теперь хранятся въ Московской Патріаршей ризницѣ; одна изъ нихъ значится въ описи 1658 года: «панагеа серебряная, походная на «чѣмъ вынимають хлѣбъ богородиченъ.» (6) Находящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ серебряный панагіаръ, 1436 года, названъ въ церковной описи *панагіею артосною*. (7) Какимъ же образомъ сія трапезная утварь обратилась въ знакъ Іераршескаго сана, Митрополитъ Гавріилъ Петровъ такъ объясняетъ: «Какъ настоятели обителей возлагали на себя за трапезою ковчежець съ богородичнымъ хлѣбомъ; то, по примѣру сихъ панагіаріевъ, Патріархи и Архіереи стали носить на себѣ иконы тѣхъ Святыхъ, во имя которыхъ освящены престольные ихъ храмы; тѣмъ болѣе, что къ присвоенію себѣ панагіи Архіереями служило основаніемъ и то, что они были вмѣстѣ настоятелями монастыря въ своей Епархіи.» (8) Такія наперсныя иконы Епископовъ въ Греческихъ чиновникахъ названы общимъ именемъ *ἐγκόλπια*, *напѣдрениками*, а въ Россіи особенно *иконами воротными, вратными*, т. е. наперсными и *панагіями*. При поставленіи Митрополита Всероссійскаго, икона вратная золотая возлагалась на него первенствующимъ Архіереемъ, (9) а при поставленіи перваго Патріарха Московскаго, Царь, по свидѣтельству Арсенія Елассонскаго, собственными руками возложилъ на него панагію съ золотою цѣпочкой (*elegantissimum encolpion ex aureo pendens funiculo*), какъ подтверждаетъ и самая надпись на этой панагіи, хранящейся въ Московской Патріаршей ризницѣ.

Анастасій въ комментаріяхъ на дѣянія VIII собора говоритъ, что «крестъ съ честнымъ (*pretioso*) древомъ, или съ мощами Святыхъ, носимый на груди, называется *енколпиемъ*, или напѣдреникомъ. «Въ дѣяніяхъ Святыхъ при св. Папѣ Львѣ III упомянуто о золотомъ напѣдреникѣ, коего одна сторона изъ кристалла, а на другой литое изображеніе. Крестъ наперсный

(6) Списокъ съ переписной Патріаршей домовой казны, 7166 г. N 543:

(7) см. выше стр 84—86, Артосная панагія въ Спискѣ Русскимъ памятникамъ, П. Кеппеа, М. 1822, въ 8.

(8) О служеніи и чиновложеніяхъ Православ. Греко-Росс. Церкви, М. 1792. Ср. Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій (М. Евгенія), Спб. 1804. въ 4.

(9) Акты Археограф. Экспедиціи, I.

завѣщанный св. Петромъ Митрополитомъ Іоанну Калитѣ и возлагавшійся на Государей Россійскихъ при вступленіи ихъ на престоль, не представляетъ ли доказательства, что первосвятители тогда носили на себѣ крестъ.

До Московскаго собора 1675 года и по его опредѣленію, Архіепископы и Епископы въ своихъ Епархіяхъ могли надѣвать на себя при служеніи крестъ, или панагію ; однимъ только Патріархамъ, или Митрополитамъ предоставлялось право носить на себѣ крестъ и панагію. Но въ послѣдствіи Патріархи Московскіе стали возлагать на себя по двѣ панагіи съ крестомъ. (10)

Такимъ образомъ панагія получила особенное назначеніе въ порядкѣ Іерархическомъ, какъ Архіерейское отличіе, которое потомъ предоставлено было даже Архимандритамъ нѣкоторыхъ ставропигіальныхъ монастырей. Соотвѣтствуя Судному Слову ветхозавѣтной Церкви, она замѣнила наперсное украшеніе, которое состояло изъ убруса съ XII самоцвѣтными камнями различнаго рода и съ именами XII колѣнъ Израильскихъ. (11) Нѣкоторыя изъ Патріаршихъ панагій, большею частію, состоятъ изъ камней, украшавшихъ Слово Судное, каковы были: сардій, топазій, смарагдъ, александрскъ, сапфиръ, іасписъ, лигирій, ахатъ, амеѣистъ, хрисолионъ, вирилій и онихій. (12) Подобно какъ Слово Судное, выражающее *истину* и *явленіе*, служило Первосвященнику орудіемъ отвѣтовъ вопрошающимъ о волѣ Божіей: (12) такъ, вѣроятно, и панагія, при избраніи Всероссійскихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, назначалась вмѣстилищемъ жребіевъ. Тогда заключивъ въ нее три жребія, ставили ее въ кіотѣ на пеленѣ предъ чудотворною иконою Владимирскія Богоматери въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ молебна, вынявъ одинъ жребій, представляли его Царю. (13) На это употреблялась складная панагія древнихъ Святителей.

Въ панагіяхъ Архіерейскихъ заключались мощи Святыхъ, иногда часть древа Господня и даже онѣ служили дароносицей, или хранилищемъ св. Таинъ. Изъ Твореній Св. Отцевъ и житія Благовѣрнаго Князя Михаила Черниговскаго видно, что въ напутствіе отправлявшимся въ дальное и опасное странствованіе вручаемы были запасныя дары, (14) коп, вѣроятно,

(10) Исторія Росс. Іерархіи, I.

(11) Начертаніе Церковно-библейской Исторіи. М. Филарета. изд. 4. Спб. 1827, въ 8. I. *Jahni* Archaeologia biblica, Vienna. 1814, въ 4.

(12) *Исхода* XXVIII, 18 и 19.

(13) Древн. Росс. Вивліоэвка, VI, 234—240.

(14) Св. Василія Великаго письмо 289 къ Кесарію и Амвросія Медіол. и Софійск. Врем. I, 294.

заклучались въ складныхъ панагіяхъ. (15) Подобную сему путевую панагію Патріарха Никона можно видѣть въ ризницѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря.

Въ описяхъ Патріаршей казны панагіи раздѣляются на *столовыя, походныя, путныя* и *вратныя*, или наперсныя; (16) первыя составляли складни, или панагіары, на одной половинѣ ихъ изображалась Пресвятая Троица, а на другой Воплощеніе, или такъ называемое Знаменіе Пресвятой Богородицы, вѣроятно, потому, какъ говоритъ Симеонъ Солунскій, что «чрезъ божественное Рождество мы Троицу познахомъ;» вторыя были глухія съ изображеніемъ то Преображенія Господня, то Благовѣщенія и Успенія Богоматери и другихъ Святыхъ; на панагіи, присвоиваемой св. Петру Митрополиту, видѣнъ ликъ св. Пророка Даніила.

Наконецъ панагіею называемы были и малые образа съ мощами и безъ мощей, коими замѣнялись тѣльные кресты и привѣшивались къ мѣстнымъ и домовымъ иконамъ. Патріархъ Іеремія поднесъ Царю Θεодору Іоанновичу панагію золотую съ мощами, а въ ней крестъ отъ животворящаго древа и кровь Христова, да часть ризы Господней и пр. а Царичъ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на камнѣ образъ св. Марины. (17)

Приложенная здѣсь панагія, золотая, по описи казны Патріаршей, принадлежала Патріарху Филарету Никитичу. На вставленномъ въ срединѣ ея четырехслойномъ агатѣ, или такъ называемомъ перелифти, вырѣзанъ рельефомъ образъ Божіей Матери Воплощеніе. Пресвятая Дѣва, стоящая, съ Превѣчнымъ младенцемъ на лонѣ ея. Вокругъ образа обнизано въ двѣ пряди жемчугомъ, въ возглавіи крупный яхонтъ; на обратной сторонѣ по золоту вырѣзано Богоявленіе Господне. Хотя изъ описи келейной казны Патріарха Филарета видно, что двѣ панагіи съ камнями привезены ему Турскимъ посломъ Оомою Кантакузинымъ; но работа описываемой нами, отчетливая, искусная, по видимому, дѣло не Греческое, а Московское, какое нерѣдко выходило изъ рукъ мастеровъ Царскаго и Патріаршаго двора.

(15) О возношеніи панагіи, егда хочетъ кто на куплю отыти, въ Стратинскомъ Молитвенникѣ или Требникѣ, изъ друкарня Пана Ѳ. Ю. Балабана, 1606, въ 4.

(16) Книга списокъ съ переписной Патріаршей казны, 1716 г. N 543.

(17) *Карамз* II. Г. Р. X, пр. 198.

**ПАНАГІЯ ВЪ АРХІЕРЕЙСКОЙ РИЗНИЦѢ
ВЛАДИМИРСКАГО РОЖЕСТВЕНА МОНАСТЫРЯ.**

(Рисунокъ Омд. I. № 110.)

Среди св. утварей, изъ разныхъ вѣковъ, въ Архіерейской ризницѣ Владимірскаго Рожественна монастыря находимъ Святительскую серебряную, вызолоченную панагію XVII вѣка. Она достопамятна, сколько богатствомъ украшеній, столько же искусствомъ работы. Въ срединѣ ея вставленъ камей изъ оникса мутно-лиловаго цвѣта съ зеленоватыми полосками, изображающій Спасителя; вокругъ его въ клеймахъ лики XII Апостоловъ, въ томъ числѣ четырехъ Евангелистовъ подъ видомъ Ангела, Орла, Льва и Тельца. На возглавіи вычеканенъ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Какъ вокругъ камей, такъ и ободка насажены въ гнѣздахъ вишисы, хризопразы, изумруды и жемчужины. На обратной сторонѣ, вокругъ креста идетъ въ четыре ряда слѣдующая надпись, которая указываетъ намъ не только годъ, но и соорудителя этой утвари. Мы ее предложимъ здѣсь по снимку Г. Солнцева: « лѣта 7344, Номбра въ кѣ день, при дѣрзжавѣ кѣговѣрнаго Црѣ і великаго Кназа Мнхила Ѳедоровича всеа Русіи ѿ при Сѣтѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ Никитиче Москвитинѣ і всеа Русіи по повелѣнію ѿхъ Гдѣрскаго вогомольца Керейскаго Митрополита Аверкіа. » Панагія сія относится къ тому времени, когда Владиміръ съ Лухомъ и Гороховцемъ были городами Патріаршей области. (1) Въ 1624 г. Архіепископомъ Суздальскимъ и Тарусскимъ въ исторіи Іерархіи показанъ Іосифъ, а преемни-

(1) Собраніе Госуд. грамотъ. III, 231

комъ его съ 1634 г. Серапіонъ. Остается между правленіемъ того и другаго десятилѣтіе, никѣмъ не занятое. (2) Чтожъ касается до Митрополита *Верейскаго* Аверкія, то Епархіей его была или *Верія* въ области Константинопольскаго Патріарха, или Сирскій Алепо, въ древности называвшійся *Веріей* и въ послѣдствіи принадлежавшій къ Цареградскому Патріархату. Такъ въ числѣ Митрополитовъ Восточной Церкви, подписавшихъ грамоту на поставленіе перваго Московскаго Патріарха Іова, находился *Варійскій* Митрополитъ Акакій. (3) По этому предполагать можно, что пріѣхавшій изъ Веріи Митрополитъ Аверкій, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, устроилъ сію панагію отъ щедротъ Царскихъ и Патріаршихъ. Статься можетъ, что Митрополиту Верійскому Аверкію предоставлена была Патріархомъ Филаретомъ въ управленіе Суздальская Епархія между 1624 и 1634 годами. Примѣръ тому былъ въ 1589 г., когда Владимиръ предлагали въ управленіе Цареградскому Патріарху Іереміи. (4) Ежели это такъ, то панагія оставлена Аверкіемъ на память въ ризницѣ Рожествена монастыря, гдѣ Владимирскіе Іерархи издревле имѣютъ свое мѣстопробываніе.

(2) Исторія Росс. Іерархій, I.

(3) Древняя Росс. Визліювика. XVI, 129.

(4) Карамз. II. Г. Р. X, 119.

ЧЕТКИ, КРЕСЛА И СТОЛЬ

НИКОНА ПАТРИАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 112.)

Въ пустынь, устроенной Никономъ Патриархомъ при Воскресенскомъ монастырѣ, Новомъ Иерусалимѣ, хранится памятникъ его смиренія въ напастахъ и простоты его келейнаго быта: креслы и осмигранный столъ съ выдвигаемыми ящиками изъ сосноваго дерева; однѣ раскрашенныя по левкасу, а другой некрашеный. По видимому, этотъ столъ былъ писменный и вмѣстѣ трапезный. Вмѣстѣ съ церковными облаченіями и домашнею одеждою въ ризницѣ находятся его четки, выточенныя изъ кости, съ шелковою кистью.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.